

Джулиет Митчелл

Скрытая жизнь братьев и сестер

Угрозы и травмы

СКРЫТАЯ ЖИЗНЬ БРАТЬЕВ И СЕСТЕР

Juliet Mitchell

SIBLINGS

Sex and Violence

Polity

Джулиет Митчелл

СКРЫТАЯ ЖИЗНЬ БРАТЬЕВ И СЕСТЕР

Угрозы и травмы

Москва
Когито-Центр
2020

УДК 159.9
ББК 88.8
М 67

Издание осуществено при содействии Общества психоаналитической психотерапии (ОПП)

Перевод с английского
Натэла Ханелия, Виктор Белопольский

Митчелл Джулиет

М 67 Скрытая жизнь братьев и сестер: Угрозы и травмы / Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2020. – 343 с. (Библиотека психоанализа)

ISBN 978-0-7456-3221-6 (англ.)
ISBN 978-5-89353-603-4 (рус.)

УДК 159.9
ББК 88.8

Книга восполняет имеющийся в психологической и психоаналитической литературе пробел, касающийся влияния горизонтальных связей в семье (внутри одного поколения) на становление личности и развитие психопатологических черт у детей и взрослых. Подчеркивается, что появление нового ребенка в семье остро переживается его ближайшими по возрасту братьями и сестрами, меняет семейную расстановку и сложившиеся в ней эмоциональные связи. Рассматриваются недостаточно обсуждаемые и умалчиваемые вопросы жизни сиблингов: насилие, сексуальные отношения братьев и сестер, выполнение запретов и табу, половые аспекты привязанности – и более общие проблемы: соотношение гендера и пола, взаимосвязь эдипальных и сиблинговых отношений, исторические, этнические и социальные факторы в жизни братьев и сестер.

ISBN 978-0-7456-3221-6 (англ.)
ISBN 978-5-89353-603-4 (рус.)

Содержание

Предисловие

> Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.
>
> Всеобщая декларации прав человека ООН (от 1948 года), статья 1

Недавний анализ показал, что ценности мужского братства не распространяются на женщин, в частности, им не отведено места в идеале братства, который характеризует общественный договор, существующий в современных западных обществах. Братство считается одним из патриархальных явлений. Моя собственная точка зрения заключается в том, что, хотя такое положение дел и является одним из проявлений мужского доминирования, существует еще один важный аспект – присвоение «братства» патриархатом иллюстрирует то, что все оказывается подчинено вертикальному вектору понимания, тогда как горизонтальная плоскость полностью игнорируется. Я пришла к мысли, что такая «вертикализация» может быть основным способом, посредством которого идеологии братства (включая сексизм) получают возможность действовать незаметно.

Впервые я осознала важность темы сиблингов в ходе своей работы по исследованию истерии, которая потом была издана под названием «Безумцы и медузы: Возвращение истерии и влияние сиблинговых отношений на жизнь человека» (Mitchell, 2000a). С тех пор я отмечаю, что тема братьев и сестер вызывает бесконечное число вопросов и является матери-

алом для дальнейшего анализа. Я, конечно, осведомлена о том, что значит быть одним-единственным ребенком. Хотя ситуация может измениться, я уверена, что до сих пор в мировой истории превалировала ситуация, когда каждый имел или же ожидал, что у него будет сестра или брат, и это важно в психическом и социальном плане. В некотором смысле сверстники заменяют братьев и сестер. Все всегда, конечно же, знали о том, что братья и сестры играют важную роль, но установление связи между сиблингами и фактическими или потенциальными патологиями, глубинными основаниями нашей любви и жизни, ненависти и смерти открывает богатую почву для исследований.

Настоящая книга является чем-то вроде второй точки моего маршрута (книга «Безумцы и медузы» была в этом смысле первой), к которой меня как психоаналитика привел мой клинический материал. Из этой точки расходится большое количество тропок, и все они ведут в различные места, каждое из которых относится к какой-либо дисциплине, изучающей человеческое общество посредством наблюдения, «тестирования», создания художественных произведений или любым другим способом. То, что я прибегаю к различным источникам, от случаев из жизни до нейропсихиатрии, а также к политическим и гендерным исследованиям, романам, фильмам, антропологическим данным и др., не является следствием моей приверженности как ученого к междисциплинарности, а просто отражает тот факт, что, по моему мнению, нам нужно использовать все возможные средства, чтобы увидеть полную картину и понять исследуемый объект. Размышления и суждения, представленные в этой книге, возникли, в частности, в ходе живого обмена клиническим опытом, поэтому они открыты для обсуждения, их можно подтвердить, дополнить или опровергнуть – любая реакция привнесет что-то в эту область, которая требует от нас, чтобы мы посмотрели на нее по-иному. Хочется надеяться, что эта данная книга станет частью этого диалога.

В диалоге, который состоялся в 1920-х годах и действительно приобрел известность, поскольку перерос в жаркую

дискуссию, антрополог Бронислав Малиновский утверждал, что разрешения и запреты могут быть более значимыми для отношений между сестрами и братьями, чем для отношений между родителями и детьми. Эрнест Джонс, ведущий психоаналитик, был категорически с этим не согласен. Джонс придерживается мнения о фундаментальном значении тотемов и табу для человеческой культуры в целом применительно к инцесту в отношениях между ребенком и матерью и желания убить в отношениях между ребенком и отцом (так называемый эдипов комплекс). Спор не был разрешен, но общая тенденция во всех социальных науках заключалась в том, чтобы отдавать предпочтение вертикальным отношениям ребенка с родителем; а с 1920-х годов прежде всего отношениям ребенка с его матерью. Насколько этот акцент может быть этноцентричным, в какой степени такой анализ может служить идеологической установке, игнорирующей то, что всем известно, а именно важность сиблингов? Недавно в маленькой деревне на юге Франции, которую я хорошо знаю, моя подруга, обсуждавшая со мной своих маленьких дочерей, сказала следующее: «Конечно, в долгосрочной перспективе они гораздо важнее друг для друга, чем я для них, в конце концов, они будут знать друг друга всю свою жизнь».

Игнорирование сиблингов, как это ни парадоксально, отчасти связано с тем повышенным вниманием, которое мы уделяем детству как формирующему этапу человеческого опыта, забывая при этом об этапе взрослости. Эта тенденция, как я полагаю, берет свое начало в западном мире в XVII веке (Aries, 1962); после этого она набирает обороты, достигая пика сначала в XIX, а затем в XX веке. Однако те, кто изучает детей, конечно же, являются взрослыми, и это находит свое отражение в том, что вертикальные отношения родитель – ребенок переносятся на процесс исследования. Это в высшей степени справедливо в отношении психоанализа, который в качестве основного метода прибегает к исследованию «переноса» чувств ребенка к родителям на личность взрослого психотерапевта. Акцент Малиновского на сиблингах стал

Рис. 1. Лукас Кранах Старший. «Саксонские принцессы Сибилла, Эмилия и Сидония» (1535). Музей истории искусств, Вена

пониматься как утверждение о важности роли брата матери. Иными словами, исходная проблема стала рассматриваться в «вертикальной плоскости», а вопросы, лежащие в горизонтальной плоскости, остались вне поля зрения.

По словам Малиновского, восемьдесят лет назад детско-родительские отношения жителей островов Тробриан можно было охарактеризовать как любовные, не содержащие даже намека на сексуализацию как с точки зрения влечения со стороны ребенка, так и совращения со стороны родителей. Запретной территорией для них были отношения между братом и сестрой:

> Прежде всего, дети полностью предоставлены сами себе в своих любовных делах. Не только нет вмешательства со стороны родителей, но редко, если вообще когда-то случается, что мужчина или женщина проявляют извращенный сексуальный интерес к детям... человек, ко-

> торый играет с ребенком в игру сексуального характера, будет выглядеть нелепым и отвратительным... С раннего возраста... единоутробные братья и сестры должны быть отделены друг от друга, в соответствии со строгим табу, которое запрещает интимные отношения между ними (Malinowski, 1927, p. 57)*.

Жесткие запреты на любовь между сиблингами усваиваются детьми уже в очень раннем возрасте и, по-видимому, формируют те психические состояния, которые так хорошо описаны в психоанализе в отношении родителей – следствием запрета становится вытеснение, из-за чего возникающие желания оказываются исключительно бессознательными. В то же время аффективные связи с родителями и табуированные отношения между братьями и сестрами социально поддерживаются таким образованием, которое Малиновский называет «детской республикой». Дети образуют социальные группы (брат и сестра не могут находиться в одной группе), в рамках которых дети познают новое, исследуют сексуальную сферу, получают опыт социальной организации, контролируют жестокость посредством игр. Все это происходит без участия взрослых.

Чтение работы Малиновского наводит на некоторые мысли. Приведенный в ней материал подтверждает предположение, которое будет обсуждаться в главе 5, что сексуальность следует отделять от репродуктивности. Кроме того, возникает вопрос, почему мы делаем такой акцент на биологических родителях. Джонс утверждал, что, признавая социального, а не биологического отца, тробрианцы жили в состоянии отрицания. Малиновский ответил, что открытая сексуальная игра детей не приводила к размножению, поэтому для тробрианцев естественно не связывать сексуальность и размножение, если только это не задавалось определенным семей-

---

* Работа Б. Малиновского переведена на русский язык и опубликована: *Малиновский Б.* Секс и вытеснение в обществе дикарей. М.: Высшая школа экономики, 2011. – *Прим. пер.*

ным статусом, вследствие чего большее значение придается социальному, а не биологическому отцовству. Это наводит на мысль о том, что мы принимаем важность биологического отцовства как должное. Мне кажется, что взгляд с позиции социального родства дает возможность по-другому посмотреть на биологическое родительство.

Нам не следует увязать в дебатах о социальном и биологическом отцовстве – обе эти формы возникают в определенных социально-исторических условиях. Я предполагаю, что широко поддерживаемое утверждение об исключительной важности «естественного» отцовства на самом деле является характерной чертой западного общества, которое организовано вокруг идей «свободы, равенства и *братства*», то есть так называемого «людского братства». Фрейд определенно считал, что интеллектуальный скачок, необходимый для принятия роли биологического отца без материальных доказательств реализации родительской функции, как в случае материнства, представляет собой единственное величайшее достижение человеческого прогресса. Однако не только тробрианцам не было нужды в таком скачке. Нам нужно посмотреть на проблему по-другому: когда и почему биологический родитель стал настолько важным для нас? История знает разные примеры: до Второй мировой войны роль биологической матери не считалась важной как среди представителей бедного рабочего класса, так и среди высшего сословия. Одно из первых разногласий между нынешней королевой Англии и ее невесткой Дианой возникло из-за того, что королева выразила свой протест относительно желания Дианы, чтобы Уильям, ее маленький сын, сопровождал свою мать во время ее поездки в Австралию.

Один важный момент для так называемого скачка к утверждению абстрактной идеи, что биологический отец является единственно возможным отцом, относится к дебатам, имевшим место в конце XVII века (глава 9). Не то чтобы биологический родитель являлся принципиальным пунктом противоречия между сторонниками патриархата и теоретиками

общественного договора, скорее имел место интерес к рассмотрению позиции родителя в рамках спорных концепций семьи. Для сторонников патриархата, прежде всего для сэра Роберта Филмера, отец был единственным родителем в семье и, следовательно, в обществе – одно было микрокосмом второго. (До XVIII века мать считалась всего лишь средством вынашивания семени отца – см.: Hufton, 1995.) Мое первоначальное знакомство с работами теоретиков общественного договора позволяет предположить, что для разделения частного и общественного принципиальное значение имело помещение понятия биологического родителя в центр категории «частного». Вместо того чтобы считать природу основой общества (точка зрения сторонников патриархата), «природно-биологическое» приравнивается к частной сфере, находящейся внутри, но отдельно от государства. «Природа» – одно из таких ключевых слов, которое знаменует изменение понятия: природные связи являются базовыми, но в то же время они могут быть незаконными, если принадлежность к этой природе не была социализирована. Когда шекспировский Глостер сравнивает своего «законного Эдгара» со своим незаконнорожденным «природным» сыном Эдмундом и говорит: «Я вынужден признать себя его отцом»*, – он как будто указывает на новое значение, которое придается биологии в рамках закона.

Не только Фрейд, но и Энгельс, и практически все с начала Нового времени утверждали, что первостепенное значение биологического отцовства объясняется необходимостью знать, что жена является матерью ребенка. Превосходство биологического родства может быть решающим идеологическим постулатом общественного договора – он берет свое начало от «естественного состояния», когда женщины были вне политического устройства. В рамках теории общественного договора биологическое отцовство и материнство – это проявление природы в обществе как неприкасаемого, фун-

* Пер. Б.Л. Пастернака.

даментального, неизменного анклава. Таким образом, непризнание его важности, утверждает Джонс, будет означать опору на иллюзорное отрицание. Джонс прав с точки зрения Запада, но не с точки зрения общества, в котором внимание уделяется биологической близости сестер и братьев и социальному смыслу отцовства, как если бы социальное отцовство и биологическое сиблинговое родство, с одной стороны, а социальное сиблинговое родство и биологическое отцовство, с другой, образовывали такие согласованные пары. Если родительство воспринимается как биологический конструкт в обществах, в значительной степени основанных на теории общественного договора, биологические отношения братьев и сестер не выступают структурным элементом в социальной организации, а первостепенная важность отдается социальному братству. Из-за такой недооценки значимости биологического сиблингового родства мы упустили из виду широту распространения и важное значение насилия, совершаемого в отношениях между братьями и сестрами (Cawson et al., 2000; см. также главу 3), которое было бы не только совершенно ужасным, но и совершенно очевидным для тробрианцев.

Тем не менее мы, возможно ненамеренно, создали латеральные (горизонтальные) группы сверстников, признавших табу, которое налагается на отношения биологически родных братьев и сестер. Мы учреждаем школы, в которых дети делятся по возрастам, поэтому братья и сестры редко оказываются в одном классе и, следовательно, в одной группе сверстников. Школы, таким образом, функционируют наподобие того, что Малиновский назвал «республикой тробриандских детей». Однако существует все то же основное различие: мы сохраняем наши вертикальные структуры с помощью учителей, *занимающих место родителей*.

Итак, по-видимому, наша концентрация на ребенке, берущая начало в XVII веке, является именно такой структурой: взрослый человек смотрит на ребенка сверху вниз, а соответствующий аналитический подход рассматривает ребенка в контексте взрослых, от которых он зависит или вынужден

быть зависимым. Это, по крайней мере, отчасти объясняет тот факт, почему сиблингам, даже просто как детям не уделялось достаточного внимания — они неявно присутствуют в общей картине, но выходят на свет только вместе со взрослыми. Считается, что в западных обществах сиблинговый инцест происходит из-за недостаточной родительской заботы и контроля. Это так, хотя возвеличивание социальных, политических и экономических аспектов идеала братства предполагало уменьшение значения кровных родственных связей между сиблингами. Убийство братом своей сестры за измену в мусульманской семье или изнасилование братом младшего сиблинга в обедневшей семье матери-одиночки рассматриваются как сходные случаи. На самом деле они похожи только в том, что происходят вне рамок западного общественного договора. По существу, они, однако, разные. Первый пример относится к социальному порядку, основанному на кровных отношениях, тогда как второй возникает из-за того, что западная система не отводит кровным отношениям соответствующего места и не понимает их значимости. Таким образом, рост насилия и жестокости в детстве происходит не только вследствие ослабления родительских или других вертикальных полномочий по уходу и контролю, а также и из-за того, что биологическому сиблинговому родству не отведено соответствующего места в социальном устройстве государства, основанного на абстрактных идеалах социального братства. Это, конечно, не оправдывает убийство сестры, совершившей измену: я просто привожу пример из другой социальной системы, чтобы проиллюстрировать, что западное изумление другими практиками демонстрирует не просто нашу «инаковость», а скорее внутренний отказ от социализации кровного сиблингового родства под западным знаменем «свободы, равенства и братства». Опора на социально дарованную власть природных родителей в частной сфере (и их заместителей в социальной сфере, как если бы эти заместители были также природными) обеспечивает господство социального братства как идеала, в то время как бесчинства природного

братства могут оставаться незамеченными (или осуждаются как результат отсутствия вертикальной власти), потому что ему не отводится должного социального места.

Аналогичным образом из-за нашей зацикленности на вертикальных отношениях мы считаем, что именно родители и их заместители должны ограничивать насилие над детьми. Мы также утверждаем, что насилие в первую очередь направлено против авторитетной фигуры, обладающей властью, – матери, отца или учителя. И все же, конечно, и в школах, и в детских республиках на островах Южного моря мальчики дерутся друг с другом, а девочки от них не отстают. Я полагаю, что мы упустили из виду угрозу, исходящую от нового ребенка, который занимает наше место, или от старшего сиблинга, который был на этом месте до нашего рождения. Это приводит к идентификации с серьезным травматическим чувством несуществования, которое будет «разрешено» в борьбе за власть: психическое уничтожение создает условия для желания уничтожить того, кто несет за это ответственность. Здесь разыгрывается противостояние: сильный–слабый; большой–маленький; мальчик–девочка; бледнее–темнее. Во взрослых войнах мы побеждаем, убиваем и насилуем наших сверстников. Однако, по иронии судьбы, именно в обществах, основанных на общественном договоре братства, эта деятельность не контролируется в горизонтальной плоскости. Наш воображаемый социальный индивид принимает во внимание только вертикальную власть. Наш образ островной южноморской республики детей запечатлен в романе «Повелитель мух» – беспредел и убийства среди мальчиков.

За идеалом братства, который существует в рамках общественного договора при отсутствии горизонтального контроля, стоит тиранический брат. Горизонтальный взгляд меняет пространство анализа. Никто в здравом уме не мог бы поверить, что построению великой империи будет хотя бы в малейшей степени способствовать уничтожение разрозненного народа, называемого «евреями», но почему же так много людей посчитали это возможным? Почему хулиган на игровой

площадке получает поддержку, когда нападает на безвинную жертву? Жертва не олицетворяет собой скрытую уязвимость тирана, как это обычно понимают, а скорее являет собой травмирующее искоренение самого его существа, которое может быть восстановлено только за счет маниакальной грандиозности — место есть только для меня. Приверженцы тирана/хулигана тоже оказываются «ненаполненными собой», разделяя с пустым, но грандиозным тираном/хулиганом ощущение искоренения себя — в них индуцируется травма. В маниакальном возбуждении тиранической риторики исчезает индивидуальность личности и суждения, пока все не станут единым целым. «Изначальное событие», когда реальный или воображаемый сиблинг занимает мое место, когда другой оказывается на моем месте, воспроизводится бесконечное количество раз, если оно не разрешено. Жертвы, которые подвергаются издевательствам, воспринимаются как те, кто старается занять место тирана/хулигана. Другие поддерживают это безумное видение, потому что в них тоже может отзываться эта «универсальная» травма смещения/замены.

Отчаянная грандиозность, присущая Я тирана, и видения империи содержат в себе как сексуальность, так и жестокость, которые маскируют любовь к себе и необходимость сохранять ее в момент грозящей опасности. Однако, как выяснили дети, только правильная социальная организация сиблингов и сверстников может противостоять непрекращающемуся отыгрыванию тираном/хулиганом неразрешенной травмы, связанной с повторяющимся проживанием момента своего уничтожения. Такая организация предполагает сестринство и братство, где есть место для равенства, достоинства и права. Взгляд на сиблингов означает новый взгляд на секс и жестокость. Если мы поместим в поле нашего зрения сиблингов, то та картина, которую мы привыкли видеть, существенно изменится.

Глава 1

Сиблинги и психоанализ: обзор

В наше время странно говорить об особом значении сиблингов. Во всем мире темпы прироста населения снижаются; на Западе эти показатели в основном ниже уровня замещения поколений[1]. Китай, в котором проживает более одной пятой мирового населения, предпринимает усилия для активного внедрения семейной политики «один ребенок»*, добившись значительных успехов в городских центрах. Много ли братьев и сестер будет в будущем (и будут ли они вообще)?

Тем не менее в этой книге утверждается, что сиблинги необходимы для любой социальной структуры и важны в психическом смысле для всех социальных отношений, включая отношения родителей и детей. Интернализированные социальные отношения формируют психическую структуру личности. В частности, высказывается мнение, что сиблинги были практически исключены из поля внимания. Наше понимание психических и социальных отношений основывалось на вертикальном взаимодействии: восходящих и нисходящих линиях между предками, родителями и детьми. На протяжении большей части XX века модель строилась вокруг отношений между младенцем и матерью; до этого в фокусе были отношения ребенка и отца. Теперь мы приходим к пониманию того, что обеспокоенность сексуальными и насильственными

---

* В ноябре 2015 года в Китае принят закон, официально отменяющий политику ограничения рождаемости, известную по принципу «одна семья — один ребенок». — *Прим. пер.*

действиями со стороны родителей (особенно со стороны отчимов) заслоняет те бесчинства, которые происходят в отношениях между сиблингами (Cawson et al., 2000). Почему мы не учли, что для описания любви и сексуальности, ненависти и войны, разворачивающихся в латеральных отношениях, нам нужна соответствующая теоретическая парадигма, с помощью которой мы могли бы анализировать, рассматривать эти отношения и искать пути влияния на них? У меня нет четкого ответа на этот вопрос, но я уверена, что нам необходима смена парадигмы, чтобы перейти от ситуации вертикального доминирования к взаимодействию горизонтальной и вертикальной плоскостей в социальном и психологическом контекстах. Почему только один набор отношений должен определять образ нашего мышления, почему только он должен преобладать повсеместно и во все времена? Даже если в мире будет меньше полнородных братьев и сестер, все равно будут существовать латеральные отношения, то есть те отношения, которые имеют место на горизонтальной оси, начиная с братьев и сестер и заканчивая сверстниками и свойственниками. В полигинных обществах, в социальных условиях с высокими показателями материнской смертности, разводов и повторных браков, а также в контексте полиаморных отношений можно говорить лишь об увеличении удельного веса неполнородных братьев и сестер, которые при этом не перестанут общаться между собой.

Можно и следует утверждать (Winnicott, 1958), что крайне важно, чтобы в раннем детстве мы прорабатывали проблемы социального взаимодействия, с которыми столкнемся в будущем, в отношениях с братьями и сестрами. Если нам не удастся преодолеть наше стремление к кровосмесительной связи или желание убить сиблинга, будем ли мы разыгрывать различные вариации на эти темы в более поздних латеральных отношениях со сверстниками и ровесниками в любви и на войне? Фрейд утверждал, что для того, чтобы жениться на своей женщине, мужчина должен в детстве понять, что он не может жениться на матери (эдипов комплекс)[2]. Я полагаю

также, что мужчине не менее важно знать, что он не может взять в жены свою родную сестру, чтобы иметь потом возможность жениться на психологической преемнице своей сестры (а не только своей матери). Но действительно ли мы вступаем в брак с кем-то, кто похож на нашу сестру или нашего брата? Было высказано предположение, что идеальная ситуация для успешных гетеросексуальных отношений возникает из сочетания детских запрещенных кровосмесительных желаний человека, направленных на кого-то, кто отдаленно похож на изначальный инфантильный объект любви, со взрослым влечением к тому, кто немного напоминает его самого. Нередко говорят: она вышла замуж за своего отца или он женился на своей матери, имея в виду, что брачный партнер имеет черты сходства с родительской фигурой. Можно ли тогда допустить, что мы заключаем браки с нашими братьями или сестрами? В литературе делается акцент на эдипальном желании убить отца, но кого мы преимущественно убиваем – отцов или братьев?

Как мы можем оценить относительную важность нашей вертикальной любви или ненависти к нашим родителям и наших горизонтальных эмоций, которые мы испытываем к нашим братьям и сестрам? На войне мы сражаемся бок о бок с нашими братьями, а не с отцами: братская любовь и ненависть по-видимому, лежит в основе того, кого мы можем и не можем убивать. Первая мировая война показала, что «братская» лояльность была необходима для успеха, и, как писал поэт Уилфред Оуэн, убитый враг также является братом. Все то, что происходит между братьями и сестрами – полнородными, неполнородными, сводными и даже нерожденными, но всегда ожидаемыми, потому что в детстве все боятся потерять занимаемую позицию в семье, – ложится в основу взаимодействия между товарищами по играм и сверстниками. В центре того, что Леви-Стросс называет «атомом родства» (Levi-Strauss, 1963), находятся братья и сестры; именно этот атом представляет для меня основной интерес в рамках этой книги. Влияние психоанализа с его акцентом на эдипальном

и вертикальном вышло далеко за его пределы. Я хотела бы добавить латеральную ось к психоаналитической теоретической и клинической перспективе. Меня также интересует, как это соотносится с теориями группового поведения и социальной психологии в целом.

Недавно я разговаривала с группой клинических психологов и психотерапевтов о месте братьев и сестер в их работе. Я поделилась одной историей и задала вопрос: «Всемирная служба BBC сообщила, что южный индийский штат Керала объявил о расширении услуг по уходу за детьми и младенцами. Зачем они это сделали?». Лаская мой феминистический слух, все присутствующие в аудитории ответили, что это даст возможность большему количеству матерей выйти на работу. Таковым изначально было и мое собственное предположение. На самом деле таким образом в штате с невероятно высоким уровнем грамотности девочкам обеспечили возможность ходить в школу. Очевидно, уровень грамотности снижался, потому что сестры должны были оставаться дома, чтобы заботиться о младших братьях и сестрах. В очередной раз я была поражена нашей этноцентрической установкой, изолирующей братьев и сестер от детерминант, действующих в социальной истории и в психодинамике как отдельных людей, так и социальных групп. Подтверждением этой этноцентричности является тот шок, который переживает западное сознание, когда узнает о количестве возглавляемых детьми домохозяйств в пораженных СПИДом странах Африки к югу от Сахары.

Предположение заключается в следующем: признание важности отношений между сиблингами и всех сходных с ними латеральных отношений должно привести к смене парадигмы, что бросит вызов превалирующим в настоящее время вертикальным парадигмам. Матери и отцы, конечно, очень важны, но социальная жизнь определяется отношениями не только с ними, как считают наши западные теории. Ребенок рождается в мире, населенном не только родителями, но и сверстниками. Выходит ли наше мышление за бинарные рамки?

Существует вторая гипотеза, оформленная менее четко, чем первая, согласно ей, ситуация, в которой вертикальная парадигма доминирует и практически исключает другие, возникла в связи с тем, что социальная и индивидуальная психология изучалась с мужской точки зрения. Обращаясь к моей области исследований, то есть к психоанализу, я обнаружила, что многие теоретические понятия, объясняющие феминность, поразительным образом совпадают с теми понятиями, которые нам нужны, чтобы включить сиблингов в общую картину. В отношениях между братьями и сестрами приоритетными оказываются такие переживания, как страх аннигиляции, страх, свойственный девочкам, в отличие от мужского страха перед кастрацией. Они также включают в себя страх потери любви, который обычно ассоциируется с девочками; чрезмерный нарциссизм, который должен найти подтверждение в том, чтобы быть объектом, а не субъектом любви. Сиблинги и феминность имеют схожую судьбу: их обычно упускали из виду.

Психоанализ, как и все великие теории, следовал образцу, который предполагает, что нормальное приравнивается к мужскому. Из этого парадоксальным образом следует, что мужская психика считается чем-то само собой разумеющимся и остается невидимой. Современный феминистский вызов этой идеологии означает, что маскулинность становится объектом исследования. Изучение родных братьев и сестер и отношений между ними позволит обоим полам занять свое место в аналитической картине. Я полагаю, что фигуры брата и сестры находятся в основе таких почти забытых понятий, как эго-идеал – старший сиблинг идеализируется как тот, кем хотел бы быть младший, иногда это превращенная в противоположность ненависть к сопернику. Сиблинговые отношения могут иметь отношение к структуре, лежащей в основе гомосексуализма. Братья и сестры также помогают в решении постмодернистского вопроса относительно проблемы мышления эпохи Просвещения, согласно которому сходство приравнивается к маскулинному, а различие – к феминно-

му. Постмодернистский феминизм был заинтересован в том, чтобы продемонстрировать, что такое единство, понимаемое как объединение «одного и того же», достигается только путем исключения того, чего оно не хочет впускать в себя как отличающееся. Мужское единство достигается ценой исключения женского как другого или отличающегося. Братья изгоняют из своей общности сестер, или феминность.

За этим утверждением в пользу структурирующей важности латеральной плоскости отношений можно увидеть переход от модернизма к постмодернизму и от казуальных к коррелятивным объяснениям. Если выстраивать связь сиблингов и отношений между маскулинным и феминным по оси одинаковости/различия, то роль феминизма (и возрастающей «схожести» мужских и женский ролей) может заключаться в том, чтобы способствовать усилению латеральности по сравнению с вертикальностью. Социальные изменения лежат в основе этого сдвига. Например, наследование происходит по вертикали, но эта практика, вероятно, идет на спад, и во Флориде пенсионеры клеят на автомобили наклейки: «Мы тратим ваше наследство», что указывает на новую тенденцию. Несмотря на рост бедности среди женщин, если они имеют оплачиваемую работу, то вполне могут обеспечить себя материально. На данном этапе эти мысли являются не более чем умозрительными направлениями для исследования, но, по-видимому, они заслуживают дальнейшего изучения, что предполагает снижение важности происхождения и повышение важности альянса.

Истерия и сиблинги

Последующие главы книги являются результатом длительного изучения истерии, преимущественно с точки зрения психоанализа[3]. Это исследование также было поддержано интересом феминисток второй волны к истерикам как к протофеминисткам (Cixous, 1981; Cleme, 1987; Gallop, 1982; Hunter, 1983;

и др.) – женщинам, для которых истерия была единственной формой протеста, доступной при патриархате (Showalter, 1987, 1997). Вместо того чтобы изучать истерию феминисток, я давно интересуюсь мужской истерией. Наличие мужской истерии (наряду с анализом сновидений) позволило Фрейду развить психоанализ как теорию, основанную на наблюдении бессознательных процессов, которые являлись универсальным атрибутом психики и выражали себя главным образом при столкновении с социальными барьерами, затрудняющими проявление сексуальности. Совершенно очевидно, что все понимают, что не должны совершать инцест, но истерик в каждом из нас хочет сделать именно это, хочет сделать то, что не разрешено. Истерические симптомы, такие как истерическая слепота, усталость, неподвижность или определенные аспекты некоторых расстройств пищевого поведения, обнаруживают как тайные сексуальные желания, так и запрет на них, который истерик не желает признавать. В межкультурном и историческом контексте истерия ассоциировалась почти исключительно с женщинами. Мужская истерия (описанная Шарко во второй половине XIX века и проанализированная Фрейдом, который учился у него), продемонстрировала, что эти процессы не относятся к определенной популяции – ни к «дегенератам» (как обычно думали в XIX веке), ни к больным, ни к женщинам. Признание факта мужской истерии в конце XIX века позволило понять, что симптомы истерии являлись отражением большого числа обычных и универсальных процессов. Преувеличенный характер невротических проявлений показывает нам психопатологию обыденной жизни каждого.

Однако, когда была продемонстрирована универсальность бессознательных процессов, диагноз истерии претерпел изменения. Она перестала считаться болезнью, крайние проявления которой резко контрастируют с нормальностью; скорее она стала считаться аспектом личности, преимущественно женской. Примерно 70% страдающих «истерическим расстройством личности» (согласно DSM-III) в Соединен-

ных Штатах – женщины. Истерия стала аспектом или способом выражения женской идентичности. Мы бесконечно ходим по одному и тому же кругу, когда истерия становится синонимом женщины, а феминность – синонимом истерии.

Истерия сбросила с себя ярлык болезни, но в своей психоаналитической клинической работе я все еще могу наблюдать истерию как нечто большее, чем расстройство личности (или же как таковое). Истерия давно перестала быть распространенным диагнозом (Brenman, 1985), но в социальной и политической жизни существование и широта разговорного использования термина казались оправданными. Эти два фактора заставили меня взглянуть на проблему не только с исторической, но и этнографической точки зрения. Казалось, нет сомнений в том, что истерия всегда была универсальным феноменом: у всех нас могут быть истерические симптомы или истерические действия, а если такого рода проявления становятся образом жизни или эти симптомы сохраняются, этот человек может оказаться истериком. Тогда встает вопрос: почему истерия везде и всегда была связана с женщинами, хотя ей могут быть подвержены и мужчины?

Психоаналитическое объяснение того, что истерия была, так сказать, рефеминизирована после того, как было признано ее наличие у мужчин, связано с важностью доэдипальной привязанности девочек к матери. «Закон», исходящий от места Отца (Lacan, 1982a, b), устанавливает запрет на эдипальные желания ребенка по отношению к матери (любовь Эдипа к своей матери-жене Иокасте). Закон, который угрожает символической кастрацией (комплекс кастрации), запрещает фаллическую любовь к матери. В результате происходит дифференциация полов; и мальчик, и девочка подвергаются угрозе кастрации, если нарушается закон, но девочка никогда не займет место отца по отношению к заместителю матери. Вместо этого она должна изменить свою позицию: она должна встать как бы в положение матери и быть объектом любви для своего отца. Девочка должна отказаться от своей матери как объекта своей любви и вместо этого стать как она.

В «идеализированном» нормативном мире она затем пытается завоевать любовь своего отца, чтобы восполнить нарциссическую рану, связанную с отсутствующим фаллосом, который желает ее мать. Попирая закон, истерическая девочка настаивает на том, что у нее есть этот фаллос для ее матери (мужская позиция, фаллическая позиция истерика), и в то же время жалуется, что у нее его нет (женская позиция, пустое обаяние и постоянные жалобы истерика), и она должна получить его от отца.

Подобная классическая интерпретация получила новые акценты и была дополнена. Меня интересовал тот факт, что, если склонность к истерии признается «универсальной» (или «трансверсальной» – присутствующей повсеместно, но в различных формах), что общего у ее различных проявлений? Истерия всегда и слишком велика, и недостаточна – она располагается между грандиозностью и психическим коллапсом. Как это проявление согласуется с психоаналитической интерпретацией? Я предполагаю, что истерик – мужчина или женщина – драматизирует предполагаемую фаллическую позицию и в то же время считает, что у него или нее удалили пенис, что, в свою очередь, означает, что у него или у нее ничего нет. Таким образом, женщина-истерик кажется одновременно чрезвычайно мощной и ужасно «пустой». Она не только интроецирует фаллическую потенцию, как будто полагая, что это был настоящий пенис, она также чувствует себя опустошенной, потому что, не потеряв ничего, не имеет внутренней репрезентации этого. Несмотря на то, что она выглядит фаллической, она колеблется между «пустой» маскулинной позицией по отношению к своей матери и пустой феминной позицией по отношению к отцу; «пустой», потому что она не интернализировала «потерянную» мать и не приняла «потерянный» фаллос. Ее тяга к обоим является навязчивой и непрестанной. В обоих аспектах ситуации она демонстрирует, что не усвоила символический закон: она считает (как и многие, кто читает психоаналитические теории), что фаллос, настоящий или отсутствующий, представляет собой реальный

пенис. Таким образом, она бесконечно соблазняет, как будто таким образом она получит настоящий пенис. На карту также поставлен вопрос нарциссической любви (любви к себе) и так называемой «объектной любви» (любви к другому). Я вернусь к этому вопросу, так как считаю, что его невозможно понять без рассмотрения сиблинговых отношений. Объяснение всех этих проявлений истерии требует внимательного изучения сиблингов. Но другой фактор – признание мужской истерии – также ставит под сомнение, что истерия может быть объяснена с точки зрения вертикальных межпоколенческих связей.

Мужская истерия казалась маловероятной с точки зрения здравого смысла. Западное название этого заболевания происходит от греческого слова «матка», и многие врачи XIX века возражали против мужской истерии именно по этим причинам. Однако это не имеет отношения к психической жизни: мужчины воображают, что у них есть матки и что у них нет пенисов. Мужчина-истерик, верящий в свою способность зачать, выносить и родить, пребывает в заблуждении. Следовательно, в мужской истерии может быть психотический элемент, который, в свою очередь, влечет за собой то, что истерику считают «более серьезной». Но вера в то, что у него есть матка или нет пениса, также помещает мужскую истерику в женскую позицию, и именно тогда мужчина начинает осознавать себя истериком. Отвержение мужской истерии произошло одновременно с отказом от феминности. Из этого складывается странное уравнение: мужская истерия является женской, поэтому ее маскулинность исключается; феминность становится болезнью. В 1920-х годах британский психоаналитик Джоан Ривьер описала историю болезни пациентки, чья феминность (или «женственность») была маскарадом (Riviere, [1929][*]). Несколько десятилетий спустя Жак

* В случаях, когда это представляется целесообразным, в квадратных скобках указаны даты первой публикации, чтобы обозначить время появления данной работы. Номера страниц, указанные в тексте, относятся при этом к более позднему изданию.

Лакан писал, что феминность сама по себе является маскарадом (Lacan, 1982a, b). Маскировка имеет решающее значение для истерии, но следует отличать ситуации, когда вы «надеваете» феминность и когда женственность сама по себе является модной одеждой.

Истерик должен наряжаться: чувствуя себя опустошенным, он нуждается в одежде, чтобы обеспечить свое существование, но, если он выберет женственность, оставаясь при этом предметом желания, эта женственность будет использовать все тело, как если бы тело было фаллосом, и феминность, таким образом, сама по себе будет фаллической. Если в качестве маскарадного костюма он выберет маскулинность, его фаллическое позерство будет выглядеть не менее недостоверным из-за того, что это выставляет напоказ мужчина. Однако во всех этих эдипальных случаях истерии важное значение отводится бессознательной сексуальности, возникающей из-за неспособности полностью подавить кровосмесительные эдипальные желания. Здесь возникает ключевой вопрос, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме сиблингов. Тем не менее в определениях истерии есть и второе направление, которое, как я считаю, также указывает на то, что мы должны принимать во внимание братьев и сестер. Речь идет о важности травмы. Со времен Шарко травма считалась решающей в этиологии мужской истерии; поскольку истерия оказалась рефеминизирована, травмирующий элемент был в значительной степени забыт.

Когда Жан-Мартен Шарко объявил о распространенности мужской истерии в своей огромной государственной клинике Сальпетриер в Париже, он добавил новое измерение в этиологию. Он утверждал, что в случаях мужской истерии, с которыми он имел дело, не было ничего женоподобного; мужчины реагировали неорганическими физическими симптомами (то есть истерическими симптомами) на некоторую травму — несчастный случай на работе или в поезде, драку на улице и т. д. Схожесть симптомов, которые демонстрировали мужчины — жертвы Первой мировой войны, не имевшие реаль-

ных травм, с симптомами классической женской истерии подтвердили эту возможность. Однако связь между травмой и истерией остается не проясненной (Herman, 1992) и сама по себе является предметом для исследования. Но мое намерение иное. Коротко говоря, я утверждаю, что между травматическим неврозом (как стали называть военную истерию) и истерией разница существует, но эта разница не сводится к отсутствию или наличию травмы. Обычно отмечается различие в том, что травма в случае травматического невроза является реальной и действительной, а в случае истерии скорее имеет место фантазия о травме. Я смотрю на эту ситуацию по-другому. В обоих случаях имеет место травма. При травматическом неврозе травма находится в настоящем, при истерии – в прошлом. В случае истерии забытая травма прошлого постоянно воссоздается через отыгрывание, действительно имеет место драматизация кризисных ситуаций. Незначительные препятствия, стоящие на пути для получения того, чего кто-то хочет, рассматриваются как травмирующие, но когда-то в раннем детстве эти препятствия были на самом деле травмирующими для истерика.

Что такое травма? В самом общем виде травма представляет собой прорыв защитного барьера насильственным (физическим или психическим) способом, опыт проживания которого не может быть проработан и интегрирован: в психике или в теле, или в том и другом сразу пробивается брешь, оставляя после себя отрытую рану или пустоту внутри. Чем со временем заполняется эта пустота, образованная в результате травмы? Имитация присутствия или объекта, который образовал эту дыру в теле или психике, имеет решающее значение. Если, например, в фантазии человек убивает отца, а потом становится мертвым отцом, кажется, он пытается заполнить этот пробел. Истерия определенно включает подражание, имитацию ряда психических и телесных состояний. Таким образом, она, подобно хамелеону, принимает цвет в соответствии с преобладающим окрасом окружающей среды, проявляясь, например, как расстройство пищевого поведения в «худоща-

вой» культуре богатого ожирением мира или как «железнодорожный позвоночник», когда железные дороги только появились и вызывали страх*. Истерия в данном случае вызывает преувеличение нормального: истерическое подражание настолько точно, что нет разделения между тем, чего нет, и тем, кем человек стал, чтобы быть уверенным, что это все еще есть.

Подражание это, хоть и принимает разные формы, неслучайно. Его смысл связан с опытом и личной историей человека. Применительно к теме отношений братьев и сестер я хочу посмотреть не на индивидуальные ситуации, а на общую картину. Во все времена и в разных местах одним из наиболее заметных истерических подражаний является подражание смерти в ее различных обличьях (King, 1993). Хотя известно, что в крайних случаях истерики совершают самоубийство, общая истерическая тенденция притворяться мертвым понималась только как воплощение желания. Хотя психоанализ привлек внимание к прорыву табуированной сексуальности при истерии, он ограничился только случайными наблюдениями относительно осуществления травмы в имитации смерти (Freud, [1928]). В стремлении провести разграничительную черту между истерией и травматическим неврозом психоанализ не интегрировал это измерение в свой теоретический корпус. В случае травмы, впоследствии воображаемой или разыгранной как смерть, Эго, или Я, или субъективная позиция, уничтожаются. Сиблинги могут помочь объяснить и это.

В истории Эдипа объединяются истерическая сексуальность и опыт переживания травмы. Прежде чем жениться на своей матери, Эдип невольно убивает своего отца. Он совершил это во взрослом возрасте, а в детстве его оставили на склоне горы (по указанию отца), чтобы он умер и, таким образом, избежал бы своей судьбы и не убил бы своего отца.

---

* В XIX веке людям, выжившим при крушениях поездов, ставили диагноз «железнодорожный позвоночник», так как врачи полагали, что истерические состояния пациентов возникают из-за сдавливания позвоночника. – *Прим. пер.*

В этой истории травма умышленного детоубийства, кажется, привела к последующей инцестуозной сексуальности. Но если это так, то эта травма определенно относится к доэдипальному периоду: опасная ситуация, в которой оказывается ребенок Эдип, символизирует беспомощность новорожденного, когда рядом с ним нет никого, кто мог бы позаботиться о нем. Убийство отца – это реакция на желание отца убить сына. Тем не менее смерть отца устраняет препятствие для кровосмесительной связи с матерью – того, чего отец, вероятно, боялся в первую очередь.

В доминирующей психоаналитической теории наличие сиблинга, существующего или будущего, важно, потому что это указывает на то, что у матери есть сексуальные отношения с отцом. Согласно не получившей признания модели ядерной семьи, это один и тот же отец. Если вместо этого мы думаем о полигинных родственных группах, то становится ясно, что родной брат или родная сестра преисполнены сексуальностью не только ввиду своего положения в семье, будучи ребенком тех же родителей, но и независимо от них, сами по себе. В частности, появление или ожидание сиблинга объединяет сексуальность и травму, что так ярко проявляется в истерии. Вспомним, что сексуальность следует понимать не как генитальность, а как многогранную или «полиморфную» либидинальную любовь, любовь, которая может быть направлена на различные объекты и выражаться в различных чувствах, это то, что малыш чувствует к новому ребенку, или то, что младенец чувствует к старшему сиблингу. Но обожаемый сиблинг, вызывает не только любовь, но и ненависть, так как он занял место другого ребенка, который это место уже больше не сможет вернуть, или старшего брата либо сестры. Сиблинг угрожает уникальности субъекта. Экстаз любви к кому-то, похожему на тебя, переживается одновременно с травмой уничтожения тем, кто занял твое место. Я полагаю, что если любовь/ненависть к тому, кто занял твое место, не будет преодолена, то на более позднем этапе истерия будет проявляться в регрессе к таким проявлениям ребенка,

оказавшегося в опасном положении. Страдающие от истерического расстройства личности характеризуются как действующие неуместно соблазнительным или провокационным образом, эмоционально поверхностные, склонные к драматизированию и вспышкам гнева, использующие свое тело для привлечения внимания и легко поддающиеся внушению. Эти качества можно наблюдать у любого малыша, который подвергается стрессовому воздействию, как мне кажется, они возникают в ответ на травму сиблингового смещения.

Психология групп и сиблинги

> В психической жизни человека неизменно участвует кто-то еще как модель, как объект, как помощник, как противник.
>
> (Freud, [1921], p. 69)

> Если человек не может быть другом для своих друзей, он не может быть врагом для своих врагов.
>
> (Bion, [1948], p. 88)

Психоанализ предлагает не только наблюдения относительно важности горизонтальных отношений, но также, я полагаю, и перспективу для теоретического осмысления их относительной автономии. Тема сиблингов получила освещение в самых ранних работах. Так, в работе «Психологии масс и анализ человеческого Я» (Freud, 1921) Фрейд пишет о том, как потребности в социальной справедливости проистекают из ситуации «в детской». Интенсивная ревность, соперничество и зависть между братьями и сестрами (а позже и школьниками) превращаются в требования равенства и справедливости. Для Фрейда с его патриархальным предубеждением все должны быть одинаково любимы отцом или его заместителем; никому не должно доставаться больше положенного, неравенство не должно быть ни законодательно закреплено, ни обусловлено правом первородства, ни гендерной принадлежностью, к чему я еще вернусь.

В последующих главах, где интерпретируются горизонталь и вертикаль, я предлагаю обсудить вопрос о том, что, прежде чем дети будут признаны своим отцом как равные в своей одинаковости, они должны быть признаны матерью как имеющие равные права на то, чтобы отличаться друг от друга. Это будет первое решающее вертикальное отношение для сиблингов. Я условно обозначила это термином «закон матери». Тем не менее существуют и независимые латеральные отношения, которые также необходимо изучить.

За последние двадцать лет различные области психологии развития уделяли внимание межсиблинговым отношениям (напр.: Boer, Dunn, 1992), демонстрируя богатство автономного взаимодействия между ними. Находит подтверждение представление о том, что метапсихология должна концептуализировать отношения между сиблингами как относительно независимые автономные структуры. Рассматривая их с позиций психоаналитического взгляда на группу, я бы сказала, что нам нужно начать с размышлений о формировании Эго и эго-идеала: кем я являюсь и кем я хотел бы быть.

Склонность человека к неврозам частично зависит от разделения человеческой психики. Важнейшее из них – разделение на Эго и эго-идеал. Сложно представить, чтобы другие млекопитающие также интенсивно ощущали проблему того, кем они являются, не говоря уже о том, чтобы ощущать, что это отличается от того, кем они хотели бы быть, от их идеала. Для людей этот идеал может быть интернализацией кого-то, к чьему статусу (как реальному, так и надуманному) стремится субъект (Эго). Но возможен и вариант, когда это жесткий критик Эго под маской угрызений совести. Согласно классическому теоретическому объяснению, этот идеал формируется под влиянием реальной отцовской фигуры. Ребенок усваивает (интернализирует) его одобрение или цензуру так, что психическая репрезентация отца становится аспектом собственной личности субъекта. Это почти наверняка так. Но не может ли быть так, что в качестве такого образца

выступает другой ребенок – героический или критикующий старший (или другой) сиблинг? Для большинства из нас, когда наша совесть критикует нас, заставляя нас чувствовать себя хуже, голос, который мы слышим, напоминает насмешки не взрослых, а других детей. Действительно, ребенок в латентном периоде (между пятью и десятью или одиннадцатью годами) нередко деинтернализует эти голоса и слышит их, как будто они снова звучат во внешнем мире, исходя из уст его сверстников. Это разные «театральные» партии, а не расщепление и дезагрегация, наблюдаемые при шизофрении. Но это сходство указывает на то, что при формировании и разрушении эго-идеала имеет место не эдипальное «овнутрение» отца, а интернализация сиблингов и сверстников. Патологические варианты имеют тенденцию быть более психотическими, чем невротическими, поскольку именно при психозе происходит фрагментация Эго. Невротик искажает реальность, а психотик не имеет с ней дела. Мы наблюдаем распавшееся Эго в снах, которые считаются психотическими переживаниями каждого человека.

Если мы перенесем это наблюдение относительно распада и психоза в групповую психологию, мы сможем приблизиться к пониманию бредовых аспектов, к которым, к счастью или к несчастью, склонны группы. Другая сторона распада – ложное единство. В соответствии с групповой иллюзией, такой как общая религия, все индивидуальные Эго рассматриваются так, будто они являются частью единого Эго. Это может стать групповым заблуждением, согласно которому одна группа может быть уверена в том, что она является единым целом, выступающим против других. Например, первоначальная объединенная группа полагает, что другая группа меньшинств уничтожит большинство или посредством интенсивного размножения станет большинством. Если в основе этого континуума от нормальной иллюзии единства к патологическому заблуждению лежат латеральные отношения, то одна из причин, почему теории групповой психологии не продвинулись дальше определенной точки, может быть

связана с тем, что, во-первых, братья и сестры были исключены из поля внимания, во-вторых, потому что проводится сравнение с индивидуальным неврозом, когда на самом деле именно психоз является более подходящей сферой исследования. Невроз не подразумевает распада или иллюзорного единства Эго.

Вернемся к тому, что, возможно, эго-идеал ребенка формируется не столько под влиянием эдипального отца, сколько под влиянием сверстника. Кажется, еще недостаточно изучен тот очевидный факт, что младенец испытывает восторг при виде другого ребенка. Маленький ребенок ерзает от радости, наблюдая за проделками старшего ребенка. Ребенок в автобусе оживляется при виде другого ребенка: знает ли он, что он похож на него, и если да, то как? Этот экстаз младенца, когда он наблюдает за взрослым или другим ребенком, будет иметь важное отношение к патологической маниакальности при маниакально-депрессивных состояниях. Мания и депрессия являются групповыми явлениями — наивысшие точки групповых переживаний могут быть чрезмерными, а их последствия меланхоличными. Маниакально-депрессивное состояние понимается как зависимость от вертикальной (в данном случае материнской) оси. Но если мы обратимся к нормальному переживанию радости и печали, то его интенсивность у ребенка будет, по крайней мере, одинаковой как при взаимодействии с другим ребенком, так и при взаимодействии с родителями. Причем в первом случае интенсивность будет возрастать после того, как ребенку исполнится год. Конечно, ребенок приходит в восторг от взгляда своей матери или от способности трясти своей собственной погремушкой, но двигательная активность другого ребенка очаровывает его и вызывает большой прилив радости.

Фрейд подчеркнул, что большинство из нас любит детей и животных, которые кажутся нам особенно самодостаточными, таких как кошки, поскольку в их целостности мы находим нарциссизм, с которым мы можем идентифицироваться, и посредством этой идентификации мы можем вос-

становить свою целостность в воображении. Если это так, то критика, высказанная Рене Жираром (Girard, 1978) в отношении фрейдовского постулата о первичном нарциссизме, как мне кажется, открывает определенные возможности. Жирар использует сочинения Марселя Пруста для развития своей мысли о том, что мы не попадаем в этот мир, обладая нарциссической целостностью (точка зрения Фрейда), которая постепенно сокращается, когда мы начинаем любить других, от которых мы зависим. Напротив, наши новорожденные Я «пусты» и заполняются посредством миметической идентификации с другими, как со старшими детьми, так и с родителями, которые кажутся целостными. Затем младенец развивает свое собственное нарциссическое Эго из этих первичных идентификаций с другими детьми, особенно с братьями и сестрами.

Классический психоанализ, однако, описывает новорожденного как находящегося в состоянии «первичного нарциссизма». Необходимо дать пояснение этому, если мы хотим разобраться во влиянии сиблингов и сверстников. Первичный нарциссизм означает переживание «единства» со своим окружением, сначала в утробе, а затем с матерью. Однако в этом нарциссизме Эго отсутствует или развито слабо. Оно будет развиваться через первичную идентификацию. В значительной степени такие идентификации будут миметическими, хотя собственное тело ребенка, его потребности и побуждения будут отвергать мимесис и придавать ему индивидуальность, создавая таким образом матрицу взаимообмена, интерсубъективности и взаимности. Появляющийся на почве первичного так называемый «вторичный нарциссизм», свойственный Эго, которое не столько развивается (хотя и будет развиваться), сколько колеблется между присутствием и отсутствием – ощущением полноты и пустоты. Мелани Кляйн объясняет это в контексте процессов расщепления и проекции хороших и плохих реакций на мать. Тем не менее вклад братьев и сестер в качестве других у материнской груди кажется решающим.

То, что индивид с самого начала является социальным существом, – на мой взгляд, аксиома. Тем не менее я думаю, что наличие социальной природы может также означать и то, что индивид становится самим собой в группе, которая даже в случае нуклеарной семьи будет вовлекать других детей, по крайней мере, во время визитов к врачу, на улице или в автобусе. Понятие «ребенок» будет меняться как в историческом, так и в межкультурном отношении, однако мы, как представляется, всегда полагаем, что оно, прежде всего, обозначает того, кто отличается от взрослого (в частности, от родителя). Хотя такое понимание верно, оно, может быть, чрезмерно ориентировано на взрослых. Младенец становится ребенком, не только узнавая, что он не является родителем (комплекс Эдипа и комплекс кастрации в рамках психоаналитической теории), но также в более позитивном контексте через подражание своим сиблингам и другим детям и через взаимодействие с ними. В тех случаях, когда первичным идентификациям с родителями наносится травма (вы думаете, что вы похожи на своих родителей или одного из ваших родителей, но это не так, по крайней мере, пока), первичная идентификация с группой сверстников является положительной, она не подлежит отрицанию, а стимулирует процесс дифференциации: вы похожи на других, но вы от них отличаетесь. Это означает, что в более позднем возрасте идентификация со сверстниками может быть полной или может предполагать разнообразие – группы иногда выступают как однородные конструкты, а иногда распадаются на отдельные части. Это также означает, что любовь и ненависть, соперничество, ревность и зависть являются социальными и могут быть специфическими латеральными явлениями, приобретенными в группе.

В детской поликлинике мы можем наблюдать, как младенцев охватывает беспокойство, когда они видят, что другого младенца рядом кормят и что он получает удовольствие. Он уже распознает это удовольствие и хочет его для себя. Это свидетельствует не только о зависти ребенка к груди (Klein, 2000), но и о его ревности к другому ребенку. Социальная

справедливость подразумевает, что либо оба ребенка будут иметь одинаковый доступ к груди, либо ни один. Этот порядок устанавливается не только взрослым, он выражается в горизонтальной ревности и стремлении схватить игрушки; это означает, что ребенок будет пытаться ползти быстрее, чем тот, что находится рядом, но он также начнет передавать предметы туда-сюда. Моя дочь блестяще ползала в шесть месяцев не потому, что она была подающей надежды будущей олимпийской чемпионкой, не потому, что кто-то ее научил, а потому, что мы жили с девятимесячным ребенком, и двое этих детей научились играть вместе, ползая взад и вперед по коротким лестничным пролетам.

Считается, что групповая психология, как и истерия, произрастает из вертикальной парадигмы. Но в самом исходном тексте есть момент, который при должном прочтении может указывать на горизонтальное измерение. В книге «Психология масс и анализ человеческого Я» (Freud, 1921) Фрейд ссылается на миф, который он переосмыслил на основе своего клинического опыта, чтобы объяснить групповое историческое, наследственное или филогенетическое прошлое человечества. Речь идет о его более ранней работе «Тотем и табу» (1913), в которой он приводит пример, как банда братьев убивает первородного отца, который до того момента держал всех женщин только для себя. Затем братья должны были установить свои собственные законы и запреты, иначе снова наступит хаос. Однако один человек становится выше братских договоренностей. История причудлива, но мы можем использовать ее (чего не сделал Фрейд), чтобы указать на проблему, которая возникает, если мы понимаем все только в рамках вертикальной парадигмы. Это связано с вопросом об эго-идеале, который обсуждался ранее и который открывает возможную горизонтальную перспективу. Человек, ставящий себя выше братства, является героем, согласно гипотезе Фрейда о происхождении человечества: именно он рассказывает историю убийства отца – этот поэт представляет собой Эго или субъект истории; он один из смелых братьев, и его делают богом.

«Лживость мифа завершается обожествлением героя. Обожествленный герой был, возможно, прежде Бога-отца, являясь предшественником праотца, являющегося в качестве божества. Хронологически прогрессия божеств была бы тогда следующей: Богиня-Мать–Герой–Бог-Отец» (Freud, [1921], p. 137). Другими словами, психическая последовательность значимых людей выглядит следующим образом: мать, потом братья и сестры, затем отец.

Фрейд утверждает, что архетипический поэт, рассказывающий, скажем, эпическую историю происхождения расы, сам является первым героем; именно он утверждает, что убийство первородного отца не было делом рук группы братьев, а было совершено самим поэтом в одиночку. Это «ложь». История рассказывает об этом одиночном героическом подвиге в эпосе, а затем все остальные братья отождествляют себя с поэтом-героем. Поэт рассказывает свою историю о совершении отчаянно храброго поступка и тем самым ставит себя, героического революционного убийцу, на место отца. Таким образом, если Фрейд вместе с некоторыми антропологами XIX века постулирует первенство матриарха, тогда убивают не отца, а торжествующего старшего брата. Может быть (как это часто бывает в западных мифологиях), поэт-герой-отцеубийца является любимым младшим сыном матери, а не старшим сыном. Если это так, то для рожденного вторым первенец, то есть его собственный старший брат, может стать примером для подражания. Будучи обожаемым младшим сыном, он также может захотеть стать тем, кто первым удовлетворит желание своей матери иметь сына.

С точки зрения Фрейда, этот первый сын олицетворяет то, чем не обладает мать, – фаллос. Если это так, то поэт-герой идентифицируется в первую очередь со старшим братом, а не с отцом. Например, в случае пациентов из числа британских этнических меньшинств, среди которых принято иметь большое количество братьев и сестер, младший сын часто является «профессионалом» (потому что, когда работают старшие братья и сестры, есть средства дать ему об-

разование), но тем не менее любимый младший сын чувствует себя исключенным из дома: его отправили в мир иного социального класса, и он завидует старшему сыну, который занимает то место, которое в западном обществе считается местом отца, место главы семьи. Младший хочет быть старшим. То, что в основе героического эго-идеала лежат сиблинговые отношения, кажется вероятным не только для этого конкретного примера. В любом случае другие братья отождествляют себя с одним братом как своим героическим эго-идеалом.

В работах Фрейда понятие эго-идеала стало частью концепции Супер-Эго. Последнее развивается как интернализация авторитета фигуры отца. Следует возродить понятие эго-идеала, поскольку оно не тождественно понятию Супер-Эго. Особое значение здесь имеет то, что, вытеснив это понятие, мы утратили понятие «героического Я», о котором говорил Фрейд в контексте групповой психологии и которое недавно было изучено в связи с конкретными клиническими наблюдениями. Экстраполируя свои наблюдения на нескольких пациентов, но имея в виду одного из них, Рикардо Стайнер предполагает, что художник использует своих предшественников (других художников) в качестве внутренних моделей (Steiner, 1999). Что, с моей точки зрения, интересно в этом утверждении, так это то, что эти модели – хотя давно умершие и похороненные – представляются в его воображении в том же возрасте, что и он сам. Другими словами, эти художественные предки «помещены» в горизонтальную плоскость. Однако, прежде чем пациент Стайнера смог посмотреть на эти модели как на источники творчества, а не как на конкурентов или тех, кому можно подражать, он должен был научиться отличать себя от этих художников прошлого: он должен был обнаружить, что они в целом такие же, как и он (все были художниками), но каждый индивидуален. Прежде чем он смог это сделать, он представлял, что они такие же, как и он, и единственный способ, который он мог придумать для того, чтобы развиваться как художник, – это уничтожить всех тех

соперников, которые угрожали его уникальности. Из-за этого смертоносного соперничества он хотел избавить мир от всех великих мастеров.

Это сразу наводит на мысль не о предложенной мной сиблинговой модели, а о вертикали: «великие мастера» – это отцы. Однако это желание заставило пациента Стайнера вспомнить о том времени, когда ему удалось убрать буквально все произведения своих товарищей с одной выставки, так что экспонировалась только его собственная работа. Стайнер является кляйнианским аналитиком и потому признает важность креативного разрешения так называемой «депрессивной позиции». Человек испытывает раскаяние за воображаемое завистливое разрушение творческого потенциала матери (синоним воспроизводства) и художественными усилиями пытается восстановить ущерб, который, как считается, был причинен. Подчеркивая важность героического Я, Стайнер указывает на то, что человек думает, будто это он убил других детей своей матери и теперь хочет их оживить, продолжая творческую традицию, которую представляют предшественники. Особенно важно, на мой взгляд, то, что эти дети являются самостоятельными братьями и сестрами.

Стайнер отмечает, что связанная с матерью депрессивная позиция по Кляйн – это младенческая позиция; в подростковом возрасте депрессивная позиция повторяется, но на этот раз героическим другим является не мать, а тот, с кем человек сначала конкурирует и которого потом триумфально убивает, а затем компенсационно воскрешает, чтобы можно было подражать ему в великой традиции. Если мы определим, насколько важным является этот промежуточный латентный период между младенчеством и пубертатом, проведенный в школе или в труде, для развития отношений со сверстниками, этот переход от ориентации на мать в младенчестве к сверстникам в период полового созревания будет иметь смысл. Я также считаю, что важность отношений между сиблингами и сверстниками для героических эго-идеалов и их противоположностей уже заложена в младенчестве.

Невроз, психоз, нарциссические пограничные расстройства, психопатия и сиблинги

Исторические условия, в которых развивались психиатрия, различные формы клинической психологии и психоанализ способствовали сосредоточению внимания на вертикальной оси. На этом фоне ярко проступали религия и медицина. Упадок религии и последующее вытеснению ее психологией отражает это историческое состояние, когда на смену души (религия) пришла память (психология) (Hacking, 1995; Shepherd, 2000). В размышлениях об упадке религии не говорится, что западные религии являются патриархальными. Но если психология заменила религию, то это была патриархальная религия. Медицинская модель, которая используется в этих направлениях психологии, также представляет собой патриархальную вертикальную модель. Тем не менее, хотя религия и медицинские модели, на которых базируется психология, были патриархальными, идеология материнства также становилась все более заметной. В конце XIX века в Англии произошел расцвет «нравственного материнства», когда жены из господствующих средних классов удерживались дома для того, чтобы они могли заботиться о своих мужьях, но в особенности о детях (Seccombe, 1993). Рост значимости матери сопровождал происходивший в течение следующего столетия переход от государственного к частному патриархату (Walby, 1986), что означало повышение изолированности семьи от более широкой государственной системы.

Психоаналитическая теория развивалась в этих рамках. Практика психоанализа перекликается с приватизацией индивидуальной психики, поскольку фокус смещался с патри- и фаллоцентрических схем Фрейда и его ранних последователей на «материнский психоанализ» (Sayers, 1991) и обратно (Lacan, 1982a, b). Во всех случаях описание неврозов базируется на вертикальной структуре. Контекст, в котором формируется эта теория, представляет собой терапевтический кабинет, где воспроизводится семья. Тем не менее латеральные

отношения выходят за рамки этого частного ограниченного пространства, так как они существуют в более широком социальном окружении улиц, школ и рабочих мест, привнося эти внешние пространства и их богатое содержание в семью.

Классический психоанализ утверждает, что может работать с неврозом, потому что пациент/анализируемый сохранил связь с реальностью, даже если она в значительной степени находится в его воображении. Он «переносит» значимые отношения своего детства на терапевта и переживает радости и горести этого периода. У психотика контакт с реальностью разорван. Пространство, лежащее между неврозом и психозом, приобретало все большее значение в течение XX века. Оно обозначалось по-разному – как область нарциссических расстройств или пограничных состояний, имеющих невротическое и психотическое измерение. В эту срединную зону я хочу по ряду причин поместить и психопатию. Психопатия – это психиатрический термин, который описывает навязчиво асоциального и аморального человека. Психопатия окружает нас, но в целом она избежала психоаналитического взгляда[4]. Тем не менее ее изучение важно для понимания групповых практик, и я считаю, что именно в контексте психопатии необходимо говорить о сиблингах.

Хотя некоторые психоаналитические пациенты и, следовательно, отдельные случаи попадают в категорию психопатии, психоанализ в целом работает с неврозом, психозом и более широким спектром пограничных состояний. Все три типа расстройств подразумевают определенные социальные отношения. Невротик сохраняет отношения с реальностью, и это подтверждается тем фактом, что он все еще любит других; у психотика таких отношений нет; пациенты, находящиеся между этими двумя полюсами, не то чтобы живут без любви, но любовь у них только для себя, а по отношению к другим, которые обычно воспринимаются ими как версии или аспекты их самих, она непостоянна или искусственна. Я полагаю, что введение латеральной парадигмы позволяет переосмыслить классический невроз. Я уверена, что исте-

рия и одержимость – это не только неврозы; более вероятно, что существуют психотические, пограничные и невротические истерические и обсессивные состояния (Libbrecht, 1995). Добавление сиблингового измерения позволит расширить понимание параноидных психозов и шизофрении. Паранойя тесно связана с сиблинговой ревностью, тогда как шизофрения связана с расстройством мышления, которое характеризуется неразрешимой латеральной любовью и ненавистью и вопросом «Кто я?». Мое же мнение состоит в том, что психопатия – это основная территория сиблинговых и аналогичных горизонтальных отношений. Психопатия – это неизведанное «пограничье».

Невротическая любовь считается такой формой любви, когда происходит смещение переживаний, связанных с до сих пор желаемыми объектами младенческой любви (родителями), на другие объекты. Психотическая любовь характеризуется отрицанием или отказом от них. В случае пограничных и эквивалентных им состояний до них невозможно «дотянуться» из-за слишком большой доли нарциссизма. Мне кажется, что если мы посмотрим на пограничных пациентов, движущихся по горизонтальной оси между нарциссизмом и привязанностью к объекту, мы получим более точную картину. Пограничные пациенты не уверены в том, кто они, и все остальные мешают их существованию, если они не ассимилированы с ними. Таким образом, пограничные пациенты или личности еще не вошли в эдипальную фазу, продолжая находиться под влиянием преимущественно горизонтальных, а не вертикальных проблем. Частично они делают своих родителей равными себе, но они также используют свое место среди сверстников, чтобы поддержать эту модель: все, так сказать, дети. Психопатия обитает на пограничных территориях:

> С точки зрения поведения психопаты стоят у черты... Рубежи и границы... превосходно подходят для отработки компульсивного антиобщественного поведения; они сверкают блеском личной свободы; для них не существуют «контрольно-пропускные пункты» и запрещенные

> дороги, принятые в обществе, для них нет никаких ограничений ни в физическом, ни в психологическом смысле (Lindner, 1945, p. 11–12).

Чтобы стать королем замка, психопат должен жить в выровненном мире. Фрейд и его последователи утверждают, что ребенок сначала ненавидит появившегося сиблинга, а затем понимает, что он должен любить его, потому что отец любит его. Я думаю, что это может быть одним из аспектов проблемы, но не самым важным. Важность детской сплоченности становится еще понятнее, если посмотреть на основные психические механизмы на самых ранних этапах их развития. Для Фрейда «обращение в противоположность» является наиболее примитивным из всех психических механизмов; он действует так, что любовь к родителям превращается в ненависть, и наоборот. Для кляйнианцев этот процесс любви/ненависти с поразительной очевидностью проявляется в колебании отношения к материнской груди как к доступной (хорошей/любимой) и отсутствующей (плохой/ненавистной). Тем не менее обращение в противоположность является важной чертой взаимодействия детей. Это, очевидно: объятия, которые мгновенно превращаются в удары, и наоборот. Часто трудно сказать, душат ли дети друг друга или обнимаются, и из детской игры это переходит в групповое поведение – друзья становятся врагами, соседи становятся чужаками, и наоборот, с молниеносной скоростью.

Расщепление, проекция и интроекция – все эти процессы характеризуют как психопатологическую пограничную личность, так и нормальные взаимодействия со сверстниками. И Эго, и объект делятся на хорошие и плохие, и, в отличие от невротических процессов, в норме амбивалентность принимается редко: у кого-то есть лучшие друзья, и он сам считает себя милашкой; кто-то ненавидит труса, которым сам боится стать, хочет обладать и быть тем, чем обладает и кем является самый популярный ребенок. Чего в данном случае не хватает в качестве доминирующей психической защиты, так это невротического процесса вытеснения в самом строгом смыс-

ле этого слова. Вытеснение позволяет детям подавлять свои неприемлемые желания по отношению друг к другу, иногда по воле авторитетных фигур, иногда в виде группового ответа друг другу. Однако механизм того, как желания становятся антисоциальными, а не просто запрещенными нормами культуры, когда оказывается, что в любви и на войне все средства хороши, требует прояснения.

Недостаточное присутствие процессов вытеснения в случае пограничных состояний означает, что в этих условиях преобладают другие механизмы защиты; в свою очередь, это показывает путь, которым могут быть интернализованы латеральные процессы. Инцест между сиблингами является табуированным, но вместо того, чтобы быть вытесненным и, следовательно, стать бессознательным желанием, которое может вернуться только в замаскированной форме в виде психопатических симптомов, снов или в психопатологии повседневной жизни, оно превращается в предсознательную, смутно вспоминаемую возможность, метафорически запрещенную матерью, которой легко поддаться в отсутствие родителей. Утверждается, что причиной инцеста и насилия между сиблингами является отсутствие родительской заботы. Я думаю, что это этноцентричный взгляд. Поскольку западные дети, как считается, находятся под присмотром опекающей пары или воспитываются при постоянным внимании родителей, эти правила и нормы будут для них внешними. Если ребенку уделяется меньше внимания, социальные требования к поведению сверстников могут быть более итернализованы. Эпический фильм Висконти «Рокко и его братья» (1960) иллюстрирует это. Братья, приехавшие в Милан с юга, оказываются зажаты между двумя культурами. Рокко встречается с Надей, бывшей девушкой его брата Симона. Симон нападает на него, но Рокко утверждает, что он не может бороться с братом. Симон отвечает, что он должен был подумать об этом, прежде чем он завязал отношения с Надей. На юге Рокко знал бы это; правило было бы интернализовано, но для современного Милана это не так.

В то время эдипальные желания по отношению к матери так сильно вытеснены, что никто не вспоминает о них, многие помнят возбуждение, которое вызывали их братья или сестры. Это желание, разделяющее предсознательное и сознательное, превращается в игру. На войне, и половая распущенность среди сверстников, и изнасилование женщин своего возраста, принадлежащих к стороне противника, свидетельствует о регрессе к повсеместной сексуальности детских отношений в раннем возрасте.

Сестры и братья: половые и гендерные различия

Определяющим в психологическом смысле этапом взаимодействия между сиблингами является, на мой взгляд, тот период, когда процесс обнаружения сходств и различий между ними достигает своего пика: мой старший брат (моя старшая сестра) похож (похожа) на меня (у нас общие родители или один родитель), но он (она) также отличается от меня: старше, младше; девочка или мальчик. Поскольку эта стадия является нарциссической и фаллической, сходство выражается в терминах «одинаковости» гениталий, то есть клитор и пенис, как и попы, считаются одинаковыми для проникающей игры. Дети, как и некоторые высшие млекопитающие, устраивают толкотню и свару, веселясь и исследуя при этом свое и чужое тело. До тех пор, пока картина не становится для них более понятной, братья и сестры (и сверстники) ведут себя так же, как если бы каждый обладал равной разрушительной силой и равным могуществом – убивать или быть убитым. И мальчики, и девочки полагают, что могут размножаться партеногенетически, то есть самостоятельно производить на свет ребенка, который будет точной копией их самих. Позже, в подростковом возрасте, если имеет место сиблинговый инцест, факт гетеросексуального размножения оказывается шокирующим – это, как я думаю, не является неотъемлемым аспектом сексуального желания, направленного

на сиблинга, а скорее связано с межпоколенческими сексуальными фантазиями. Сиблинговая сексуальность – это секс без размножения. Анальное проникновение во взрослом возрасте при гетеросексуальном контакте, вероятно, является самым надежным методом контрацепции в мировой истории.

Конечно, в некоторых культурах связь между братьями и сестрами не запрещена, а скорее поощряется в целях укрепления династии или соблюдения групповых интересов (Hopkins, 1980). В других случаях, когда отец не известен наверняка, присутствует большое опасение, что может произойти кровосмесительная связь. Некоторые мифы рассказывают о том, что люди произошли от двух гетеросексуальных близнецов. Тот факт, что сиблинговый инцест может как допускаться (в ряде случаев), так и запрещаться (обычно), позволяет провести параллель с психической репрезентацией инцеста – он, скорее, ближе к предсознательному-сознательному, чем к бессознательному процессу.

Если это так, то возникают два разных, но связанных между собой вопроса. Во-первых, психоанализ направлен на понимание бессознательных процессов; если табу на сиблинг-инцест является скорее предсознательным, а не бессознательным, могут ли психоаналитическое клиническое виденье и основанные на нем теории быть полезны для лучшего понимания специфики латеральных взаимодействий, как психических, так и социальных? Во-вторых, чем в целом отличаются сестры от братьев? Почти сознательное сексуальное желание, направленное на сиблинга, соизмеримо или даже превосходит по силе предсознательные смертоубийственные тенденции, возникающие в отношениях между братьями и сестрами и впоследствии между сверстниками. Если они подавляются, а не вытесняются, возможно, психоанализ мало что может здесь предложить. На самом деле, я считаю, что это ключевой аспект, который кажется настолько запрещенным, что его необходимо вытеснять, – все зависит от того, кто именно попадает в категорию сиблинга, и эти принципы классификации будут зависеть от конкретной культуры. В иудео-христиан-

ской традиции братья, рожденные от одних и тех же родителей, не могут убивать друг друга, хотя при определенных обстоятельствах они должны убивать своих сестер, например, если они вступили в добрачные или внебрачные сексуальные отношения:

> О, мерзок грех мой, к небу он смердит;
> На нем старейшее из всех проклятий –
> Братоубийство!
>
> (У. Шекспир. «Гамлет», акт III*)

Смерть оказывается гораздо ближе, когда сексуальность находится под запретом: нельзя вступать в половые отношения с тем, с кем вас связывают сиблинговые или частично сиблинговые отношения. С такой проблемой столкнулся Генрих VIII, вступив в брак с Екатериной Арагонской, вдовой своего покойного старшего брата. В «Гамлете» такое преступление совершает Клавдий, взяв в жены Гертруду, вдову своего брата, Гамлета Старшего, которого он убил[5].

Обращаясь к мифологии, Фрейд всегда считал, что табу на секс с сестрами связано с фундаментальным запретом на инцест с матерями. В подзаголовке я использовала термин «гендерные», для обозначения того, что развивается из горизонтального комплекса, в отличие от понятия «половые различия», связанного с вертикальным эдиповым комплексом. Это различие сопряжено с понятием влечения. Влечение (которое не следует понимать как животный инстинкт) – это стремление к чему-то, что отсутствует или может отсутствовать, следовательно, это что-то может быть представлено (то, что присутствует, не нужно представлять, то есть «ставить перед собой» в воображении). Разрешение эдипова комплекса посредством символизации кастрационной угрозы связано с тем, что мальчики и девочки в равной степени, но по-разному приходят к пониманию половых различий, обусловленных отсутствием фаллоса у представителей одной из групп. Мож-

* Пер. М.Л. Лозинского.

но вообразить, что фаллос отсутствует у всех, потому что он определенно отсутствует у женщин. Я утверждаю, что символизация латеральных сходств и различий не зависит от отсутствия полового органа. Конечно, девочки и мальчики замечают и действительно акцентируют внимание на любых генитальных различиях, но, похоже, возможное отсутствие не является слишком травмирующим. Имеет место конкуренция в процессе мочеиспускания – дальность для мальчиков, количество для девочек; существует так называемый «нарциссизм» незначительных различий. Но разница в гениталиях становится существенной только с развитием генитальных и репродуктивных возможностей в подростковом возрасте; между пенисом и клитором существуют незначительные различия.

Можно было бы согласиться с классической точкой зрения, что половое отличие девочки от мальчика состоит в том, что у нее, как и у ее матери, отсутствует фаллос, но для этого девочки и мальчики должны также принять другое отличие – тот факт, что в детстве они не могут рожать детей. Этот подход позволяет только разграничить поколения, в том числе посредством процесса идентификации с однополым родителем, принадлежащим к другому поколению, однако не способен обосновать гендерные различия в горизонтальной плоскости. Тот факт, что репродуктивный аспект сексуальности девочек и мальчиков является партеногенетическим, означает, что нет никакой потери или отсутствия, поскольку каждый ребенок воображает, что может родить ребенка самостоятельно, и гетеросексуальность не имеет значения. Половое размножение означает, что каждый пол предлагает то, чего нет у другого пола. В случае сиблинговой сексуальности это не так. Если мы возьмем «отсутствие» в качестве отличительной характеристики репрезентации влечения, то существует ли тогда репрезентация сексуального влечения в связи с сиблинговым объектом?

Ранее я говорила, что зачатие, произошедшее в результате инцеста между братьями и сестрами в подростковом возрас-

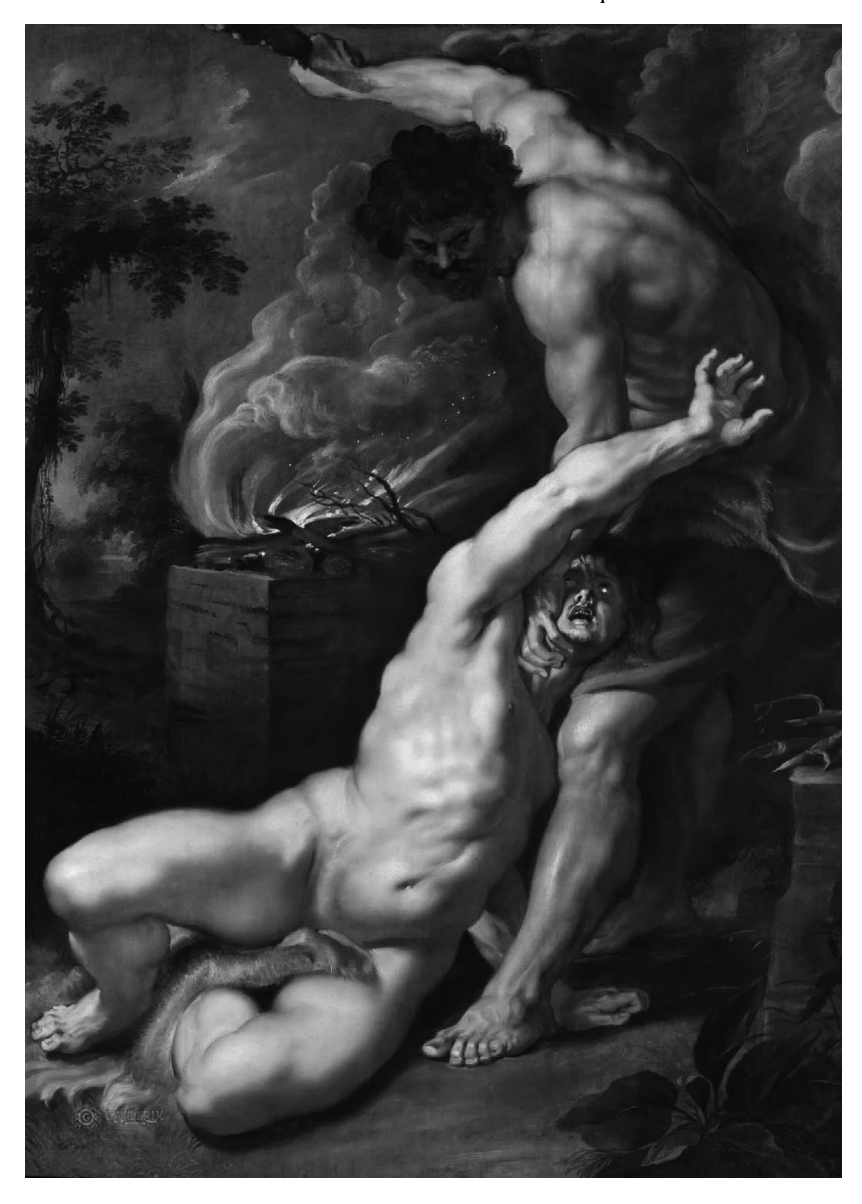

Рис. 2. «Старейшее из всех проклятий – братоубийство!». Питер Пауль Рубенс. «Каин убивает Авеля» (1608–1609). Институт искусства Курто, Лондон

те, вызывает у них сильнейший шок. Работает ли здесь механизм психотического отрицания самой возможности произвести на свет потомство или же партеногенетическая фантазия исключает какую-либо идею о половом размножении? Другими словами, дифференцированы ли психически брат и сестра по половому признаку? В этой реакции сиблингов на зачатие есть нечто, совпадающее с другой реакцией: истерик, а иногда и родители, у которых появился первенец, «не знают», что родившийся ребенок – это его или ее ребенок. Кроме того, истеричные мужчины часто испытывают проблемы с тем, чтобы быть отцами, а истеричные женщины могут рожать одного ребенка за другим, подобно героине фильма «Пожиратель тыкв», не ощущая при этом, что один ребенок отличается от другого. Я считаю, что у этих, по-видимому, разных явлений есть общий корень. Во всех этих случаях ребенок ментально является для своего родителя копией, подобной клону. Фантазии о клонировании уберегают от знания того, что, давая жизнь ребенку, они сами являются смертными.

Помимо этой очевидной истины, важно, чтобы мать, признавая неизбежность рождения ребенка после зачатия (даже если случается выкидыш, мать делает аборт или ребенок умирает), также принимала бы и великую неизбежности смерти. Знание того, что этот ребенок – мой ребенок, означает также признание, что я, как его родитель, умру. Именно это знание о собственной индивидуальной смерти дает понимание того, что род продолжает жить благодаря появлению ребенка. Возможно, что те немногие социальные группы, в которых поддерживаются близкородственные связи между братьями и сестрами, бессознательно избегают знания о смерти. Предполагается, что посредством сиблинговой эндогамии находящиеся под угрозой социальные группы обеспечивают свое будущее, а также устанавливают необходимые различия между братьями и сестрами, но, вероятно, они также психологически отрицают, что могут когда-либо вымереть, потому что подобное клонирование или репликация является формой бессмертия.

В «Царе Эдипе» Софокла Эдип единственный раз упоминает, что он является братом своих собственных детей, когда говорит о своих руках, которые вырвали его глаза после того, как он обнаружил, что совершил инцест с матерью-женой Иокастой*. Это можно рассматривать как акт самокастрации, но насилие связано с братско-сестринскими отношениями. У Дональда Винникотта, самого доброго из психоаналитиков, занимавшихся вопросами материнства, было две старшие сестры. У сестер была кукла по имени Рози, которую они делили. Поскольку семья Дональда была прогрессивной, у него была своя собственная кукла Лили. Однажды нежный маленький мальчик разбил голову Рози. Я полагаю, что сиблинговая сексуальность связана с насилием и что табуируются именно эти отношения, о чем свидетельствует насилие Эдипа над самим собой.

Поскольку я утверждаю, что абсолютные половые различия, необходимые для размножения, являются вертикальным эдипальным конструктом, я использую слово «гендер», чтобы обозначить разницу между девочкой и мальчиком, которая возникает вдоль горизонтальной оси. Я беру определение или, точнее, диапазон значений понятия «гендер» у историка Джоан Скотт: «[Понятие] „гендер“ указывает на целую систему отношений, которая может включать в себя [биологический] пол, но не определяется непосредственно полом и не обуславливает сексуальность» (Scott, 1996a, p. 156). Имея это в виду, я провожу разделительную черту между гендерными и половыми различиями, так как последние, в отличие от первых, напрямую определяются полом. Если комплекс кастрации указывает на половые различия, которых «требует» половое

---

* Речь идет о следующих строках:

«...О дети, где вы? Подойдите...
Так... Троньте руки... брата, – он виною,
Что видите блиставшие когда-то
Глаза его... такими... лик отца,
Который, и не видя и не зная,
Вас породил... от матери своей» (Софокл. «Царь Эдип». Пер. С. В. Шервинского). – *Прим. пер.*

размножение, то гендерные различия указывают на латеральные различия между девочками и мальчиками, которые включают сексуальность, но не ограничиваются ею.

Я полагаю, что задача, стоящая перед братьями и сестрами в связи с различением гендеров, заключается, в частности, в том, чтобы понять, что каждый из них иной и не является нарциссической копией другого. Латентный период отмечен гомосексуальными тенденциями среди сверстников, и бисексуальные возможности каждого гендера исследуются до того, как период полового созревания начинает требовать половых различий. Таким образом, гендерные различия между женщиной и мужчиной не являются характерным признаком сексуального влечения, репрезентация которого зависит от самого главного отсутствия (как половые различия зависят от отсутствия фаллоса), а именно: и мальчики, и девочки должны «утратить» представление о возможности родить копии самих себя – это «отсутствие», которое должно быть репрезентировано и у тех, и у других; в этом они отличаются не друг от друга, а от своей матери. Отсюда не следует, что не существует сиблинговой сексуальности и запрета на нее. Это означает, что этот запрет не подразумевает половых различий. Какова же природа латерального табу на сексуальные отношения и что оно за собой влечет? Как я уже говорила, оно связано с насилием.

Сиблинговая сексуальность и влечение к смерти

> На мой взгляд, тема смерти так же фундаментальна для фрейдовского психоанализа, как и тема сексуальности. Я даже считаю, что последнему отводилась более заметная роль преимущественно для того, чтобы скрыть первое.
>
> (Pontalis, 1981)

> Креон:
> – Пусть Антигона помолится тому, кому она
> поклоняется, – смерти.
>
> *Софокл.* «Антигона»

Он любит ее от макушки до кончиков пальцев.

(Замечание матери касательно отношений двухлетнего ребенка с новорожденной сестрой)

Пьеса Софокла «Антигона», хронологически последняя, но первая по времени написания из трех пьес, относящихся к фиванскому циклу, самой известной из которых стал «Царь Эдип». Большинство интерпретаций видят в Антигоне воплощение семейных ценностей, которые противопоставляются ценностям государства. Я полагаю, что такая трактовка недооценивает важность концепции смерти и ее центральной роли в этой пьесе и, следовательно, в трилогии.

Два брата Антигоны, Полиник и Этеокл, вели войну друг с другом, поскольку каждый из них претендовал на право наследования трона города Фивы, где правил их отец – царь Эдип и откуда он был изгнан после обнаружения инцеста. Правителем является их дядя (брат их матери и родной дядя их отца) Креонт; Креонт видит Этеокла своим преемником. Полиник и Этеокл убивают друг друга. Креонт оплакивает и хоронит Этеокла со всеми почестями, но оставляет тело Полиника незахороненным. Антигона настаивает на том, что оба брата должны быть удостоены похоронного ритуала, и нарушает запрет Креонта, хороня и оплакивая Полиника. Креонт заключает ее в тюрьму и отдает тайный приказ убить ее*. Сын Креонта, Гемон, жених Антигоны, обнаруживает ее тело в тот момент, когда Креонт, смягчившись, собирается освободить и спасти ее. Гемон убивает себя. Его мать (жена Креона), узнав о смерти сына, также кончает с собой. «Царь Эдип» – это пьеса о сексуальности и о воспроизведении потомства; «Антигона» – о смерти.

Убийство сыновьями Эдипа друг друга – это наказание за его инцест. Только Антигона знает о важности смерти – в прологе пьесы она утверждает: однажды ей придется уме-

---

* Согласно сюжету трагедии Софокла, Креонт отдает приказ заточить Антигону в склепе, не желая проливать родственную кровь; Антигона покончила с собой. – *Прим. пер.*

реть. Она также знает, что смерть должно уважать, а умерших надо оплакивать.

Поскольку каждый из сиблингов воплощает опасность уничтожения другого, братья и сестры хотят убить друг друга. Это убийство запрещено и должно быть превращено в агрессивную игру и здоровое соперничество. Однако, как может совершиться подобный переход, помимо явного запрета на насилие? Зачем подчиняться этому правилу? Почему на войне оно не учитывается? Согласно психоаналитической теории комплекса кастрации, эта угроза становится значимой для маленького ребенка только тогда, когда через свою мать он осознает, что существует группа людей, у которых нет фаллоса.

Согласно Фрейду, в бессознательном нет репрезентации смерти – нечто, что является ничем, не может быть репрезентировано. В теории Фрейда кастрация – отсутствующий фаллос – означает смерть. Наличие сиблингов вносит свои коррективы. Какой была бы репрезентация смерти, если представить, что детям запрещают убивать своих братьев и сестер? Если мы будем иметь в виду Антигону, то, похоже, нужно знать, что с точки зрения жизни смерть неизбежна и абсолютна. Смерть действительно имеет власть. Маленький ребенок не знает этого: если застрелить товарища по играм, он встает через две минуты. Или эта игра помогает принять невыносимое знание о смерти? Я полагаю, что ребенок начинает узнавать о смерти и понимать, что не следует убивать своего брата, потому что даже существование этого брата переживалось прежде всего как *смерть* его собственного Я. Ребенок, который стал известным благодаря Дональду Винникотту как «Пигля», служит иллюстрацией сказанному:

> *Мать:* У нее появилась младшая сестра (которой сейчас семь месяцев), когда ей был год и девять месяцев, что, я считаю, было слишком рано для нее. Вероятно, сам этот факт и наша тревога по этому поводу привели к большим переменам в ней.

> Она легко впадает в скуку и подавленное состояние, чего раньше не наблюдалось, и внезапно становится очень обеспокоена своими отношениями с окружающими и *особенно своей идентичностью.* Острый дистресс и явная ревность к сестре длились недолго, хотя дистресс был очень острым. Теперь оба ребенка находят друг друга очень забавными.
>
> Я не буду вдаваться в детали, а просто расскажу вам о фантазиях, которые заставляют ее звать нас до поздней ночи (Winnicott, 1978, p. 6; курсив мой. – *Дж. М.*).

Чувство потерянности сохраняется в истерических состояниях и представляет собой травму, которая может проигрываться каждый раз, когда умирает близкий человек. В последнем случае, особенно если умерший является сверстником, часто происходит мгновенная подражательная идентификация с покойным, прежде чем осознается его статус как «другого». Только процесс горевания делает мертвого человека другим, отличным от скорбящего. Данн и ее коллеги заметили, что взаимодействие между братьями и сестрами является основным фактором, способствующим дифференциации себя и других. Но я бы сказала, что до того, как это произойдет, нужно оплакать себя. Ребенок проживает опыт того, что другой сиблинг как будто бы приходит на его место и убивает его. Первая реакция на это – убить первым, что и делают оба брата Антигоны, убивая друг друга. Таким образом, решающий недостаток в данном случае – это не отсутствующий фаллос (комплекс кастрации), а потеря своего Я[6].

Что позволяет ребенку трансформировать чувство собственной смерти в процесс оплакивания своего уникального Я, чтобы оно могло быть возрождено как одно среди других, как часть единой последовательности? Во-первых, я думаю, что это не может быть достигнуто раз и навсегда; этот процесс должен повторяться неоднократно в течение всей жизни. О достижении такого состояния свидетельствует тот момент, когда аналитические пациенты, да в принципе и другие па-

циенты, и все люди в целом ощущают огромное облегчение, которое приносит понимание ужасающей судьбы: мы «обычные»; в душе мы такие же, как и все, а все такие же, как мы.

Малыш, кажется, отчасти верит, что ребенок, который вот-вот родится, – это еще одна версия его самого. Когда он действительно рождается, это новое существо становится «тем самым ребенком». Пигля, которая была ребенком, теперь «никто». Желание убить того, кто своим существованием уничтожает его или ее, переходит в любовь, которая также присутствовала в процессе ожидания другого себя. Лицо малыша, который «до смерти любит» новорожденного, выражает одновременно и убийственные желания, и обожание. Этот психический механизм «обращения в противоположность» можно обнаружить также, когда любовь приходит на смену ненависти, когда влечение к жизни прорывается, чтобы смягчить влечение к смерти. Это позволяет смещенному, уничтоженному ребенку любить сиблинга и в то же время постепенно восстанавливать свое Я.

Секс и смерть в контексте сиблинговых отношений неразрывно связаны. Нарциссическая любовь к «другому как к самому себе» сменяется желанием убить, как только приходит понимание, что не может быть другого Я, но, если убийству оказывается сопротивление, любовь возвращается в новой форме. Можно оплакать свое уникальное Я, и именно здесь ощущается потеря, от которой зависят репрезентации всех прочих влечений. Нарциссическая любовь к себе является формой отзеркаливания; новая самооценка, которая зависит от утраты грандиозного, уникального Я, получает репрезентацию – символическую версию собственной субъектности. Запрещается убивать того, кого вам следует любить, – безопасность вашей собственной жизни обеспечивается соблюдением этого табу: возлюби себя как ближнего своего. Секс в контексте сиблингов – это жизнь и смерть, а не половые различия, хотя гендерные роли при этом могут быть разные.

«Гендерные различия» по латеральной оси и «половые различия» по вертикальной сойдутся в одной точке в подрост-

ковом возрасте, когда на повестке дня впервые окажется фертильность. И девочки, и мальчики вновь испытают желание убить сиблинга. Однако это может стать идеальным имаго выжившего сверстника или сверстников, которые действительно поднимаются после того, как вы застрелили их, – это основа героического Я: человек восстанавливает свой нарциссизм, помещая его в выжившего сверстника. В отличие от своей сестры Исмены, которая смиряется и соглашается с отсутствием уважения к смерти, Антигона воплощает героический идеал. Для этого ей пришлось отказаться от брака и материнства. Ни для девочек, ни для мальчиков героическое Я не включает размножения, то есть становления матерью и отцом. «Мысленно оглядываться на матерей»* (Вирджиния Вулф), как и учиться быть отцом, является задачей вертикальной ассимиляции. Вторичное табу на инцест с родным братом или сестрой устанавливается в подростковом возрасте в силу того, что каждый из них является потенциальным родителем. По этой причине, помимо прочего, подростковый возраст является периодом расцвета гомосексуализма, так как такой контакт позволяет избежать появления детей, а также сформировать свои компании и крепкие дружеские отношения.

Психоанализ, сиблинги и гендерные различия

Психоаналитическая теория хорошо иллюстрирует собственный тезис: репрезентировано может быть только то, что отсутствует; то, что присутствует, не может быть репрезентировано и, следовательно, не может быть видно. Дидье Анзье, один из самых интересных биографов Фрейда, показал, что Фрейд мог видеть патриархальные структуры высокого модернизма, когда они исчезали (Anzieu, 1986). Последующее отождеств-

* Имеется в виду цитата из работы Вирджинии Вулф «Своя комната»: «Женщины в литературе всегда мысленно оглядываются на матерей». – *Прим. пер.*

ление психоанализа с патриархальной позицией, особенно в эго-психологии, привело к завуалированности его собственной фаллоцентрической позиции. То же самое можно сказать и о матриархальных предпосылках теории объектных отношений. Психическое значение матери получило признание, когда оно отсутствовало в психоаналитической теории. Как только оно было утверждено, оно было обозначено и, таким образом, было признано существующим, так что больше не могло быть объектом репрезентации и последующего анализа: аналитик находился в той позиции, в которой действовал «закон матери», так что этот закон был невидим.

Классический психоанализ начинается со взрослого. Психоанализ, в котором преобладает материнство, вырос из интереса к пациентам-детям и повлиял на другие направления психологии развития, делающие упор на детстве, которые, в свою очередь, оказали влияние на него. Пациенты/стажеры/реальные дети были «братьями и сестрами», и, поскольку эта роль, присутствовала, она не была доступна для анализа. Когда имеет место сиблинговый перенос, то есть когда пациент и аналитик оказываются в латеральной плоскости, то, как правило, такой перенос возвращают в вертикальные эдипальные модели. Ранняя работа Мелани Кляйн, в которой ярко представлены сиблинги, является тому примером. Представители группового психоанализа, который развился в условиях военного времени, осознали, что им не хватало именно этого латерального измерения (Brown, 1998; Holmes, 1980; Hopper, 2000). Антигона, игра братьев и сестер – это драма военного времени (как и драма Жана Ануя, впервые поставленная в 1944 году).

Возможно, теперь мы можем увидеть разницу между сексуальностью (латеральная плоскость) и репродукцией (вертикальная плоскость), потому что в гегемонистских социальных группах западного белого мира размножение не является неизбежным следствием сексуальности, прежде всего потому, что уровень рождаемости резко идет на спад. «Гендер» как концепция возникает в этом контексте для описания

различий, которые не зависят от репродуктивной функции. Выход за пределы гендерных границ, решение «гендерной проблемы» (Butler, 1999), гендерные преобразования – все это возможно, если на карту не поставлено половое размножение. Родные братья и сестры находятся на службе постмодернизма с его фокусом на одинаковости и различии, на «настоящем», а не на «прошедшем времени». Братья и сестры не размножаются, но они могут быть нежными, проявлять заботу и ласку. Социальные группы, не сформированные вокруг очевидной бинарной идеи размножения, зависят от контроля насилия, вызванного травмой угрозы репликации; решающее значение имеет репрезентация идеи последовательной смены партнеров. Жизнь и смерть, секс и убийство, механизмы «обращения в противоположность» и расщепление любви и ненависти – все это выражения психической репрезентации сиблинговых латеральных отношений, поскольку в своих крайних проявлениях именно эти механизмы и эти латеральные образы составляют пограничную патологию.

Глава 2

Была ли у Эдипа сестра?

Когда я впервые подумала о психоанализе и потерянных им братьях и сестрах, среди всевозможных вопросов я задала себе такой: а была ли у Эдипа сестра? Мои друзья, коллеги и знакомые не смогли ответить на этот вопрос, и их настолько это раздражало, что я решила с легким сердцем прекратить дальнейшие расспросы и начать с ответа. Да, у Эдипа была сестра, у него были две сестры: Исмена и Антигона, его дочери. (У него также были два брата, его сыновья.) Тем не менее в пьесе Софокла «Царь Эдип»[1] только один раз упоминается этот сиблинговый аспект хаоса, который был порожден преступным инцестом, совершенным Эдипом с матерью. Мы находим это упоминание, когда Антигона и Исмена входят в комнату, где стоит ослепивший себя Эдип:

Эдип:

О дети, где вы? Подойдите...
Так... Троньте руки... брата, – он виною,
Что видите блиставшие когда-то
Глаза его... такими... лик отца,
Который, и не видя и не зная,
Вас породил... от матери своей*.

Насколько нам известно, Эдип был единственным ребенком Иокасты и Лая, поэтому дети Эдипа – его единственные братья и сестры, точнее, единоутробные братья и сестры, так

* Пер. С. В. Шервинского.

как они рождены от одной матери, но отцы у них с Эдипом разные. Преступная связь Эдипа со своей матерью спутывает поколения, но как в пьесе, так и в эдиповом комплексе, который представляет собой центральную парадигму психоанализа, ось отношений между сыном и матерью затмевает и почти полностью стирает латеральное измерение. Мы забываем, что Эдип и его дети приходятся друг другу братьями и сестрами. Я хочу использовать это как метафору для того, что мне представляется вытеснением значимости латерального измерения, измерения сиблингов и их преемников, сверстников, золовок, деверей, шуринов и свояченицах (братья и сестры мужа и жены), которое характерно для психоаналитического понимания структуры психической жизни. Тем не менее я хочу подвергнуть эту позицию сомнению: правда ли что в оригинальной пьесе Софокла акцент делается исключительно на вертикальных межпоколенческих отношениях или же тема братьев и сестер, как мне кажется, не звучит из-за того, что в Фивах того времени психическое различие между матерями и сестрами и, соответственно, между отцами и сыновьями было менее очевидным?

Понимание того, что сиблинговые отношения совершенно упускаются из виду, пришло ко мне после того, как я много лет ломала голову над феноменом истерии. Истерия была широко представлена в моей клинической практике, но при этом упоминания о ней в диагностической и теоретической литературе конца XX века практически отсутствовали. Кажется, здесь есть что-то схожее, некоторая аналогия; очевидно, что и сиблинги, и истерия, присутствуют в определенные моменты времени, но остаются незамеченными, тогда как в другое время их присутствие активно замечают, но ничего с этим не делают. В рамках психоанализа истерия рассматривается как отыгрывание на телесном уровне (через тревогу, фобии или соматические конверсионные симптомы) эдипальных кровосмесительных желаний, которые были неадекватно вытеснены. Другими словами, истерия понимается только в рамках вертикальной парадигмы. Хотя я время от времени

буду ссылаться на истерию, она служит для меня лишь справочным материалом. Я хочу развить некоторые идеи о роли братьев и сестер, которые высказала ранее в работе «Безумцы и медузы: Возвращение истерии и влияние сиблинговых отношений на состояние человека» (Mitchell, 2000a). Я планирую посмотреть на это с двух сторон: с одной стороны, проанализировать возможные последствия, к которым привело игнорирование сиблингов в рамках психоаналитической теории; с другой – использовать психоаналитическую теорию, чтобы продвинуть понимание значимости братьев и сестер за пределы психоанализа – в те области, в которых важность братьев и сестер также игнорировалась.

Таким образом, я сосредоточусь на проблеме сиблингов в контексте психоаналитической теории, но мои вопросы возникали также в процессе моего «дилетантского» чтения работ социальной и гуманитарной направленности, прежде всего по антропологии и английской литературе. Это значит, что отправной точкой следует считать выросшую на базе клинической практики и соответствующей теории твердую убежденность в том, что существуют бессознательные процессы, что они очень важны и при этом организованы и выражены иначе, чем сознательные процессы. Ключевые бессознательные процессы запускаются в младенчестве и при переходе от младенчества к детству. Именно в этот ранний период, о котором мы естественным образом забываем, мы усваиваем смысл и значение человеческой социальной жизни. Согласно психоаналитической теории, сексуальное желание наталкивается на запрет, и, как следствие, его репрезентация подвергается вытеснению. Вытеснение в некоторой степени «терпит неудачу», и незаконное желание возвращается в такой форме, в которой его невозможно узнать: оно не может быть выражено непосредственно, поэтому оно скрыто в невротических симптомах, снах, психопатологии повседневной жизни, в шутках. Все это различные проявления того, что стало бессознательным вследствие вытеснения, но затем частично прорвалось из бессознательного, хотя его значение остается неизвестным

до тех пор, пока оно не оказывается расшифрованным. Данная теория подчеркивает важность младенческого сексуального желания и, следовательно, периода младенчества в контексте культурных табу и процессов обучения: как человеческое существо становится человеком, обладающим разумом, языком, духом, социальными отношениями и т. д.? Эти постулаты психоанализа, конечно, получили распространение в других дисциплинах и широко проникли в культуру, вызывая как несогласие, так и одобрение.

Хотя запреты на убийство сиблинга и кровосмесительные отношения с братьями и сестрами могут не иметь такой силы, как в случае детско-родительских отношений, они все-таки достаточно важны и, таким образом, являются частью процесса развития социальности и вносят свой отдельный вклад в конструирование бессознательных процессов. Они не подпадают под вертикальные табу. Другими словами, сиблинговые отношения важны не только для сознательных, но и для бессознательных процессов. Таким образом, очень важно, чтобы они были включены в психоаналитическую теорию и практику и во все прочие области, которые оказались под ее влиянием. Братья и сестры, как и то, что я называю латеральными отношениями, имеют важное значение и в социальном, и в психологическом плане.

Важность роли братьев и сестер была отмечена специалистами в области психологии развития и групповыми терапевтами. Даже в рамках психоанализа тема сиблингов звучит в отдельных наблюдениях и размышлениях (Colonna, Newman, 1983; Holmes, 1980; Hopper, 2000; Oberndorf, 1928; Volkan, Ast, 1997). Моя точка зрения отличается от этих чрезвычайно ценных, но спорадических и не интегрированных в общую теорию наблюдений. Хотя проблематика отношений между братьями и сестрами традиционно рассматривается в контексте эдипова комплекса, я пришла к выводу, что, несмотря на взаимосвязь вертикальной и латеральной осей, каждое из измерений обладает относительной автономией. Насилие и инцест в отношениях между братьями и сестрами отличается

от таковых в детско-родительских отношениях. Запрет в случае сиблинговых отношений не так силен, и позже я назову возможную причину, почему это табу более слабое, но в любом случае этот запрет существует. В большинстве культур некоторые ключевые запреты интернализируются, а репрезентации желаний вытесняются, так что они становятся бессознательными. Если, как я утверждаю, вертикальная и латеральная плоскости качественно и структурно различаются, то эти разные желания – активные или подавленные – проявляются по-разному.

Предлагая сосредоточить внимание на сиблингах и их эквивалентах, я ввожу новое измерение для понимания сексуальности. Когда сиблинг приходит и занимает место, которое ранее принадлежало другому, это вызывает желание убить или быть убитым. В рамках вертикальной истории Эдипа также присутствует запрет на убийство, выраженный в невольном (то есть бессознательном) убийстве Эдипом его отца Лая. Повторюсь, этот запрет отличается от запретов, существующих в отношениях между братьями и сестрами. После Первой мировой войны Фрейд выдвинул гипотезу о влечении к смерти. Однако, как я упоминала в первой главе, он также утверждал, что в бессознательном не может быть никакой репрезентации смерти. Я считаю, что такая репрезентация имеет место, но мы не замечали ее, так как упустили из виду важность братьев и сестер. Если предположить на уровне теории, что убийственные тенденции в отношениях братьев и сестер имеют решающее психическое значение, то это позволяет по-новому взглянуть на неоднозначную гипотезу о влечении к смерти и, возможно, выработать новое ее понимание. Меня больше интересует психическая роль «смерти», чем поиск аргументов «за» или «против» вызывающего споры понятия влечения к уничтожению.

Убийство своего отца и секс с собственной матерью – это два взаимосвязанных, но разных события: ты хочешь убить одного и заняться сексом с другим. Насилие и сексуальность в отношениях между братьями и сестрами по своей сути го-

раздо ближе друг к другу, и важно, что и действия, и эмоции, связанные с сексом и желанием убить, направлены на одного и того же человека. Эта близость секса и насилия между братьями и сестрами влияет на обе части уравнения. Существует фундаментальное желание убить брата или сестру. Оно также встречает запрет: нельзя убивать своего брата Авеля; вместо этого вы должны любить своего брата (ближнего), как самого себя. Насилие должно быть превращено в любовь, и возможность любви уже заложена в той любви, которую человек испытывает к себе, что в психоаналитической терминологии называется нарциссизмом. Как нарциссизм превращается в любовь к другому, то есть в объектную любовь? Мне кажется, что амбивалентность по отношению к братьям и сестрам является неотъемлемой частью этой трансформации. Что же это за насилие, которое рождается одновременно с любовью?

Перед суровостью эдипального и кастрацонного комплексов мы предстаем сексуально полиморфными; нет ли «полиморфной перверсии» и в том, что мы, будучи детьми, испытываем желание убить? Вытеснение, то есть помещение желания убить и запрета на убийство в бессознательное, терпит неудачу, и насилие в отношениях братьев и сестер или их заместителей проявляется в полную силу. Война является формой «развытеснения». Запрет на убийство и самоубийство означает, что это желание (или, точнее, его репрезентация) также должно быть в определенной степени вытеснено и стать бессознательным. Здесь, как и в случае детско-родительской сексуальности, существует также альтернативный путь сублимации, преобразующий влечение в другие культурно приемлемые формы, такие как конкуренция и дружеское соперничество. Когда механизм вытеснения или сублимации убийственного желания терпит неудачу, или тогда, когда вытеснение или сублимация не выполняют своей задачи в случае инфантильной сексуальности, то это может принять форму, которую я буду называть насилием-извращением и которая психически структурирована как сексуальное извращение. Сексуальное извращение — это сбой в работе механизма вы-

теснения. В младенчестве мы все считаемся сексуально «полиморфно извращенными». Как вид мы почти так же беспорядочны в насилии, как и в сексуальной сфере.

Я предполагаю, что любовь к сиблингу как *к самому себе* не является ни формой нарциссизма, ни объектной любовью. Это нарциссизм, мутировавший под влиянием преодоленной ненависти. В этой более общей структуре специфических отношений братьев и сестер, которые проделывают путь от желания убить к любви и, следовательно, к последующим любовным отношениям и/или сексуальности, присутствует еще один тезис, согласно которому сексуальная сиблинговая любовь принципиально отличается от эдипальной/родительской любви, и это имеет огромное значение для деторождения. Рассмотрение этих аспектов с сиблинговой позиции позволяет дать объяснение ряду наблюдений и открывает новое измерение в психоаналитической теории.

Всегда утверждалось, по крайней мере, в психоаналитической теории, что ненависть предшествует любви, и этому есть ряд объяснений. Здесь я буду использовать наше понимание того, что «истерики влюбляются в то, что ненавидят» (Фрейд). Другими словами, ненависть в истерии первична. Поскольку у всех нас есть скрытая или потенциальная истерия, примат ненависти к брату или сестре может помочь объяснить «истерическое» сексуальное насилие. Важные проявления ненависти не получили достаточного объяснения. Например, педиатр и психоаналитик Дональд Винникотт (неявно споря с понятием Мелани Кляйн о врожденной зависти и деструктивности, проявляющейся в том, что ребенок в фантазии нападает на мать) подчеркивал, что опыт его работы, идущий вразрез с наблюдениями Кляйн, *убедил* его в том, что ненависть матери к ребенку предшествует ненависти ребенка к матери. Винникотт, однако, не задавался вопросом, откуда взялась ненависть матери, если она сама не испытывала ненависти в детстве или в раннем возрасте[2]. Однако он отметил одну особенность, которую никогда не связывал со своими размышлениями о природе ненависти матери.

Он говорил о том, что сестры и братья могли бы любить друг друга, если бы у них *сначала* был доступ к достаточному количеству ненависти друг к другу. Тем не менее я думаю, что, прежде чем делать выводы о первичности ненависти или любови, нам необходимо уточнить, что имеется в виду под ненавистью и любовью.

Амбивалентность является условием человеческих отношений. Но даже мысли об амбивалентности предполагают двойственность – любовь и ненависть. Язык, сама мысль, требует разделения. Жить в точке амбивалентности невозможно. В клинической работе каждый стакивается с такими моментами и переживает их. Обычно нам это кажется недопустимым, поскольку амбивалентность указывает на то, что в нашей любви есть доля негативных переживаний, и мы не хотим присваивать этот негатив. Но не это является проблемой. Проблема в том, что человек испытывает две совершенно противоположные эмоции одновременно, и это ощуще-

Рис. 3. «Маленький ребенок любит, даже обожает сиблинга...». Две сестры (фотография публикуется с разрешения Клэр Коулман)

ние не жизнеспособно. Тем не менее это то, что испытывает каждый ребенок, и этот его опыт передается или воплощается посредством братьев и сестер. Маленький ребенок любит, даже обожает сиблинга, который уже существует, а также сиблинга, который может появиться в будущем, а может, и не любит. Это аффективное нарциссическое состояние, которое в дальнейшем может перерасти в любовь. Оно отсекает нарциссическую любовь. Однако именно ненависть ставит то, что мы можем назвать первой психической отметкой. Нарциссическая любовь к новому ребенку (или ребенку, который уже существует) сравнима с тем, что Майкл Балинт (1952) назвал «первичной любовью». «Первичная любовь» — это первое чувство ребенка к матери. Тем не менее мы можем видеть, что любовь ребенка к себе распространяется на тех, кого он буквально считает собой. К потенциальному уничтожению себя другим следует подойти интеллектуально: ситуация, когда кто-то встает на мое место, заставляет ум работать и эмоциональное состояние любви становится ментализированным. На вопрос своего отца, Карла Юнга, о том, что бы она сделала, если бы ее младший брат родился прямо в тот вечер, двухлетняя Агата не замедлила дать ответ: «Я убила бы его» (Farmer, 1999, p. 8). Агата уже провела какое-то время в размышлениях над этой проблемой.

Таким образом, сиблинговая сексуальность соседствует с желанием убить сиблинга. Однако сексуальная сиблинговая любовь существенно отличается от эдипальной или родительской любви. Все дети хотят рожать детей; у всех детей есть сексуальные чувства. Именно по отношению к родителям возникает желание воспроизводства, фантазии о рождении ребенка и сексуальное влечение (эдипов комплекс, Эдип и его мать Иокаста). Мы можем посмотреть на выбор Эдипа под несколько иным углом, отличным от традиционного толкования эдипова комплекса: полиморфически извращенная сексуальность ребенка должна идти под знаком любви к матери, чтобы репродуктивные фантазии сформировали случайность влечения. Отсутствие желаемой матери равносильно

нежеланию матери или отца, отсутствию желания воспроизводиться в целом. Акцент делается на необходимости позитивного желания инцеста, а не на его запрете или трагедиях, связанных с его совершением: если мы не хотим нашей матери, мы не хотим быть родителями. Однако я полагаю, что у братьев и сестер есть сексуальные чувства, но отсутствуют репродуктивные фантазии.

Две характеристики истерии иллюстрируют эти различия. Одна из них – истерические роды, фантомные беременности и «неприемлемые» или социально санкционированные симпатические беременности у мужчин – все это примеры фантазий о партеногенетическом рождении (Mitchell, 2000a). Истерик, как и ребенок, считает, что он может родить детей самостоятельно. Когда отец спросил Маленького Ганса, откуда тот возьмет детей, которых, по его словам, он собирался родить, Маленький Ганс, первый ребенок в психоанализе, ответил: «Конечно, от себя». Если это неосознанно сохраняется в дальнейшей жизни, то потому, что эдипальное вытеснение не справилось со своей задачей. Однако это не всегда связано с угрозой кастрации, которая идет от отца, если ребенок настаивает на своем инцестуозном *желании* матери. Напротив, эта истерическая возможность возникает из-за отказа от того, что я упоминала ранее как «закон матери», который запрещает ребенку *быть* матерью, пока он ребенок.

Существует также другая распространенная характеристика истерии – невозможность или нежелание иметь детей, реальная или психологическая. Это оборотная сторона фантазий о партеногенетическом рождении. Фантомные роды и бездетность являются такими же характеристиками истерии, как колебания между ярко выраженной сексуальностью и сексуальной фригидностью. Истерия – это Дон Жуан; то, что Дон Жуан станет отцом, немыслимо; если ребенок все же появляется на свет, то родитель, какого бы пола он ни был, в психологическом смысле «не знает», что это его или ее ребенок. Один из моих пациентов вспоминал, как смотрел на своих красивых сыновей, сидя на другом конце обеденного сто-

ла, и не мог понять, какое отношение они имеют к нему, хотя они ему и нравились. «Откуда взялся этот ребенок?» – обычно спрашивает малыш после рождения сиблинга. Это недоумение повторяется и в более поздней жизни, когда таким же вопросом задаются родители. Фантазии о партеногенетическом рождении и психологическая бездетность – две стороны одной медали.

Проявления сиблинговой сексуальности варьируются от сексуальных отношений человека с кем-то, кто воспринимается похожим на него, до сексуальных отношений с кем-то, чье отличия от него нужно стереть. Это может быть неотъемлемой частью распространенной детской фантазии о воображаемом близнеце или о воображаемом сиблинге. Такие фантазии становятся утешением, подобно тому как это происходит с сиблингами-близнецами в удостоенном Букеровский премии романе Арундхати Рой «Бог мелочей» (Roy, 1997, ch. 2). На другом конце полюса располагается предтеча ярости, которая выражается в изнасилованиях в военное время. В этом случае сиблинг продолжает быть угрозой существованию другого сиблинга, так что убийство и сексуальность – это способы справиться с ситуацией, причем оба ведут к тяжелым последствиям для жертвы. Психоаналитической иллюстрацией этого является случай Вольфсманна* из практики Фрейда. Сексуальные посягательства старшей сестры Вольфсманна сделали маленького мальчика и будущего психоаналитического пациента совершенно безумным. Но как показывает отчет Национального общества по предотвращению жестокого обращения с детьми (NSPCC) (Cawson et al., 2000), часто игнорируется тот факт, что причиной жесткого обращения в отношениях между сиблингами может быть психическое отклонение у ребенка.

Табу на кровосмесительную связь между сиблингами не обладает такой силой, как запрет на межпоколенческий инцест. Для большинства культур половой акт с матерью или да-

* Сергей Панкеев, или «Человек-Волк». – *Прим. пер.*

же с отцом является чем-то немыслимым, потому что репрезентация этого первичного желания не просто вытеснена, она разрушена. Такое уничтожение фантазии не относится к кровному сиблинговому инцесту. Детские сексуальные игры являются нормальными и одобряемыми до определенного момента. Многие терапевты говорят о распространенности сексуальных отношений между сиблингами в подростковом возрасте и отмечают, что зачастую это не сопровождается чувством вины или даже ощущением, что делается что-то неправильное. Тот факт, что это не вызывает обеспокоенности у пациента или клиента, отражается и в принижении терапевтом важности этой проблемы, что, на мой взгляд, неверно. Поскольку сиблинговые отношения не получили достойного места ни в теории, ни в терапии, когда с ними происходит что-то нехорошее, это обычно игнорируется в практической деятельности. Если бы было понимание, что они являются источником специфических бессознательных процессов, то это позволило бы увидеть и их патологические последствия. Сиблинговый инцест обычно связывают с недосмотром со стороны родителей. В результате внимание уделяется этому недосмотру, а не инцесту. По-видимому, только когда у сиблинга происходит зачатие и пациента обуревает страх и ужас перед чудовищным потомством, только тогда это начинает беспокоить и клинициста.

Таким образом, к сиблинговому инцесту не относятся серьезно, если не наступает беременность. Такое отношение повторяет детскую фантазию и кажется мне неверным. То, что происходило в действительности или в фантазии в прошлом ребенка, имеет решающее значение для будущего, где сиблинговые фантазии могут разыгрываться в браке, в партнерстве и в родительстве. Я думаю, что игнорирование темы сиблингов связано с непредставленностью функции размножения в сексуальных сиблинговых фантазиях: дети занимаются сексом, но не заводят детей. Половое размножение требует двух людей разного (так называемого «противоположного») пола; у сексуальности же такого условия нет. Братья и сест-

ры не являются сексуальными «противоположностями», даже если они принадлежат к разным гендерам. В сознании взрослого четко определено: если нет возможности забеременеть, то нет и секса. Совершенно ясно, что игнорируя таким образом секс, мы упускаем нечто еще более важное – насилие, явное или скрытое.

Таким образом, существует латеральное сексуальное влечение, как гомосексуальное, так и гетеросексуальное. Я бы сказала, что различие между этими двумя понятиями – латеральная гомосексуальность и гетеросексуальность – несущественно. Оно анально-фаллическое и на более глубинном уровне независимое от пола; гениталии, которые используются в воображении либо одинаковы (анус), либо тождественны (клитор и пенис). Латеральная сексуальность отличается от вертикальных кровосмесительных желаний тем, что размножение не является частью фантазии. Это отличает ее от эдипальных фантазий, где, как ясно показывает история Эдипа, рождение детей от матери (или от отца) является ключевым компонентом влечения. В случае с Эдипом это влечение запускается и проблема формулируется очень четко: если бы у вас были дети от вашей матери, то они приходились бы вам братьями и сестрами. Мы вытесняем это знание, потому что оно относится к табу, поэтому никто не помнит, что у Эдипа есть сестра. Ребенок, рожденный от кровосмесительного союза между братом и сестрой, если он социально признан, как в эпоху Птолемеев, считается их ребенком, а не сиблингом; если же общество не одобряет его появления, то он представляется монстром.

Братья и сестры могут играть в родителей, но это вертикальная имитация, похожая на игру в пожарных или медсестер. Сексуальные желания детей, направленные друг на друга, скорее всего будут попадать под широко распространенную мастурбационную фантазию «ребенка – обычно сиблинга – быть избитым» (Freud, [1919], p. 179; см. главу 4).

Нерепродуктивная природа сиблинговых сексуальных фантазий отсылает к важности смертоносности любви. Что

это за смертоносность, которая, как и кровосмешение, должна быть низведена до чего-то более умеренного, такого как конкуренция и соперничество, и таким образом утратить свою летальность? Мелани Кляйн указывает на зависть ребенка ко всему, что есть у матери и кем она является, и на его желание уничтожить ее (Klein, [1957]). Я предполагаю, что ненависть к сиблингу – это прежде всего ненависть, а не зависть. Она может принять форму зависти, и это завистливое соперничество может затем превратиться в подражание или конкуренцию. Но зависть, как и деструктивность ребенка по отношению к матери, не нужно «исправлять» (Мелани Кляйн подчеркивает репаративные фантазии ребенка), равно как и благодарность не выглядит ее обратной положительной стороной, как в отношениях с матерью. Зависть может быть преодолена, и на ее место может прийти благодарность, когда вы понимаете, что получили достаточно того, чего жаждали и чего вам не хватало. У ненависти нет такого способа разрешения, однако она может превратиться в любовь. Я считаю, что ненависть и насилие связаны не с завистью, а с травмой. Первые признаки жизни, психически уничтоженные травмирующим опытом, – это ярость и ненависть.

Чтобы травматическая реакция изжила саму себе, необходимо внести некоторые коррективы: нужно вовремя преодолеть переживание утраты дома в результате землетрясения или друга на поле битвы. Объект должен быть психически потерян, чтобы его можно было восстановить как внутренний образ – в этом и заключается процесс горевания. Но истерик, напротив, не может оплакивать потерю – его симптомы заново воспроизводят то, от чего нет возможности отказаться. Здесь мы имеем дело с крайней степенью выражения широко распространенной неспособности признавать, что прошлое осталось в прошлом. Если работа горя не выполняется, то имеет место так называемое «преследование», которое часто отмечается в межкультурных исследованиях истерии[3]: объект не утрачивается, чтобы затем быть репрезентированным и интернализированным, напротив, он сохраняется, как буд-

то вовсе бы и не был утерян, оставаясь в таком состоянии навечно.

Если вкратце и схематично изложить гипотетическую историю, с помощью которой я хочу подчеркнуть важность желания убить брата или сестру, то она будет выглядеть следующим образом: поскольку к моменту рождения человеческий младенец не успевает достигнуть нужной степени зрелости и долгое время остается беспомощным, он всегда будет подвержен всякого рода травмам и стрессам вследствие переизбытка стимуляции, так как этого мира для него еще слишком много. Эта чрезмерная стимуляция, по строгой аналогии с физической травмой, прорывает защитные протопсихические слои и переживается как взрыв, уничтожение протосубъекта, разрыв в его существовании. Мы все можем представить этот опыт, вспомнив какое-то совершенно неожиданное и значительное шоковое переживание, которое вызвало ощущение, что мы находимся в черной дыре.

В рамках психоаналитической теории значение младенческой беспомощности широко признано, но понимается по-разному. Я думаю, что эта черная дыра, подобно водовороту, притягивает к себе все вокруг. И если после первоначального шока человек будет переживать новые эмоциональные травмы, это проявится в том, что он снова и снова будет оказываться в одних и тех же ситуациях – беда не приходит одна. Это «навязчивое повторение» является характерной чертой того, что Фрейд назвал «влечением к смерти», которое возвращает человека в состояние застоя, к неорганическому существованию. «Неорганическое» как психическое состояние означает для меня интернализованную травму, опыт уничтожения, отсутствие субъективности. Травма становится «смертью», внутренним узлом или ядром смерти[4]. Однако, чтобы жизнь продолжалась, дыра, оставленная травмой, должна затянуться; все активные элементы жизни и инстинкт выживания способствуют уменьшению ее значимости. Иногда, как у некоторых недоношенных детей, жизненные инстинкты недостаточно сильны, и в этом случае, согласно наблюдениям, только

чрезвычайно активное вмешательство матери или ее заместителя может вызвать у ребенка «влечение к жизни», достаточное для его выживания[5]. Тем не менее результат слияния этого стремления жить с влечением к смерти будет проявляться как деструктивность и агрессия – выход из пассивного опыта насилия в отношении протосубъекта. И деструктивность, и агрессия необходимы для жизни. Ненависть является первым внешним проявлением этого переживания смерти. Даже в более поздней жизни очень часто ненависть ко всем и ко всему является первым признаком исцеления от травмы.

Это описание – всего лишь моя интерпретация (ставшая плодом размышлений об истерии) гипотезы о существовании влечения к жизни и влечения к смерти, выдвинутой Фрейд в 1920 году, после окончания Первой мировой войны. Это только фон, потому что мое внимание сосредоточено на следующем этапе. Я полагаю, что на этапе развития после младенческого возраста имеет место вторая травма: осознание того, что человек не уникален, что кто-то занимает точно такое же положение, как и он сам, и что, хотя он нашел друга, эта потеря уникальности, по крайней мере временно, эквивалентна уничтожению. Легче всего это представить, когда рождается младший сиблинг, но я думаю, что это происходит в обоих направлениях. Второй или более поздний ребенок «знает» о ненависти, поскольку его, конечно, ненавидел старший ребенок, ненавидел до смерти. Эмоциональная любовь младшего ребенка является допсихической или нарциссической, и она перейдет в психическую «ненависть» примерно в том же возрасте, в котором старший ребенок почувствовал угрозу появления новорожденного – фактического или ожидаемого. Однако, если на раннем этапе детский опыт связан с переживанием уничтожения (то, что Фрейд называет «смертью») и стремлением жить, на следующем уровне мы имеем уже убийственные желания в ответ на опасность уничтожения. Я не думаю, что подобный сиблинговый опыт заменяет или следует из испытаний и злоключений вертикального эдипального и кастрационного комплекса. Также его нельзя

свести к страху уничтожения в связи с так называемой первичной сценой, фантазии о родителях, совершающих половой акт. Сиблинговый опыт соединяется с этими переживаниями и фантазиями, но создает свою собственную структуру. У него есть свои собственные желания и свои собственные запреты: маленькой дочери Юнга, как и всем детям, просто не разрешается убивать своего брата.

Я хочу обратить внимание на «закон матери», который должен регулировать вмешательство на уровне желания убить сиблинга и кровосмешения. Это своеобразная отсылка к понятию Жака Лакана «закон отца», который представляет собой закон кастрации – символическое наказание за попытку занять место отца рядом с матерью.

Если, согласно Лакану, «закон отца» связан с тем, что он называет «символическим», и тем, как ребенок осваивает язык, то мое представление о «законе матери» предлагает последовательность: один ребенок, два сиблинга, три сиблинга, четверо сиблингов, товарищи по играм, школьные друзья... царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Здесь есть место и для вас, и для меня, – то, о чем наш внутренний истерик не знает. Репрезентация и, следовательно, язык ссылаются на отсутствие – то, чего нет, должно быть обозначено. Хотя последовательности присутствуют в языке, подразумевается умение считать, а не языковая компетенция. Вероятно, есть какая-то врожденная способность для распознавания небольшого диапазона чисел – птицы умеют «считать» свои яйца. Материнское предписание спотыкается об этот «подсчет»: братья и сестры – это и одинаковые, и разные яйца. Позже внутри группы братьев и сестер возникает контракт: расширить свой нарциссизм, чтобы сформировать социальную группу, в которой любят себе подобных, и найти другую группу для ненависти, поскольку они другие.

Теперь я попытаюсь кратко обосновать свою гипотезу о важности роли братьев и сестер в контексте истерии, предоставив необходимый для этого материал. В частности, я буду рассматривать братьев и сестер в рамках вопроса о муж-

ской истерии и спорах о ней, которые имели место во время и сразу после Первой мировой войны. Подобные вопросы возникали во время Второй мировой войны, но тогда психоаналитические круги уже меньше интересовала проблема определения истерии. То же самое относится и к реакциям участников современных войн (Showalter, 1997). Поскольку я думаю, что категория истерии все еще может быть полезна, Первая мировая война лучше всего подходит для иллюстрации моих аргументов.

Симптомы неорганических болезней, которые развились у воевавших по обе стороны, напоминали хорошо задокументированные проявления истерии — всеохватывающее беспокойство, частичную или полную потерю чувствительности, паралич частей тела, мутизм, а на поведенческом уровне — миметическую идентификацию, манипулятивность, соблазняющее поведение и нечестность; кошмары, похоже, снились им чаще, чем снятся истерикам в мирное время. Условия того времени хорошо описаны в трилогии Пэт Баркер «Возрождение» (Barker, 1996). Эти заболевания, которые сначала получили официальное название «снарядный шок», или «военный психоневроз», в конечном итоге были определены в категорию травматических неврозов. В контексте влиятельной психоаналитической парадигмы отсутствие сексуального компонента, точнее, неразрешенной эдипальной сексуальности было аргументом в пользу того, что эти мужчины не являются истериками[6]. Тем не менее в спорах относительно того, относятся ли эти случаи к травматическому неврозу (или его современному аналогу «синдрому войны в Персидском заливе») или к истерии, игнорируется связь между травмой и истерией. Кроме того, при этом упускаются два важных аспекта: в травматическом неврозе больше сексуальности, а в истерии больше «смерти», чем принято считать. Что касается первого, то мне кажется, что мы без должного анализа и как само собой разумеющееся принимаем сексуальную компульсивность, обычно следующую за шоковым переживанием, связанным с изнасилованиями во время войны, сексом по принуждению,

распущенным поведением, с привлечением в качестве оправдания тезиса «Завтра мы все умрем».

С другой стороны, в случаях укоренившейся истерии отмечаются суицидальные склонности, но лежащая над ними мотивация не включена в этиологию состояния. Существует большая вероятность того, что в случаях серьезной истерии исходом будет самоубийство. Есть выраженное влечение к смерти. Это влечение к смерти связано с интернализацией чего-то шокирующего или травмирующего. Похоже, что в травматическом неврозе присутствует больше сексуальности, а в истерии – больше зон интернализованной «смерти», чем считалось ранее. Тем не менее эти состояния различаются.

Мне кажется, что наблюдение психиатра У. Риверса, чья работа по исследованию истерии в больнице Крейга Локхарта в Эдинбурге легла в основу трилогии Пэт Баркер, достаточно хорошо описывает, если не объясняет, различие между травматическим неврозом и истерией. Риверс отметил, что со временем многие симптомы у солдат просто сошли на нет. Я считаю, что травматический невроз является повторением во взрослой жизни реакции новорожденных и младенцев – первый шок, который сначала уничтожает субъекта, а затем происходит идентификация с этим шоком, который интернализуется как «смерть» внутри. После этого происходит слияние с инстинктом выживания и стремлением к жизни, которая также сексуальна; это стремление к единению, к установлению контактов, к построению отношений. Впоследствии сексуальность может быть перегружена деструктивностью компонента смерти, о чем свидетельствуют изнасилования, происходящие в военное время. При травме эти реакции первоначально будут навязчивыми и повторяющимися, но со временем они угасают.

Мы могли бы сделать аналогичные предположения и в отношении тех реакций, которые часто описывают как «истерические». Я полагаю, однако, что полномасштабная или укоренившаяся истерия отличается тем, что психика оказывается на вторичной стадии, для которой характерна аннигиля-

ция объекта сиблингом, желание убить сиблинга и ревность, а не на первичной стадии, когда уничтожение происходит вследствие травмы. Другими словами, на момент, когда человеческий младенец еще не может сохранять равновесие, он уже вовлечен в отношения с людьми, животными и вещами. В этом хаосе отношения исчезают вместе с субъектом, и когда истерия возвращает нарциссизм на свое место, это похоже, но лишь *внешне* на то, будто отношения также восстанавливаются. Ненависть, возникшая как реакция на травму, скрывается за непостоянными любовными отношениями или разными формами псевдолюбви.

Травматический невроз повторяет первичное пре- или протопсихическое аффективное состояние; осознание существования сиблингов (и сверстников) придает этому психическую, ментализированную форму. Сначала сиблинг воспринимается ребенком как занимающий то же положении, что и он сам. Это провоцирует борьбу за выживание, которая будет выражаться как борьба за власть; при всем уважении к Фуко нужно отметить, что жажда власти является вторичной по отношению к потребности выжить. Прежде чем перейти к сиблинговому инцесту и запрету на него, я опишу одну ситуацию, которая является образцовым примером того, к чему приводит желание убить сиблинга и наложении запрета на это желание. В этом почти анекдотическом случае речь идет не о пациенте, а о двух детях. У меня нет возможности проверить, правильно ли моя интерпретация объясняет их поведение, но это и не входит в мои намерения, я использую этот пример лишь в качестве иллюстрации моей гипотезы.

Эмми два года и девять месяцев. Когда ей было около года, она непрерывно играла с «младенцами», в основном куклами, а также животными, кусочками ткани, со всем, что более или менее подходило. Всегда разговорчивая и вдумчивая, она говорила, что больше всего на свете хочет найти настоящего ребенка на улице и принести его домой, чтобы присматривать за ним; таким образом, основное внимание уделялось заботе, а не зачатию. Ее совсем не интересовала перспектива

того, чтоб мама родила второго ребенка. Заботиться, а не думать о родах – вот что должны делать сестры. Однако недавно ее тетя родила мальчика, ее двоюродного брата, и Эмми очень заинтересовалась этим, особенно самими родами. Она отказывается посещать подготовительную школу, хотя почти все дети в деревне ходят туда. Всякий раз, когда ее приводили в школу, она истошно кричала, корчилась и пыталась сбежать. Это помогало, и она добивалась своего. Придя домой и успокоившись, она многократно объясняет всем, кто готов был ее слушать, что она «еще слишком маленькая, [она] еще не родилась». Именно эта формулировка заинтриговала меня. Посетила ли ее мысль о том, что ее двоюродный брат был в большей безопасности, находясь в материнской утробе? Фиксация и повторение ее желания пока не рождаться предполагает, что она столкнулась с травмирующим, а не просто трудным переживанием.

Беременность и роды проходили очень тяжело, отчего старшая сестра Эмми Марион была в ужасе. Марион было три с половиной года; она играла исключительно с динозаврами, не выражая ничего, кроме отвращения и ненависти к младенцам. Она показывала это отвращение физически. Марион наговаривает на Эмми, отказывается ее принимать и выказывает отвращение в ее адрес даже по прошествии почти трех лет с ее рождения, хотя она иногда видит в младшей сестре ребенка, а не младенца, и играет с ней. Несмотря на то, что сами по себе девочки очень милые, они продолжают сражаться и ссориться изо дня в день. Они разительно отличаются друг от друга по характеру и внешне, так что кажется, что только таким образом они могли найти для себя отдельное место для уединения[7].

В своей привязанности к младенцам Эмми, кажется, защищает своего младенца от очень реального желания ее сестры уничтожить ее[8]. У Эмми сильное влечение к жизни, но она считает, что ей все еще нужна защита матери – «она еще не родилась», и она отказывается от контакта с сиблингами и ровесниками в игровой группе в отсутствие своей матери. На са-

мом деле Эмми напугана не столько уходом матери, сколько возможностью быть оставленной наедине с другими детьми.

У сестры Эмми, Марион, были довольно серьезные проблемы с речью. Когда родилась Эмми, то Марион, по-видимому, только через физическое насилие могла выражать чувство собственного психического уничтожения, возникшее с появлением этого нового ребенка, из-за которого она перестала быть той, кем она была, – маленькой деткой своих родителей. Рядом с их домом располагался парк динозавров, и, возможно, Марион чувствовала себя динозавром, большим и мощным, но вымершим. Со времен фильма «Парк юрского периода» динозавры стали популярными игрушками. Но зацикленность Марион на динозаврах имеет навязчивый, аффективный оттенок. В частности, она жадно целует и выражает экстатическую любовь к зародышу динозавра, который покоится в желатиновой субстанции внутри пластикового яйца – вымершее также может родиться[9]. Эмми и Марион представляют друг для друга угрозу аннигиляции. Старшая сестра не просто смещена, она на какое-то время оказалась лишена места, так как ею является кто-то другой. Нормальная реакция – убить, чтобы не быть уничтоженным. Новый ребенок фиксирует эту угрозу своему существованию со стороны старшего сиблинга и цепляется за свою мать в поисках защиты. В угрозе, идущей от сиблинга, которую Джон Боулби (глава 7) назвал «хищником», присутствует врожденный ужас ожидания внезапного нападения. Боулби проводит аналогию между млекопитающими в дикой природе и людьми в их собственных семьях, где они тоже сталкиваются с «дикими зверями».

Опыт сиблинговых отношений вводит социальное измерение – социальную травму. Страх старшего ребенка перед тем, кто заменяет и вытесняет его, прорывает защитные барьеры. У младшего ребенка страх быть убитым старшим сиблингом добавляется к общему ощущению беспомощности перед лицом окружающего мира. В большинстве случаев эти переживания удастся исцелить, а страх и шок превратятся в ненависть и любовь, соперничество и дружбу[10].

При обсуждении «инаковости», будь то гендер, раса, класс или этническая принадлежность, ненависть объясняется очевидным фактом отличия «другого»[11]. Сиблинговый опыт показывает обратное: положение, занимаемое сиблингом, сначала воспринимается как «то же самое» – ненависть направлена на того, кто похож на меня. Именно эта ненависть к одинаковому замещает то, что потом порождает категорию «другого» в качестве защиты. Теперь именно его можно представить как другого, как того, кого можно ненавидеть или любить. Тому, кого сместили, сначала некуда пойти: ребенок хочет быть тем, кем он или она все еще является, – ребенком. От нового ребенка нужно избавиться, но, когда он не исчезает, его нужно «перенести» в другое место, на место «другого». Королем в замке должен быть я, а новый ребенок – грязный проходимец.

Не лежит ли ранний сиблинговый опыт создания «инаковости» из одинаковости в основе восприятия «инаковости» рас, классов и этнической принадлежности, инаковости, которая делает сходство невидимым, так что его потом приходится открывать на другом уровне? Если это так, то сиблинговый опыт, являясь первичным по природе, лежит в основе этой модели. Ненависть к тому, кто кажется угрожающе «таким же», может затем трансмутировать в зависть или маскироваться под зависть. После столкновения с таким травматическим опытом, как, например, землетрясение, влечение к жизни затопляет влечение к смерти, переживший его будет испытывать ярость и ненависть, но постепенно он начинает завидовать тому, кто избежал этой травмы, чей дом все еще стоит, чей партнер или ребенок все еще жив... это просто несправедливо. Как говорят дети, день да ночь – сутки прочь.

Хотя эта социальная категория братства и сестринства намного шире, у биологических братьев и сестер всегда есть общие родители: оба или хотя бы один. В условиях большого города, где часты ситуации внебрачного сожительства, адюльтера и даже полигинии, биологические братья и сестры могут не знать друг друга, поэтому фантазии могут приобретать дополнительную силу. Однако одноутробные дети, как прави-

ло, остаются вместе и всегда считаются близкими сиблингами. Отношения между братьями и сестрами по материнской линии всегда особенно важны.

Хорошо известно, что в психоаналитической теории в XX веке произошел сдвиг от отца в сторону матери. «Символическое»* и «закон отца» у Лакана были преднамеренно направлены против самих основ этого перехода. Переключение внимания на мать часто рассматривается как акт восстановления справедливости и устранения дисбаланса. Хотя и признается, что смещение фокуса на матерей произошло под влиянием новой клинической перспективы, зачастую разрабатываемой женщинами-аналитиками, и материнского переноса, этот значимый клинический фактор все еще не привлек достаточного внимания.

Всегда трудно соотнести бессознательный психический материал с социальными факторами: социальное становится бессознательным, а затем из бессознательного проникает в доступное предсознательное, пройдя полную трансформацию. Тем не менее я рискну пойти неизведанными тропами. Должно смениться не одно поколение, чтобы социальные изменения оказали влияние на психологию бессознательного, Эго и Супер-Эго, тем не менее в конце концов это происходит. За период «нравственного материнства», который охватывает в Европе эпохи второй промышленной революции – период с середины до конца XIX века и далее, до Второй мировой войны и послевоенного времени, когда получила развитие концепция «психологической матери», практика, законодательство и идеология в технологически продвинутых странах сделали мать в определенном смысле заметной. Если когда-то ребенок принадлежал отцу, то в западном мире XX века функции заботы и опеки переходят к материи. Лишь

* Понятие «Символического» в теории Ж. Лакана относится к сфере социокультурных норм и всеобщих смыслов. Царство Символического непосредственно связано с отцом и с запретами от его имени. – *Прим. пер.*

с недавнего времени, хотя больше в теории, чем на практике, эти функции распределяются между родителями. Этот сдвиг произошел только тогда, когда отцовство перестало быть сопряжено с властью, а роли матери и отца стали более похожими. В социальном плане мать становится более важной для воспитания ребенка, а не только для его рождения. Наблюдается заметное снижение рождаемости (Szreter, 1996). Однако в своей новой роли матери становятся все более изолированными, а доля женщин в категории «одиноких родителей» остается высокой, несмотря на увеличение частоты моногамных браков.

Как это представлено в психоаналитических теориях, посвященных матери? И для психоаналитика, и для пациента начальный интерес к матери, скорее всего, будет и идеологическим, и сознательным, а в большинстве случаев и предсознательным, как это было в случае Карен Хорни, Хелен Дойч, Мелани Кляйн, Эрнеста Джонса и других, которые первыми встали на этот путь в 1920-х годах. Но, как отметил берлинский аналитик Карл Абрахам (см. главу 4) еще в 1913 году, мать была важна и до признания значимости ее проявлений в бессознательных процессах. Как бессознательные фантазии пациента (и аналитика) связаны, с одной стороны, с социальными практиками, а с другой – с теорией, для которой они должны предоставить материал?

Начиная с 1920-х годов, в психоаналитическую теорию вошла концепции доэдипальной матери или, согласно формулировке Мелани Кляйн, очень ранней эдипальной матери: во всех случаях речь идет о чрезвычайно примитивном имаго, власть которого фантазируется ребенком как карающая и вершащая возмездие, а не как организующая. Ни в теории, ни на практике не говорится о более поздней матери – матери, устанавливающей закон. То, что однажды было обнаружено, должно быть заново отнесено как к некой общей идее, например, к так называемому страху перед всемогущей матерью, так и к соответствующим клиническим модальностям. Я полагаю, что в психоаналитической теории отсутствует мать,

устанавливающая закон, потому что в клинических условиях сам аналитик говорит с позиции матери как законодателя. Таким образом отыгрывается материнский закон. В общественной жизни мать все чаще оказывается в роли законодателя. Женщина-аналитик, вероятно, находилась в этом положении в своей частной жизни (или в общественном мнении), а ее практика предоставляла такую возможность. В психоаналитической практике, когда пациент направляет свои действия вовне, а не размышляет об этом в процессе сессии, это получило название «отыгрывания вовне». Так, например, происходит в случае истерического отыгрывания, когда действие заменяет мысль. Когда пациент включает терапевта в подобное невербальное взаимодействие в процессе сессии, то он «отыгрывает вовнутрь». В обоих случаях мысли заменяются действием. Я полагаю, что, когда терапевт «разыгрывает» мать, происходит «отыгрывание вовнутрь», которое препятствует мысли; следовательно, это тормозит развитие теории. В теории представлены все неотыгранные матери, но нет матери, которая бы устанавливала закон, потому что такой матерью является терапевт.

Я полагаю, что в отличие от патриархальных властных терапевтов-мужчин, придерживающихся эго-психологической модели (особенно американского происхождения), которых порицали как Лакан, так и феминистки второй волны, аналитики школы объектных отношений, занимающие материнскую позицию, разыгрывают роль матери-законодателя и, таким образом, не могут размышлять об этой роли. Если клиническое лечение разыгрывает материнский закон, то в материале переноса пациента проявится не эта мать, а другая, обязательно сумасшедшая (Винникотт), перегоревшая и любящая (Балинт) или карающая (Кляйн) доэдипальная мать. В психоаналитической и в ранней антропологической теории матриархат всегда предшествует патриархату; материнская привязанность формируется первой. Тем не менее следует подчеркнуть, что эта концепция примитивной доэдипальной матери происходит не от устанавливающей закон эдипаль-

ной *матери* (матриархат), а от эдипального *отца* (патриархат). Из-за этого на практике и в теории не проводится различий между примитивной, карающей или любящей матерью и матерью-законодательницей. Различие всегда проводится между примитивной матерью и законодателем *отцом*.

Во всех случаях, когда имел место сдвиг внимания с отцовского закона на мать, это все равно соответствовало положениям отцовского закона, что верно даже тогда, когда (или, может быть, особенно когда) отцы, кажется, не обращают на это внимания. Патриархат всегда определяет матриархат как более примитивный и более ранний, но никогда не как иной закон, находящийся на том же уровне. Лакановское понятие символического порядка, который опосредует язык, описывает также предшествующий «порядок воображаемого» как принадлежащий матери. Философ и психоаналитик Люс Иригарей исследует исключительно отношения между дочерью и матерью или между женщиной и женщиной; Юлия Кристева указывает на разнообразие, силу и богатство отношений с матерью, утверждая, что семиотика предшествует лингвистике; но женское и материнское было первым, а первое означает раннее, а раннее в этом дискурсе значит более примитивное. В предисловии к своей книге «Первые вещи» психоаналитически ориентированный литературный критик Мэри Якобус рисует карту этого примитивного материнского пространства:

> Субъект моего исследования (настолько, насколько это возможно, чтобы такое разнообразное, многоплановое и всепроникающее явление, как воображаемая мать, было «субъектом») – фантазматическая мать, которая может обладать или не обладать репродуктивными частями, функциями воспитания и конкретными историческими или материальными проявлениями, но которая существует в основном в сфере образов и имаго (воспринимаемых или воображаемых), зеркального отражения, идентификаций и фигур; которая иногда ассоциируется

> с феминистской ностальгией, иногда с идеологической мистификацией; которая появляется в связи с меланхолией и матереубийством и играет ключевую роль в теориях значимости Кристевой; которая фигурирует главным образом в трудах Мелани Кляйн, где такие термины, как «расщепление», «идентификация» и «проекция», применяются в анализе репертуара действий, связанных с воображаемыми атаками на материнское тело и репарациями к нему, которая придает груди ее культурную силу.
>
> «Первые вещи»... являются ранними, еще не оформленными, но жизненно важными фантазиями, которые формируют появление ребенка как субъекта; первая «вещь» — это материнская вещь Юлии Кристевой, еще не являющаяся объектом возникающего, хаотичного кого-то, еще не являющегося субъектом (Jacobus, 1995, p. iii—iv).

Я бы сказала, что существует и другая «мать», а не только это фантастическое имаго; мать, которая осталась за кадром, мать, которая является субъектом и закон которой способствует признанию субъектности ее детей. Это закон, который проводит различия между поколениями, устанавливает, кто может иметь детей, а кто не может. Это закон, который устанавливает также латеральную последовательность среди ее детей: кто может не ложиться спать допоздна, кому какой кусок пирога достанется и кто выживет в убийственном соперничестве, чтобы в конечном счете заполучить любовь сиблингов и сверстников, — это закон, определяющий место для того, кто такой же, и для того, кто отличается. Эта мать была скрыта за патриархальной идеологией, которая передает материнство «первой матери», описанной выше (Якобус). В рамках психоаналитической теории и практики *разыгрывание* аналитиком роли матери-законодательницы, которая сообщает своему ребенку-пациенту, что только аналитик может иметь детей (пациентов) и что пациент должен занять свое

место в ряду с другими пациентами, таким образом, означает, что закон матери не может быть предметом *размышления*.

Закон матери действует как в вертикальной плоскости между ней и ее детьми, так и в латеральной, чтобы отличать детей друг от друга. Вертикально ее закон гласит, что дети не могут иметь детей. Именно этот закон попирается в истерии. Как уже говорилось ранее, фантомная беременность, истерические роды, мужские симпатические беременности – все это свидетельствует о том, что можно вообразить, будто размножаться можно партеногенетически или же можно родить ребенка от такого же, как я. Когда дети играют в родителей и их роли взаимозаменяемы и, следовательно, идентичны, когда существуют представления об анальных родах, тогда между девочками и мальчиками нет различий. Истерическая фантазия ни от чего не отказывается, не упускает никакую возможность, поэтому и нечего оплакивать. Поскольку перспектива рождения ребенка от самого себя не была утрачена и оплакана, само рождение и появившийся на свет ребенок не могут быть символизированы. Если у истеричного мужчины или женщины действительно есть дети, он или она не знает, что эти дети не являются ими самими, отчего создается благодатная почва для злоупотреблений.

Различая своих детей, мать и ее закон позволяют усвоить концепцию «серийности», или «порядка рождения»: Джон должен знать, что он потерял возможность быть Джейн. С одной стороны, ребенок занимает то же положение, что и его братья или сестры по отношению к родителю или родителям, что и его сверстники по отношению к своему учителю или начальнику, но, с другой стороны, он отличается от них: тут есть место для двух, трех, четырех или более. Об этом наш внутренний истерик не знает. Ненависть к братьям и сестрам позволяет сделать первый шаг: я ненавижу тебя, ты не я, это условие серийности. Мать ограничивает эту ненависть, запрещая ее отыгрывать. Детские игры («горячие стулья», «ручеек», «собачка» и все спонтанные игры) демонстрируют концепцию серийности. Мать установила этот закон, но в ла-

теральных отношениях разворачиваются свои собственные процессы, которые управляют одинаковостью посредством создания различий.

Таким образом, закон матери действует также между сиблингами или между сиблингами и их сверстниками. Совершались бы убийства или инцест без этого закона? Как уже отмечалось, насилие между братьями и сестрами на Западе происходит из-за недостаточного родительского надзора или заботы. Такой недосмотр со стороны родителей в случаях жестокого обращения сиблингов друг с другом следует понимать как отсутствие закона матери. Это не означает, что сами матери несут за это ответственность, а скорее указывает на то, что этот закон относится к общей структуре отношений. Вполне вероятно, что такие факторы, как насилие в семье со стороны родителей, социальная изоляция женщин и бедность и/или растущая тенденция к очернению женщин в целом, не позволяют матери выполнять роль законодателя. Однако возникает вопрос: а необходимо ли внедрять нормы и правила извне, когда наши культурные условия не позволяют совершиться процессу интернализации? В ситуациях, когда старшие братья и сестры, а не родители являются главными опекунами детей младшего возраста, когда дети остаются одни в группе сверстников, принимаются ли и интернализируются ли эти запреты? Могут ли братья и сестры устанавливать законы друг для друга? О чем хотят поведать нам матери близнецов, когда говорят: «Он [или она] значит для своего брата (или сестры) близнеца больше, чем я, его (или ее) мать»?

Потомство, появившееся в результате кровосмесительной связи между братом и сестрой, является ужасающим свидетельством того, что без вмешательства закона матери, без какого-либо правила, выработанного в отношениях между братьями и сестрами, роли матери и сестры оказываются перепутаны. Возможно, в других этнических и исторических контекстах они в любом случае еще более спутаны. Во многих культурах разница в возрасте между старшей сводной сестрой или страшим сводным братом и молодым родителем может быть незна-

чительной или отсутствовать вовсе. Анализ упустил из виду сиблинговое измерение этой путаницы. Кляйнианцы, в частности, пишут о состояниях спутанности, но объектами путаницы всегда являются родители или родители и младенческое Эго; ребенок фантазирует об «объединенном родителе». Ситуация, когда путают мать и сестру, распространена в мифах. Однако те, кто пишут о спутанности, только повторяют ее, а не анализируют. Так, Гайза Рохейм, психоаналитик и антрополог, обсуждая в 1934 году загадку Сфинкса, пишет:

> Классические авторы не идентифицируют Иокасту [мать и жену Эдипа] со Сфинксом, но они указывают на близкие отношения. Сфинкс появляется как *сестра* Эдипа. Гесиод называет ее дочерью ее брата и их общей матери Ехидны (Roheim, 1934, p. 17; курсив мой. – *Дж. М.*).

Сделав наблюдение относительно этих родственных отношений, Рохейм тем не менее продолжает: «Это неоднозначное существо, соблазнительное и опасное, которое любит, но пожирает, поэтому является *матерью* героя» (ibid.; курсив мой. – *Дж. М.*). Может ли это означать, что этим существом была Антигона, которую всегда считали дочерью Эдипа?

Но к этому времени читатель запутался не меньше, чем сама ситуация. Существует много легенд о Сфинксе. Встреча с Эдипом – это конфликт; Сфинкс загадывает загадку, которую Эдип разгадывает. До этого Сфинкс пожирала всех, кто не смог разгадать ее загадку. Получив от Эдипа правильный ответ, Сфинкс спрыгнула с утеса. Предполагается, что в основе этой загадки лежит физическое соперничество между Эдипом и Сфинксом, имевшее место ранее. Будучи психоаналитиком, Рохейм представляет Сфинкс матерью, потому что она *пожирает* тех, кто пытается разгадать загадку. Ребенок «ест» грудь матери и, предполагается, думает, что мать в отместку съест его – существует много мифов в поддержку этой универсальной детской фантазии с разными вариантами на оси между пожирателями и пожираемыми. Но для Гесиода Сфинкс – сестра Эдипа (дочь ее брата и их общей матери),

и потому она является более примитивной версией Антигоны – Антигона не как дочь, а как сестра, которую Эдип должен победить как сестру.

Любой инцест, будь то между поколениями или внутри поколений, между родителями и детьми или между братьями и сестрами, создает путаницу. Сестра перепутывается с матерью. Только закон матери или закон сиблингов настаивает на дифференциации. Вместе с вертикальной дифференциацией запускается латеральная: сестры и братья, девочки и мальчики не сильно отличаются друг от друга как сиблинги, однако одна из точек различия между ними заключается в том, что сестры могут стать матерями.

Дети не только участвуют в событиях окружающего их мира – они также являются наблюдателями, которые пытаются освоить категории и разграничения. Недавно мой четырехлетний приемный внук объявил моей взрослой дочери, что он «человек», но когда его спросили, кем является она, он твердо ответил, что «нет, она не человек», она «взрослая девушка». Здесь мы видим не проявление сексизма, а потребность ребенка понять не только принадлежность к поколению (эдипальный вопрос), но и варианты в рамках латеральных категорий, по крайней мере, как они соотносятся с идеологически доминирующей в западном мире оси ребенок–родитель.

Клиницисты и теоретики наблюдают за маленьким ребенком, прежде чем он начинает отличать латеральные и вертикальные отношения как две разные категории. Затем латеральное было отнесено к идеологии явно примитивного матриархата, который сам по себе является понятием патриархальной идеологии, где дань отдается скорее фантазии о всемогущих матерях, чем тому факту, что матери также являются законодателями. Важность дочерей и сыновей и их взаимоотношений друг с другом как братьев и сестер оказывается еще более сокрытой.

Антропологи давно ставят под сомнение универсальность эдипова комплекса. Например, Малиновский (Malinowski, 1929) утверждал, что на Тробриандских островах отец и его за-

кон иногда разделяются, что отца заменяет брат матери. Используя в отличии от психоаналитиков метод включенного наблюдения, антропологи давно признали важность независимой структуры латеральных родственных связей; однако они тоже склонны подгонять все под вертикальную парадигму. Почему брат матери не может быть именно важным братом, а не представлять собой аналог эдипального отца? Поскольку происхождение находится под вопросом, сестра определяется как мать, но эта мать также является сестрой своего брата, и именно эти отношения упускаются из виду. Действительно, наблюдения Малиновского привели его к тому, чтобы пристально посмотреть на табу, существующее в отношениях между сестрой и братом, и на их подавленные сексуальные фантазии. Он вступил в дискуссию с британским психоаналитиком Эрнестом Джонсом, который отводил центральную роль исключительно эдипову комплексу и не хотел обсуждать другие варианты. В матрилинейной системе наследования приоритетом обладает сестра мужчины. Можем ли мы предположить, что в западных обществах сиблинговые или частично сиблинговые отношения становятся все более заметными в ситуации, которая все больше и больше ориентируется на мать? Замечаем ли мы их сейчас только потому, что упускали из виду до этого, или потому, что социальные условия высвечивают их особым образом?

Недостаточное внимание к братьям и сестрам может быть обосновано как исторически, так и этноцентрически. Как мы видели, в настоящее время многие развивающиеся страны стремятся обеспечить доступ в детские сады и ясли, но не для того, чтобы матери могли работать (как на Западе), а чтобы *девочки* могли ходить в школу[12]. Для девочки и младенца роли матери и сестры могут быть значительно слиты, но не спутаны.

Рохейм (Roheim, 1934) обычно объясняет все сестринские элементы своих этнографических наблюдений в контексте эдипова комплекса. Мы могли бы подвергнуть это сомнению, не только используя его собственные наблюде-

Рис. 4. Гюстав Моро. «Эдип и Сфинкс» (1864). Музей «Метрополитен», Нью-Йорк

ния, но и посредством более глубокого понимания Сфинкса. Почему в Сфинксе в основном видят ужасную мать? На самом деле сфинкс в Египте иногда является мужчиной (возможно, изображением короля), а иногда женщиной. В Греции существовала традиция изображения гермафродитизма. Она/он соблазнитель и разрушитель, она соблазняет, чтобы убить. Может быть, ее иногда приравнивают к матери, к Иокасте, как утверждает Рохейм, но, может быть, она – ужасающее имаго сестры, которая выполняет роль матери и негативно относится к этой задаче, любя ребенка, о котором она заботится, но ненавидя сиблинга, который заменил ее. Примитивные страхи Эдипа связаны с всемогущей старшей сестрой – Сфинксом, которая хотела убить его, но которую он перехитрил. У Эдипа, таким образом, есть три сестры – старшая Сфинкс, выполнявшая роль матери, которая соблазняет и убивает, и младшие сестры, добродушная Исмена и праведная Антигона. Три лика сестры, которая и заботится, и уничтожает: латеральный потенциальный убийца, нянька и законодатель.

Глава 3

Инцест между сестрой и братом и между братом и сестрой

Психоанализ научил нас тому, что первый сексуальный выбор мальчика инцестуозен и направлен на запрещенные объекты — мать и сестру.

Зигмунд Фрейд. «Тотем и табу», глава «Боязнь инцеста»

В целом что касается существования сексуальных отношений между детьми, особенно братьями и сестрами, я могу на основании моих наблюдений сказать, что они являются правилом для раннего детства, но если ребенок испытывает чрезмерное чувство вины, то они переносятся на латентную фазу и период полового созревания... В любом случае я думаю, что такие отношения встречаются в латентный период и период полового созревания гораздо чаще, чем принято считать.

Мелани Кляйн. «Сексуальная активность ребенка»

Эдип должен был одержать победу в борьбе с сестрой-матерью Сфинксом и «найти отдохновение» в «любезной детской комнате» его сестры-дочери Антигоны[1]. Но чем является инцест, вероятно, самая распространенная форма жестокого обращения с детьми, по крайней мере в Англии, с точки зрения девочки[2]? Недавно арестовали женщину за просмотр детской порнографии в Интернете, и она сообщила, что отождествляла себя с униженными девушками на фотографиях, которые она скачивала и модифицировала, чтобы исследовать значение сексуального акта, который совершил с ней старший брат в детстве. Известно, что Вирджиния Вулф столкнулась в детстве с травматичным опытом

приставаний и издевательств со стороны старшего сводного брата. В повести А. С. Байетт «Морфо Евгения» (1992), а также в ее экранизации «Бабочки и насекомые» изображена шокирующая «идиллия»: муж используется в качестве социальной дымовой завесы, за которой разворачивается тайная страсть между его женой и ее братом. Однако, согласно психоаналитической литературе, к этой проблеме относятся несерьезно[3].

В 1963 году британский психоаналитик Энид Балинт опубликовала статью под названием «О ненаполненности собой». Она была перепечатана в 1993 году в книге «До того, как я был мной: психоанализ и воображение», которую я редактировала. Выражение «до того, как я был мной» принадлежит Джону Донну: «И Бог был недоволен мной до того, как я был мной»[4]. В этой статье Балинт представила историю болезни молодой женщины Сары. Тезис Балинт можно свести к тому, что я называю потребностью в первичном признании: *мать* обязательно должна видеть своего ребенка таким, какой он есть, и давать ему обратную связь относительно того, что с ним происходит в его нарождающемся Я; прежде чем ребенок обретет собственную идентичность, мать должна одобрять все то, что она видит новое в своем ребенке. Без этого материнского признания младенец будет ощущать пустоту внутри и за пределами себя. В возрасте шести или семи лет Сару соблазнил ее брат. Как инцест с родным братом отражается в симптоматике Сары и в аналитическом отчете о ее болезни и ходе лечения?

Сара серьезно больна психически и должна быть на какое-то время госпитализирована в специализированную клинику. Она третий ребенок в семье, где есть еще двое старших братьев. Ее совратил средний брат, он был, по-видимому, тем, кого ее рождение вытеснило как «ребенка». Когда я перечитала статью внимательно и обсудила ее с Энид Балинт в начале 1990-х годов для включения ее в сборник «До того, как я был мной», я была поражена тем, что отцу не отводится какая-либо роль в этиологии болезни Сары, которая казалась потерянной и пустой, «чужой в этом мире», по словам Балинт. Отец

Сары, жестокий человек, у которого уже было два сына, хотел, чтобы вместо Сары у него был третий мальчик.

Этот случай снова всплыл в моей памяти через несколько лет, когда я заинтересовалась судьбой истерии в диагностической литературе западного мира XX века[5]. На этот раз мои мысли были устремлены не на отца, а на братьев Сары. При третьем взгляде на историю ее болезни я хотела бы сделать некоторые предварительные предположения о том, как в конкретном случае инцеста и его запрета, в который были вовлечены сиблинги, можно сместить или добавить латеральное измерение в монополию вертикальной парадигмы психоаналитической теории и всего того, что от нее зависит и на ней основано. Более того, это ставит вопрос о том, что наши социальные и психологические дисциплины в целом сфокусированы почти исключительно на оси отношений родитель–ребенок. Это тот вопрос, который я изучаю с эмпирической точки зрения в конкретном клиническом подходе (психоанализ) с учетом его этноцентричности и исторической специфики. Теперь мы знаем, что ребенок является историческим конструктом (Aries, 1962). Если это так, то логично предположить, что таковым же является и родитель (Bainham et al., 1999). История болезни Сары и позиция Балинт, которая игнорировала важность сиблингового инцеста, позволили мне определить значение прежде упускаемых из вида латеральных, или горизонтальных, отношений, как я впоследствии описала в «Безумцах и медузах» (Mitchel, 2000a). Ранее я рассматривала случай Сары с целью возможности поставить ей диагноз истерии, а теперь меня беспокоит важность кровосмешения между сиблингами и его низведение до уровня незначительного факта в истории болезни и диагнозе Сары. Если отсутствие насилия со стороны отца и отрицание пола его дочери казалось удивительным, то роль брата теперь представляется мне еще более важной. Действительно, с социологической точки зрения разве нельзя допустить возможность, что жизнь рядом с сумасбродным жестоким отцом приведет к возникновению у младшего сына страха

перед насилием, а тот, в свою очередь, станет применять насилие по отношению к младшему сиблингу? Сколько в этом инцесте было секса, а сколько насилия? Можем ли мы отделить эти две составляющие друг от друга?

Согласно семейной истории, Сара была беспроблемным младенцем, успешным ребенком и очаровательным подростком. Что-то пошло не так, когда в возрасте чуть за двадцать она переехала в Англию одна, без своей семьи. Однако аналитическое лечение показывает другую картину ее ранней жизни:

> В ходе анализа выяснилось, что Сара на самом деле всегда испытывала трудности. Она рассказала, как в очень раннем возрасте она лежала без сна в постели, боясь кого-нибудь позвать, прислушиваясь в панике к биению сердца и опасаясь, что оно остановится. Реконструкция переноса позволила выяснить, что еще до этого она неподвижно лежала в ожидании какого-то объекта, падающего сверху на ее голову. Этот объект иногда описывался как скалка, иногда как камень, а иногда как облако (Balint E., [1963], p. 42).

Именно к тому моменту, который был реконструирован в анализе, Балинт относит вероятность инцеста: «Когда Саре было около шести или семи лет, младший из двух ее братьев совокуплялся с ней и продолжал делать это, пока она не достигла возраста примерно двенадцати лет».

Именно такая роль отводится инцесту в возникших у Сары проблемах. Балинт не возвращается к этому снова. Этот инцест происходил во время латентного периода Сары – до этого она была, по-видимому, беспокойным ребенком – и продолжался до того момента, как появилась большая вероятность беременности. Но, пересмотрев некоторые материалы истории болезни, мы можем спросить: имело ли это какое-либо отношение к ее симптомам и, если да, то наводит ли это на мысль о важности инцеста или, скорее, его запрета для формирования бессознательных процессов и психической жизни? Согласно теории Фрейда, невротические симптомы развивают-

ся в эдипальных конфликтах в возрасте от двух с половиной до пяти лет. В соответствии с теорией объектных отношений психотические, невротические и пограничные состояния могут возникать на разных стадиях на фоне ранних внутрипсихических или интерпсихических трудностей доэдипального младенчества. Совершив инцест, когда Саре было шесть или семь лет, она и ее брат нарушили табу после разрешения (или неразрешения) эдипова комлекса и спустя долгое время после младенчества. Однако реальный инцест был только конечным результатом их более ранних отношений, которые для Сары совпали по времени с доэдипальным и эдипальным периодами. У нас нет достаточно информации об этом, поскольку Балинт только сообщает, что было «много эдипального материала». Однако понимание Балинт основывается на доэдипальных материнских отношениях, поскольку они реконструируются из ситуации переноса в ходе лечения, когда Балинт выступает в роли матери. Мы не знаем, какая разница в возрасте была у Сары с братом, но, вероятно, она была не слишком велика, так как они играли вместе. Этот самый ранний период будет служить для меня ориентиром: могут ли более поздние отношения между сиблингами быть связаны с периодом «до того, как я был мной»? Если нет, то может ли то, что происходит только на латентной стадии, влиять на бессознательные психические структуры?

Кляйн и многие другие терапевты считают сексуальные отношения между детьми практически нормой. У Кляйн на этот счет имеются краткие, но емкие замечания. Она считает, что сексуальная игра начинается очень рано, однако ее значение зависит от степени переживаемых ребенком вины и тревоги. Следует отметить, что, по мнению Кляйн, вина и тревога направлены в сторону родителя, а не другого ребенка. Поскольку в психоаналитической теории не отводится никакого места латеральным сиблинговым отношениям, даже такая превосходная подборка наблюдений, как у Кляйн, не может служить убедительным аргументом. По этой причине на данном этапе нам, как сказал Фрейд по поводу нашего

незнания психологии женственности, придется «обращаться к поэтам» (Freud, [1933], p. 135). Поскольку в мои задачи не входит обзор литературы, я буду опираться лишь на три примера, чтобы указать на диапазон последствий сиблингового инцеста – от глубоко злокачественных до возбужденно-экстатических и доброкачественных, – чтобы показать связи между этими разными возможностями.

В «Войне и мире» Толстой описывает, как Пьер осознает развратность своей жены Элен. Все петербургское высшее общество видит в Элен умную и красивую хозяйку. Пьер озадачен успехом «спектакля» своей жены, который заканчивается (психически правильно) ее преждевременной смертью от неизвестной болезни. Сексуальные отношения в детстве с братом Анатолем являются печатью разврата, скрывающегося за блестящим фасадом Элен. Анатоль – бабник, который впоследствии соблазняет героиню романа Наташу, и это передано в одном из самых необычных описаний соблазнения в литературе. Он постоянно пристально смотрит на девушку, и Наташа теряет благопристойность, *потому что между ними нет границ**.

Анатоль скрывает свой вынужденный брак с одной из своих жертв; Наташа уже обручена с князем Андреем. Лжец, обманщик, Дон Жуан, соблазнитель Анатоль является нарушителем границ. Инцест – это пересечение границ или, может быть, если речь идет о сиблингах, об отсутствии границ, что указывает на порочность не просто потому, что это запрещено, а потому, что другой не является «другим»; нет признания потребностей, чувств, места другого человека; нет ответственности, только избыточное поглощающее соблазнение. Наташа, которая избегает участи быть соблазненной благодаря вмешательству ее троюродной сестры Сони, в конечном итоге выйдет замуж за Пьера, вдовца Элен. Благодаря своим

* Отсылка к фразе романа «Война и мир»: «Блестящие, большие, мужские глаза его так близки были от ее глаз, что она не видела ничего кроме этих глаз». – *Прим. пер.*

отношениям со своим соблазнителем Анатолем и своим мужем Пьером, она, таким образом, становится антагонистом Элен. Элен спит со своим братом Анатолем, выходит замуж за Пьера и разводится с ним, чтобы попытаться выйти замуж за одного из любовников и не может решить, за которого именно. И у Элен, и у Наташи были (или почти были) незаконные отношения (инцест, предполагаемое двубрачие, неверность) с одним человеком (Анатоль) и брак с другим (Пьер). Узкая черта отделяет добро (Наташа) от зла (Элен), но она является критической и указывает, что инцест с родным братом означает пересечение этой черты (см.: Mitchell, 2003).

В романе «Грозовой перевал» Эмили Бронте (1847) Кэтрин Эрншо и Хитклифф – неродные брат и сестра. Поскольку они не являются кровными родственниками, Бронте может изобразить почти мистический экстаз сиблингового союза, в котором двое становятся одним. Отец Кэтрин пообещал принести подарки своим двум детям, Хиндли и Кэтрин, по возвращении из поездки в Ливерпуль. Вместо этого он подбирает брошенного цыганского мальчика, которого называют именем умершего ребенка, родного брата его детей, Хитклиффом. Кэтрин и приемный Хитклифф становятся неразлучны. Степень их страсти и влечения свидетельствует о том, что Хитклифф, «замещающий» ребенок (Sabbadini, 1988), «пришел с того света»; стремление к мертвому лежит в основе их отношений. После ранней смерти родителей Хиндли, старший брат из-за ревности унижает Хитклиффа, превращая его в слугу. Якобы именно по этой причине Кэтрин не может выйти за него замуж, но они продолжают жаждать друг друга. После социально приемлемого брака с соседским помещиком Кэтрин умирает в родах. Союз, которого она жаждала с Хитклиффом, станет возможным только после его смерти: говорят, что их призраки видят бок о бок бродящими по болотам. Известное описание Кэтрин их отношений может служить иллюстрацией экстатического единства брата и сестры: «Он больше я, чем я сама. Из чего бы ни были сотворены наши души, его душа и моя – одно и то же» (Bronte, [1847], p. 92).

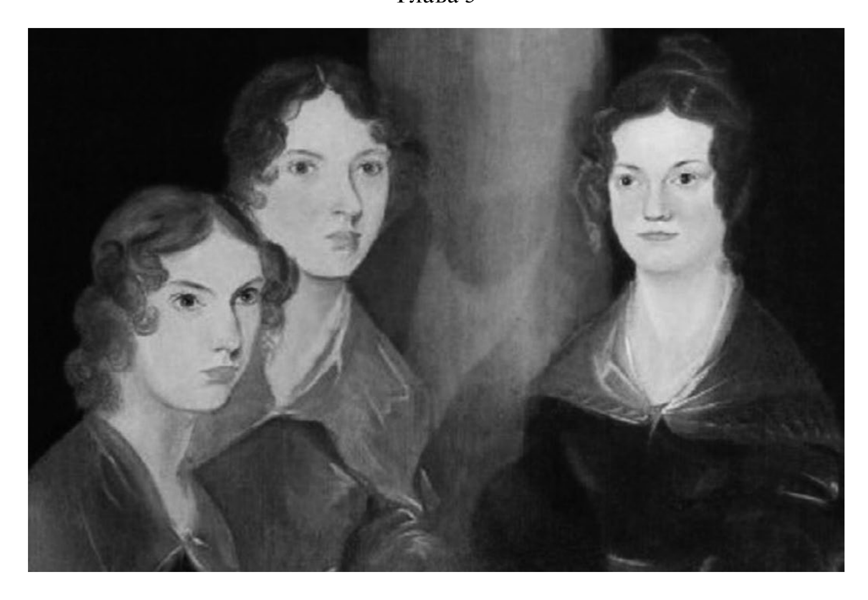

Рис. 5. Патрик Бренуэлл Бронте (прототип Хитклиффа). «Сестры Бронте» (Энн, Эмилия и Шарлотта) (ок. 1834). Национальная портретная галерея, Лондон

Когда нарциссический ребенок зачинает нового ребенка, он воображает, что тот будет больше им самим, чем он сам; ожидаемый ребенок будет своего рода дополнением к желанной грандиозности ребенка. Мы можем видеть это у пары близнецов: хотя между ними может разворачиваться борьба за выживание, один может также использоваться как дополнение: «Я – это мы», «нас двое, и только один ты». После смерти близнеца нарциссизм выжившего заметно уменьшается (Engel, 1975). Но то, как Бронте видит любовь «близнецов» Кэтрин и Хитклиффа («Он больше я, чем я сама»), выдвигает на первый план разные роли, которые играет смерть в сиблинговом инцесте: как будто блаженство «два в одном» может быть достигнуто только тогда, когда оба мертвы, но мертвый брат также приблизил любовь. Инцест – это также пакт, согласно которому оба могут выжить, если станут одним целым; это как бы приходит на смену борьбе за выживание, в кото-

рой один должен умереть. Выйдя за пределы романа, можно сказать, что, любя приемного брата Хитклиффа до такой степени, что она стала им самим, Кэтрин «снимает» чувство вины, которое она неосознанно чувствовала как ребенок, который выжил и/или заменил своего мертвого брата; и Хитклифф своей страстью к ней также смягчает свою «идентичную» вину за то, что он оставшийся в живых замещающий сын, который для родителей занял место мертвого ребенка. Кэтрин и Хитклифф психически одинаковы – оба выжили, и, поскольку Кэтрин родилась после смерти ее естественного брата, оба являются замещающими детьми; это то, что делает каждого из них больше: бессознательно переживая вину, каждый из них вбирает в себя и другого. На примере этого романа мы можем видеть, что вина, которая, согласно Кляйн, часто присутствует в клинической картине сиблингового инцеста, может быть связана не с воображаемым насилием над родителем, как утверждала она, а с пониманием того, что собственное выживание возможно только при смерти другого ребенка. Значит ли это, что смерть присутствует во всех сиблинговых инцестах? Я думаю, что да.

В романе Арундхати Рой «Бог мелочей» близнецы, мальчик и девочка, образуют тесный дружеский союз, но в рамках общих и взаимно любящих отношений со своей сильной, одинокой матерью. В их мир входит третий ребенок, их двоюродная сестра. Она тонет. Неужели ей не хватило места в самодостаточном пространстве близнецов? Двоюродная сестра, конечно, ощущала именно это. Девочка-близнец, испытывает неопределенное чувство вины за несчастный случай; неопределенное, потому что она завидовала своей двоюродной сестре. С утопления начинается трагедия, которая обрушивается на семью, и мать должна отправить сына к его отцу в Калькутту. Сказав «прощай» на станции, его сестра-близнец внезапно сгибается в агонии и издает долгий отчаянный крик. В Калькутте почти разучившийся разговаривать, психически опустошенный, возможно, из-за отсутствия своей сестры, мальчик выживает, делая покупки и готовя еду для новой се-

мьи своего отца. Рой слишком хорошая писательница, чтобы прямо объяснять причины описываемых ею событий, но ясно, что мальчик выживает только за счет того, что становится похожим на свою сестру-близнеца (которая в большей степени он, чем он сам) и выполняет обязанности девушки. Он не теряет своего близнеца, он становится ею. Их мать, сломленная и состарившаяся раньше времени, умирает, и близнецы, чья семья снова разрушена, вновь обретают друг друга уже в юности. Признание происходит медленно, они лежат рядом в позе ложек, точно так же, как в детстве. Но на этот раз происходит инцест. Облегчением для меня здесь является то, что они, по крайней мере, нашли друг друга среди разрушений и жестокости их мира. Может ли кровный инцест стать убежищем в слишком травмирующем мире? Повторяющаяся травма оставляет слишком мало от себя самого – может ли сиблинг восполнить эту нехватку?

В рамках модели отсутствия границ для инцеста должно существовать состояние «двое как одно», характерное для матери и плода. Травма призывает вернуться к этому доэгоическому утешению другого как самого себя. Но средством такой регрессии является не нарушение окончательного запрета на инцест с матерью (которая в романе Рой в любом случае эмоционально разрушена), а инцест с сиблингом. Ожидая появления нового ребенка, маленький ребенок думает, что он будет таким же, как он, копией, дополнением, что с его приходом «меня» станет больше.

Вернемся к Саре. Балинт комментирует инцест Сары с ее братом так: «Неспособность ее матери распознать проблему, с которой столкнулась ее дочь в то время, как и в более раннем возрасте, была тяжелее для моей пациентки, чем сами переживания» (Balint E., [1963], p. 42). Как уже упоминалось ранее, западные психиатры и психотерапевты утверждают, что инцест между братьями и сестрами происходит чаще всего при отсутствии вертикальной, то есть обычно родительской заботы. Хотя от контекста многое зависит, ребенок очень остро чувствует это родительское пренебрежение. Сам инцест мо-

жет быть проявлением насилия, издевательств и жестокости со стороны старшего ребенка по отношению к младшему; он может быть проявлением утешения, когда между детьми существует относительное равенство; однако отсутствие защиты со стороны взрослых присутствует во всех случаях[6]. Это могло бы подтвердить наблюдение Балинт о том, что проблемы Сары связаны с отсутствием внимания со стороны матери, что, в свою очередь, повторяет нехватку признания Сары как личности в более раннем возрасте. Балинт считает, что инцест подтверждает ее утверждение о том, что главной проблемой Сары был недостаток первичного материнского признания того, кем она была. И все же у Сары есть фантазии, которые относят полное отсутствие материнской заботы на генитальный уровень. Сара приравнивает все свое Я к своей матке, и именно эта матка, как она утверждает, была отнята у нее. В ее повторяющемся сне собака выходит из моря на пляж, где стоит Сара, кусает ее и крадет ее матку. Она вспоминает настоящее происшествие, на котором основан этот сон. В конце своего лечения она приносит аналитику гальку с пляжа, который она узнала в своем сне. Она утверждает, что галька представляет ее утробу/Я, которую, по ее словам, она получила назад в основном благодаря обратной связи от аналитика как матери, которая может дать ей признание.

Я уверена, что вопрос о месте сиблингового инцеста в теории тесно связан с аспектами генитализации. В частности, следует отметить, что хотя Сара, по-видимому, проявляет сильную зависть к пенису, а ее активная взрослая гомосексуальность и гетеросексуальность ярко выражены, ее прото-Я, или Я, которым она могла бы быть, воспринимается ею не как пенис (что обычно для бисексуальных фаллических фрейдовских детей любого пола), а как матка. О девочке-как-фаллосе писали такие авторы, как Отто Фенихель (Fenichel, 1945), ее, пожалуй, легче всего понять через лакановское понятие стадии зеркала, или «воображаемого». На этой стадии дискоординированный младенец любого пола находит свое Эго (или Я) в виде связного, целостного имаго самого

себя в зеркальном отражении, на которое указывает его мать, говоря «это Джонни». Это иллюзорное Я приходит и уходит в зеркале; оно либо исчезает, либо кажется вертикальным и всемогущим, другими словами, фаллическим. Но Сара представляет себя как потерянную и найденную матку.

Балинт отказывается называть болезнь Сары или ставить ей какой-то диагноз, но она говорит, что Сара ближе к «пограничному» спектру. Если так, то эдипальные аспекты заключались бы в том, что она хотела бы остаться такой, какой ее желает видеть мать, а именно, одновременно доэдипальной и обладающей тем, чего не получила мать (фаллос), и эдипальной с тем, что отец (но не растущий ребенок) может предложить ей (опять же фаллос). Девочка, отвергающая предназначение психической женственности, которое состоит в том, чтобы стать объектом любви для ее отца, может вместо этого заставить все свое тело-эго принять образ фаллоса для своей матери (классическая позиция женской истерики). Те психоаналитики, которые поддерживают идею о том, что девочки, как и мальчики, имеют психику, которая совпадает с их биологией (фаллической для мальчиков и с внутренним пространством для девочек) и с узнаваемым другими людьми гендером, должны, соответственно, полагать, что женское Эго представлено маткой[7]. Возможно, это может быть принято как должное, как, например, делает Балинт в ее описании случая Сары, но я считаю, что этот вопрос требует дополнительного внимания. Хотя зависть к утробе матери и первичная женственность младенца являются предметом психоаналитического дискурса, матка пока еще не считается местом для структурной репрезентации самости. Я полагаю, что неспособность указать место в структуре, отвечающее за запрет на сиблинговый инцест, ведет к тому, что отсутствует теоретическое осмысление утробной саморепрезентации: у человека есть пространство, полость внутри, которая может быть заполнена или быть пустой, голодное чрево, живот/матка, анальное чрево, пространство, из которого может произойти нарциссическое партеногенетическое рождение.

Прежде чем начать рассуждать о биологической основе для психической саморепрезентации матки, я хотела бы подчеркнуть, что не уверена в том, что эта психическая саморепрезентация сексуально дифференцирована. Более того, я считаю, что как у мальчиков, так и у девочек существует стадия, когда живот/матка как выражение внутренней сущности может использоваться для саморепрезентации «внутреннего Я» независимо от гендера. Дональд Винникотт назвал это состоянием «бытия» и считал его женским; он сравнивал его с состоянием «действия», которое было «мужским». «Бытие» для обоих гендеров предшествует «действию». Однако я говорю не о состоянии, а о теле-эго, о Я или, точнее, репрезентации «меня». Я бы сказала, что такая репрезентация необходима для способности запоминать и «держать в уме», что, в свою очередь, необходимо для осознания того, что другие являются «другими». На самом деле такая репрезентация внутреннего мира необходима, чтобы существовала способность к репрезентации как таковой. Однако когда и в какой психосоциальной ситуации это происходит? Каким образом мы можем связать это с сиблинговыми отношениями и табу, которые их сопровождают?

История открытия базовых элементов психоаналитической теории общеизвестна. Сначала в 1890-х годах появилась убежденность в патогенной роли свершенного инцеста между отцом и ребенком. Подобную историю Фрейд слышал от истерических пациентов и подтвердил ее собственной историей и историями членов своей семьи. В конце концов было замечено, что не все случаи невроза можно объяснить только инцестом. (Движение «Восстановленная память» возвращает этот антигуманный постулат, ставя задачу классификации жертв, у которых в связи с их неблагоприятными обстоятельствами другая психология, а не другая история, как в нашем случае.) Но, в равной степени, если инцест применяется только к конкретной группе, подвергшейся насилию, то тогда и невроз, связанный с ним, будет распространяться только на эту группу. Таким образом, первая идея Фрейда о сексуальном

надругательстве над асексуальным «невинным» ребенком, повлекшем за собой истерию у подростка или взрослого, была заменена понятием инфантильной сексуальности, согласно которой маленький ребенок желает такого инцеста и фантазирует о нем, то есть эдиповым комплексом. Истерия демонстрирует прорыв неадекватно вытесненных эдипальных желаний.

В свою очередь, гипотеза о детской сексуальности имела ряд последствий. Это была гипотеза универсальной ситуации. Отсюда следовало, что невроз или психическая нормальность определялись способом ее разрешения, а не самим фактом ее возникновения. Это также означало, что никто не был защищен от невроза. В связи с тем, что желания инцеста стали бессознательными, именно это бессознательное необходимо было исследовать, его траектория отмечалась в симптомах, которые его выражали.

Переходя от специфики истерических историй к универсальности эдипова комплекса, центральные принципы претерпевают изменения: жестокое обращение со стороны отца становится запретом отца на желание ребенка обладать матерью. Индивидуальный опыт фактического насилия стал одним из вариантов опыта в рамках универсального правила. Что, однако, приводит в движение эдипов комплекс в первую очередь? Ответы обычно лежат в плоскости развития – сосущий младенец становится анальным малышом, который потом становится фаллическим ребенком. Эдипов комплекс возникает на фаллической стадии, когда сексуальные желания и девочки, и мальчика сфокусированы на клиторе или пенисе. Тем не менее я полагаю, что исторический взгляд на субъекта в отличие от парадигмы развития может дать другой ответ на этот вопрос. Что случилось с ребенком с точки зрения его общей истории, а не биологии, когда его желания стали инцестуозными (то есть фаллическими)?

Фрейд подчеркивал: когда ребенок видит, что мать беременна другим ребенком (или в силу общекультурных представлений и собственных тревог и надежд ожидает, что мать

будет беременна другим ребенком, как, например, мать его друга), то сама ситуация требует развития мышления. Для ребенка это исторический, а не телесный момент. Чувства, вызванные исторической ситуацией, заставляют его ум работать. Философский ум рождается из отчаянной реакции на угрозу смещения и на возможность зарождающегося Эго стать ничем, когда бытие может стать небытием. Фрейд отмечает, что проблема, которая заставляет двухлетнего ребенка думать, сформулирована в вопросе «Откуда берутся дети (или откуда взялся этот вторгнувшийся в мое пространство ребенок)?», то есть в вопросе о родах. Но к этому вопросу следует добавить еще один: «Куда мне, ребенку, сейчас идти?», то есть вопрос о смерти. Отчаянное положение, лежащее в основе этой ситуации, требует размышлений и такого развития, когда разум отделяется от тела, частью которого он является, для размышления над вопросами: «Где я теперь, когда кто-то другой теперь я?» и «Где я был, когда кто-то такой же, как я [ребенок моей матери], был там, а я не был?».

В отличие от Фрейда ряд аналитиков, например Уилфред Бион, утверждают, что мысли о взаимосвязи матери и младенца возникают из-за того, что мать переводит исходный материал чувств ребенка в то, о чем можно думать, например, боль, которую испытывает ребенок, ощущается и понимается матерью как боль, поэтому чувство в конце концов становится *идеей* боли. Эта способность матери называется «контейнированием». В книге «Колыбель мысли» Питер Хобсон (Hobson, 2002) описывает взаимодействие матери и ребенка, которые вместе создают колыбель ума. Представление о матери как контейнере, или создательнице колыбели, по ассоциации приводит к пониманию материнского разума как чрева. И снова это отличается от интересующего меня понятия, а именно от того, что Сара репрезентировала свое Я как генитальное чрево. Я полагаю, что мы можем понять генитальное чрево (которое также является маткой в случае истерических фантомных беременностей), если мы рассмотрим социальную историю ребенка на пути его развития.

Парадигма развития не противоречит проведению исторических интервенций, в которых что-то происходит во времени. Я хочу посмотреть на такую историческую интервенцию как на кризис, который врывается в развитие. Угроза со стороны сиблинга, которая означает, что ребенок не является ни уникальным, ни даже незаменимым, состоит в том, что историческая травма останавливает развитие. В классической теории, однако, вместо решения вопроса о латеральных отношениях, в которых ребенок обнаруживает существование других «таких же, как он» детей, акцент был смещен в сторону обнаружения ребенком того, что его отец был любовником матери. В работах Фрейда и его последователей это событие предстает как единственный кризис: вместо рассмотрения вопроса о преодолении эдипова комплекса в ходе развития признается, что права отца на мать закладывают кастрационный комплекс, и именно это символическое «историческое» событие разрушает эдипов комплекс. В этой теории угроза кастрации, а не рождение ребенка является травмирующим событием, которое вмешивается в биосоциальное развитие ребенка. Угроза кастрации создает условия для символизации сексуальных различий в зависимости от того, кто находится/не находится, будет находиться/не будет находиться в позиции кажущегося обладания/необладания фаллосом. Это выглядит так, будто первичное представление об отцовском соблазнении частично сохраняется в новой угрозе, исходящей от отца. Историческое событие – реальное или воображаемое – всегда исходит от отца. Является ли это следствием идеологии патриархата? Почему бы не посмотреть на сиблинга как на носителя важного исторического события?

Введение понятия кастрационного комплекса влечет за собой изменение потенциальных последствий от первого вопроса: «Откуда появился этот ребенок?» Из кризиса уникальности ребенка и его существования на латеральном/горизонтальном уровне это превращается в кризис сексуальных различий, смоделированный на базе запрета отца и воспринятый как травма из-за отсутствия фаллоса у матери; отсутст-

вие фаллоса у матери указывает ребенку, что люди могут быть «кастрированы». Редактор стандартного издания сочинений Фрейда делает такую сноску в эссе «О сексуальном просвещении детей»: «В более ранних работах Фрейд, как правило, утверждает, что проблема происхождения детей – первая, которая будоражит интерес ребенка... Однако в приведенном выше тексте он, как представляется, ставит его на второе место после проблемы половых различий; и именно на эту точку зрения он переходит» (Freud, [1907], p. 135). Отсутствие пениса у женщин вызывает вопрос: «В чем разница между полами?» (эдипально-кастрационный вопрос). Наличие сиблинга заставляет задуматься: «Откуда взялся этот ребенок, который не я?» В этом случае вопросы ребенка равномерно сбалансированы. Однако, Фрейд, как и Лакан, настаивают на том, что различие между полами является доминирующим пунктом их теории.

Утверждение Фрейда о важности кастрационного комплекса как события, которое обозначает половые различия и вместе с этим указывает на обретение полной социальности человеческим ребенком, было сделано в контексте утверждений других аналитиков о важности доэдипальной матери и биологического пола, приводящих детей к пониманию половых различий. Между этими двумя позициями не нашлось места для сиблинга. Если вопрос о братьях и сестрах является горизонтальным, то вопрос о половых различиях возникает в вертикальной перспективе; это вопрос идентификации с соответствующим родителем *после* кастрационного комплекса. Однако с самого начала Фрейд (как и дети) не уверен, какой вопрос более важный. Позже (глава 5) я выскажу предположение, что вопрос «Откуда появляются дети?» касается скорее гендера, а не о половых различий; это тот вопрос, посредством которого мальчик, будучи более сильным и значимым, надеется вернуть себе всемогущество, на которое покушается сиблинг, пришедший из «ниоткуда», а девочка в той же ситуации боится подтвердить ощущение собственной слабости и отсутствие социальной значимости. Египетская писатель-

ница и доктор Навал эль-Саадави выступает от лица многих, когда рассказывает, как ее отец помог ей добиться успеха, а ее брат всегда делал все возможное, чтобы угнетать ее (Saadawi, 2002). Мужское доминирование не является исключительно или даже главным образом патриархальным, если мы, как это делаю я, понимаем под патриархальным – имеющее отношение к отцам.

Мы можем увидеть в неопределенности относительно двух великих вопросов ребенка знак еще большей неопределенности в отношении братьев и сестер в психоаналитической теории – неопределенности, которая разрешается игнорированием их структурирующей роли, даже когда они проявляются в материале. В теории Фрейда неадекватный ответ ребенка, помимо аистов и Бога, состоит в том, что новый ребенок (или тот, который уже есть) берется из живота матери (не матки) по оральной, анальной или пищеварительной модели. Подобно тому как девочка может проигнорировать прагматический ответ о фаллосе отца, так и мальчик может противостоять эмпиризму материнской роли и настаивать на сохранении внутреннего пространства в качестве воображаемого места ночлега для детей[8]. Другими словами, и маленькая девочка, и мальчик будут хотеть внутреннего пространства, из которого могут появиться дети. Я полагаю, что, хотя в основании могут лежать модели ротовой полости, пищеварительного тракта и анальных проходов (из оральной или анальной фазы), несмотря на это, мысль об угрожающем сиблинге обязательно будет генитализована и не только потому, что ребенок является эквивалентом фаллоса матери. Дети засовывают подушки под майки, отрывают ногу у куклы, чтобы почувствовать и увидеть, где находятся дети и как они выходят. Фаллическое Я в лакановской фазе воображения имеет эквивалент, где матка (чрево) равно Я и ребенок может появиться из «меня». Если фаллос – это прямое Я, то матка – это округленное Я. Фрейдовско-лакановская аргументация включает это в их теорию. Теория объектных отношений, рассматривая это только как идентификацию с ма-

терью, а не как интеллектуальную задачу на понимание того, откуда берутся дети-самозванцы, пошла по пути ее натурализации. Такое сведение к природным основаниям привело к полному отказу от понятия конфликта, который порождает психическую жизнь через необходимость мышления и который, по нашему мнению, должен быть положен в основу всей психоаналитической теории независимо от ее ориентации.

Необходимо рассматривать этот конфликт и благополучное или неудачное его разрешение при наличии братьев и сестер как потенциальный аргумент для включения латеральных отношений в теорию. Я предположила, что «закон матери» устанавливается в связи с желанием ребенка родить и, следовательно, создать внутреннюю полость. Этот закон налагает запрет на фантазии ребенка: рожаю я – мать, а не ты – ребенок. Если запрет усвоен, а потеря возможности родить ребенка в детстве принята, тогда можно символизировать внутреннее пространство – место, из которого приходят мысли и в котором репрезентации можно удерживать «в уме». При фантомных беременностях и в воображаемых анальных родах, как и в случае инфантильных желаний, это чрево понимается буквально, оно не «потеряно» и поэтому не может быть репрезентировано и символизировано. Несимволизированное желание ребенка становится воображаемой маткой, производящей волшебных детей – монстров или ангелов. Несимволизированное, креативное мышление (Винникотт) будет удалено.

Балинт начинает свою статью о Саре с размышлений о том, что существует выражение – мы «полны собой» – и что нам нужен эквивалент для состояния – мы «пусты собой». Но полнота и пустота – это две стороны одной медали – одна предполагает всемогущество Его Величества Младенца, а другая – внезапное обесценивание Его Величества, когда его свергает другой ребенок. В конце концов нужно не это колебание, которое приводит к ночным кошмарам с последующей истерикой, а решение, которое преодолевает обе эти позиции. Для этого нам нужен «закон матери». Я не предполагаю, что пространст-

во для осмысления этого закона берет свое начало с запрета, предусмотренного законом матери; скорее именно в этот момент процесс можно символизировать. Ребенок вполне может идентифицировать себя с матерью-маткой, как это могла бы предположить теория Уилфреда Биона, но это вполне может быть и идентификация с полной или пустой маткой, а затем и с головой, пустой или полной мыслей. На такую возможность как раз ссылается Балинт. При этом запрет символизирует (или окультуривает) эту идентификацию: вместо колебаний между слишком полным и слишком пустым у нас есть альтернатива, когда мы можем быть пустыми сейчас, но наполненными потом (такова женская позиция в том, что касается размножения), или же быть пустыми сейчас и не иметь возможности быть наполненными позже (мужская позиция). В творчестве эти позиции, дифференцированные по половому признаку, не могут быть распределены по гендерам (хотя идеологически такое вполне возможно для ощущающих все превосходство мужских умов). И мальчик, и девочка могут быть иногда пустыми, иногда полными мыслей, но пустота всегда предшествует полноте творчества, и именно так ребенку видятся законы воспроизводства. «Пустое сейчас» не является обратной стороной «полного сейчас»; это новое, сублимированное пространство. Вместо того чтобы обладать умом как чревом, который возбуждающе генитализирован, можно обладать новым сублимированным пространством, которое может быть просто умом и, следовательно, быть наполненным творческими мыслями. В дальнейшем происходит дифференциация ума от его контекста, от привязки к телу.

Мы можем видеть это в клинической практике. Если основной фантазией истерии у обоих полов является беременность, а признаком конверсии может быть фантомная беременность, то аналогичным образом можно говорить о частом переполнении ума. Истерик не может мыслить, он может только излить большое количество неотсортированных «предварительных мыслей» посредством словесных форм или реальных действий; его голова такая же полная (или пустая), как и его

матка. Расстройства пищевого поведения, в частности булимия и анорексия, особенно распространенные в группах сверстников, являющихся преемниками братьев и сестер, ярко демонстрируют колебания между пустотой и наполненностью, предшествующие какой-либо символизации внутреннего пространства. Формирование внутреннего пространства было понято в эдипальных терминах, но поскольку сиблинги были исключены из поля внимания, а вместе с тем и осознания, что в мире есть другие дети, не было никакого способа соединить это построение символизируемого внутреннего пространства с крайне важным «нет» и крайне важной утратой. «Нет», отрицание, запрет – в данном случае «нет» матери – это условие для суждения (Freud, [1925]), а «не быть» и «не иметь» являются условиями для репрезентации.

Способность к суждению отмечена словом «нет»: «Я не хочу этого». Новорожденный, оказавшись во внешнем мире, изначально не делает различий между тем, что снаружи, и тем, что находится внутри него. (Развивая эту мысль, Винникотт исследует, как грудь матери становится Я ребенка.) Первая дифференциация будет заключаться в том, чтобы принять и сохранить то, что хорошо, и выплюнуть то, что плохо (Кляйн). Чтобы из этого возникли мыслительные процессы, то, что было принято вовнутрь, должно быть представлено во внешнем мире. Пища, которая создает приятные ощущения внутри, становится пищей, которая изначально была снаружи, но теперь в качестве ментальной концепции внешнего и реального. Маленький ребенок (или взрослый истерик с расстройствами пищевого поведения) не может предсказать, когда он будет голоден, потому что у него еще нет репрезентации идеи еды. Чтобы это произошло, то, что доставляло удовольствие, должно быть сначала потеряно, а затем «возвращено» во внешний мир, чтобы младенец мог узнать, что оно доступно ему как нечто вне его самого. Мышление означает, что удовлетворение может быть отложено; ребенок может превратить свою потребность мгновенного удовлетворения в отсроченное желание. (Истерик и психопат по-прежнему нуж-

даются в мгновенном удовлетворении.) Однако маленький ребенок должен также иметь возможность принять решение относительно того, когда ему следует перестать откладывать удовлетворение и принять меры, чтобы получить то, что ему нужно и чего он хочет. «Нет» указывает на то, что желание было подавлено в то время, когда имело место ожидание, «нет» позволяет стать сознательным, чтобы можно было принять решение попросить еду в подходящее время.

Способность мыслить развивается вместе с телом. Мы можем представить себе первую стадию как создание не только мыслей, но и пространства, в котором они находятся: сначала есть пища, которая проглатывается или выплевывается, и флуктуации между наполненностью и пустотой. Когда пища репрезентируется во внешнем мире, тогда же возникает и понятие полости рта для ее сохранения. Одна из моих пациенток, которая страдала стойким расстройством пищевого поведения, сказала, что ей нужно, чтобы я объяснила ей, где у нее рот и что он из себя представляет. Отсюда мы можем заключить (помимо прочего), что она регрессировала до точки, когда еще не было понятия о ротовой полости, которая наполнена или ждет наполнения едой. Несимволизированный рот и пищеварительный тракт типичны для расстройств пищевого поведения, точно так же как несимволизированная матка является признаком фантомной беременности.

Маленький ребенок, который верит, что у него внутри есть малыш, изначально находится на оси полноты/пустоты, так же как и «беременный» истерик, который регрессирует к этой точке. Если материнское «нет» не усваивается, то желание иметь ребенка не может быть осознано и, следовательно, не может быть вытеснено. Когда это желание вытеснено путем принятия «нет», тогда может быть принято решение: у меня будет ребенок, но позже, когда я вырасту, и этого ребенка можно будет представить существующим во внешнем мире. Я предполагаю, что первое «нет» матери, которое контролирует кормление, дефекацию и т. д., должно быть воспринято ребенком в качестве его первых суждений каса-

тельно проверки реальности, а ее второе «нет» – то, что я называю законом матери, – является еще одним важным шагом, так как указывает на сексуальные нормы пола и поколения и определяет, кто может и кто не может иметь детей. Если запрет не воспринят, фантазии отыгрываются, как это происходит в случае истерии и так называемого «боваризма», когда фантазирующий, как и «беременный» ребенок, продолжает верить, что его фантазии реальны, или в случае извращений, когда вместо сублимации и символизации или истерических фантазий имеет место только отыгрывание. Извращения казались такими активными и фаллическими и долгое время ассоциировались почти исключительно с мужчинами[9] только потому, что у них отсутствует внутреннее пространство, тогда как в истерических фантазиях внутреннее пространство целиком заполнено навязчивыми фантазиями; один пациент с ярким расстройством пищевого поведения сказал мне: «Для мыслей просто не остается места». Именно так происходит, если ребенок не отказывается от своих убеждений в том, что он может стать матерью. Они являются результатом неспособности принять вертикальный запрет, устанавливающий различия между поколениями, но они также действуют в контексте братьев и сестер: новый ребенок или ранее существовавший сиблинг не будет представлять мне угрозы, если эти дети рождаются от меня. Рождение сестры Ганса, Ханны, не кажется таким уж страшным, если Маленький Ганс также может размножаться (Freud, [1909]). Это имеет ряд других последствий.

Если новый плод в расширяющейся утробе матери заставляет маленького ребенка думать об этом, но он все еще остается в фантазии относительно того, что он сам может произвести на свет собственного ребенка, тогда этот будущий ребенок не будет восприниматься отличающимся, он будет точной копией, а не тем, в ком можно увидеть другого. Перверсные и истеричные родители видят своих детей, как если бы они были их копиями. Если, с другой стороны, закон матери «принят», то долгожданный и угрожающий сиблинг будет похож

на старшего ребенка – ребенка той же матери, но он будет отличаться от него, может быть, он будет девочкой (как Ханна, сестра Маленького Ганса), а если того же пола, то, конечно, младше и, конечно, с другим именем, голубоглазым, с темными волосами и светлым тоном кожи. Ребенок в этом случае имеет возможность уловить элемент последовательности; он может прийти к внутреннему осознанию того, что сиблинг – это не реплика и не клон; он похож, но и отличен (глава 1). Колебания между сиблинговой любовью и ненавистью указывают на процесс принятия этой последовательности. В свою очередь, возможность различения этих пиковых переживаний и понимание невозможности зачатия в детском возрасте закладывают основу для противодействия кровосмешению между братьями и сестрами.

Сексуальная игра между сиблингами или сверстниками (в «доктора», в «маму и папу») вполне нормальна и проходит в направлении от заботы и любви к инцесту и обратно. При чтении известных текстов, где поднимается этот вопрос, мне показалось вполне вероятным, что знаменитая «Дора» Фрейда (Ида Бауэр) и ее брат Отто вместе занимались мастурбацией и что старшая сестра Вольфсманна почти наверняка пошла дальше и была гораздо более навязчивой в сексуальном соблазнении своего младшего брата. С этой точки зрения мы можем реконструировать случай Сары (Балинт). Мать Сары видела в своем третьем ребенке только хорошую, беспроблемную желанную дочь. Ее отец хотел третьего мальчика. «Очень рано Сара начала играть со своими братьями, которые были всего на несколько лет старше ее, лазая по деревьям и всячески успешно конкурируя с ними» (Balint E., [1963], p. 41–42); а затем, когда она была в возрасте примерно шести лет, у нее состоялся половой акт со средним братом. Мне кажется, что характеристики пациента, которого описывает Балинт, очень хорошо согласуются с историей отца, который хотел, чтобы его ребенок был точной копией его самого (то есть третьим мальчиком), и матери, которая не могла помочь своему ребенку почувствовать себя такой же, но все же отлич-

ной от братьев, какими они были друг для друга. Описывая пациентов, которые «не наполнены собой», Балинт пишет:

> ...Эти люди не любят, когда их оставляют одних, и им трудно что-либо сделать для себя; несмотря на это, они зачастую боятся человеческих контактов и противятся тому, чтобы им помогали другие...
>
> Как другая крайность, эти люди могут уйти из повседневной жизни полностью, но этот уход, вместо того чтобы помочь им, ухудшает их состояние и может привести к некоторой спутанности. Если такой человек будет госпитализирован в этот момент, его спутанность может на время прекратиться или уменьшиться, потому что за ним будут ухаживать без каких-либо обязательств. Таким образом, пациент не одинок, но не поддерживает активного контакта с кем-либо (ibid., p. 40).

Как может это состояние пустоты, спрашивает Балинт, сосуществовать с потребностью в другом человеке, но таким образом, что другой человек не дает субъекту ощущения заполненности собой? Можно проследить, как Балинт объясняет эти особенности поведения с точки зрения матери и ребенка: ребенок не может выжить без матери, которая должна присутствовать, но ребенок должен быть в состоянии принять ее как должное и не чувствовать себя обязанным. Тем не менее только что описанные характеристики могут быть связаны с инцестом. В его доброкачественной версии – как у вымышленных близнецов из романа Рой – кровосмесительный инцест создает ситуацию, напоминающую союз близнецов, когда есть потребность в другом, но не как в другом отдельном человеке, потому что они не были репрезентированы как таковые, и их присутствие не принесет удовлетворения, потому что, не будучи другими, они не могут предложить ничего нового. Близнец, которого я знала, – он был заключен в тюрьму по политическим мотивам – не мог вынести одиночного заключения и, пытаясь понять свое отчаяние в связи с этим, он написал: «Я не был рожден один». Можно даже утверждать,

что в начале жизни близнец, по словам Балинт, «не одинок, но и не поддерживает активного контакта с кем-либо». В более позднем возрасте, хотя они не могут быть одни, присутствие другого угрожает возможности инаковости и, следовательно, является раздражителем. Близнец нуждается в некоем учреждении, где рядом с ним будут находиться другие люди, которых нужно рассматривать вовсе не как повторение самого себя, а лишь как средство удовлетворения потребности обрести целостность. Первое чувство, что другой не похож на меня, вызывает раздражение; в клинической работе это встречается в форме постоянного, раздражающего недопонимания. Майкл Балинт (Balint, 1968) предположил, что это «базисный дефект» в отношениях матери и ребенка. Я полагаю, что человек чувствует это раздражение, когда тот, кто должен быть таким же, становится другим.

Модель, которую я хочу предложить, описывает сиблинговый инцест как психическое событие, которое использует некоторое предыдущее состояние матери и ребенка, но придает этому раннему допсихическому состоянию позднюю генитальную форму. То, что реальный инцест может произойти в жизни пациента не в самом раннем детстве, а позже, означает, что он только формирует ситуацию, которая не была разрешена и оставалась в зародышевой стадии. Инцест может быть относительно равноправным, как в случае с близнецами в «Боге мелочей» или, возможно, в случае с «Дорой» и Отто Бауэрами во «Фрагменте анализа случая истерии» Фрейда (Freud, 1905), пока Дора не была помещена доктором на более низкую позицию по сравнению с положением своего брата – ребенка мужского пола. Если имеет место неравенство, как в случае с Вольфсманном и его старшей сестрой и, по-видимому, с Сарой, то жертва (мальчик или девочка) будет воспринимать это как прорыв защитных границ, травматическое вторжение тела–разума. Но и доброкачественный, и злокачественный инцест представляет собой проблему, по меньшей мере, указывая на незнание того, что в мире есть место для еще кого-то, кроме себя, для нарушения границ или отказа в их установле-

Рис. 6. Инцест может быть относительно равноправным. «Зигмунд и Зиглинда» Артура Рэкхэма: иллюстрации Рэкхэма к «Кольцу нибелунга» Вагнера (Dover Publications, 1979)

нии. Именно в момент страха и фантазий Сары о вторжении Балинт упоминает об инцесте, как говорилось ранее:

> [Сара] неподвижно лежала в ожидании какого-то объекта, падающего сверху на ее на голову. Этот объект иногда описывался как скалка, иногда как камень, а иногда как облако (Balint E., [1963], p. 42).

Является ли упоминание в этот момент брата бессознательной ассоциацией Балинт: может ли Балинт, аналитик, выступать в переносе Сары в роли брата, а не в роли матери? Вспомнив, что она чувствовала в шестилетнем возрасте, могла ли Сара представить себе пенис своего брата как скалку, его тяжесть как скалу, туманные сексуальные чувства как нисходящее облако?

> Во сне собака вышла из моря и укусила ее, а затем исчезла. Это напомнило ей о предыдущем сне, в котором птица напала на нее, ударила ее по голове и исчезла. Говоря об этом раннем сне, она сказала, что больше всего ее ранило то, что птица так и не вернулась, как будто ей был абсолютно все равно, она была равнодушна. Затем она вернулась ко сну с собакой и сказала, что, когда пес укусил ее, он забрал ее матку, но теперь она получила ее назад и могла чувствовать ее у себя внутри (Balint E., [1963], p. 46).

Собака выходит из моря, кусает ее и крадет ее матку, птица нападает на нее и рассекает ей голову: пространство для мыслей и для размножения равнозначны. Неделю спустя Саре снится, что она просыпается и видит, что ее потолок горит; во сне она бросается в комнату родителей, но они не приходят на помощь. Вместо этого приходит ее высокий брат и тушит огонь, советуя ей «никогда больше не трогать лампочку и не включать свет» (Balint E., [1963], p. 47). Затем Сара рассказывает о других снах, которые указывают ее терапевту, что она и ее «объекты» находятся в безопасности, если она пуста, но если она полна «чувств, побуждений, желаний», она может воспламениться. Давайте посмотрим на эти сны: хотя мужчина мо-

жет потушить огонь, он заберет то, что у нее внутри, опустошит ее и оставит ее пустой, приказав ей не трогать лампочку, как будто пожар был вызван ее опасными желаниями. Она также не должна включать свет и позволять кому-либо видеть, что происходит. Разве этот мужчина не ее брат, с которым она совершила инцест и которому она становится безразлична? Разве не напугана Сара тем, что она может возжелать его, поскольку сон свидетельствет о том, что она боится, что ее брат обвинит ее в инициировании инцеста, которого она может все еще хотеть, как показывает ее взрослое сексуальное поведение. Напуганная тем, что она хотела инцеста, который разрушил ее разум и тело, она остается в безопасности, когда она пуста и больна, когда за ней ухаживают люди, которые не считают себя отделенными от нее, а вместо этого предоставляют ей недостающую часть себя.

Когда я перефразирую историю и сны Сары, то мне кажется странным, что определяющая роль инцеста была проигнорирована. Однако ему не было места ни в клинической практике, ни в теории. Я полагаю, что если мы возьмем случай Сары как парадигму – конечно, на индивидуальном уровне это будут разные истории, – тогда новая психоаналитическая формулировка могла бы выглядеть следующим образом: ранние отношения между младенцем и родителем создают фундамент, появление другого ребенка или, как в случае с Сарой, признание старшего ребенка, приводит к необходимости разграничить сходство и различие, уравновесить любовь и ненависть, чтобы обрести свое место среди прочих в детской последовательности. Эти темы отражают аспекты первой мысли-вопроса: откуда появился еще один ребенок? Я считаю необходимым добавить к этому вопросу и другой: куда теперь мне идти? Если эта ситуация не разрешится более или менее удовлетворительно, то произойдет убийство Авеля или свершится запретная сексуальная связь, как у Сары и ее брата.

Предсказания будущего, каковыми являются терапевтические прогнозы, всегда сомнительны, и нам нужна реконструкция истории. Учитывая современную, изолированную

нуклеарную семью с ее матрицентризмом, неудачи матери Сары, возможно, обеспечили условия для инцеста, и очевидно, что эти неудачи затем проявились в жизни пациента. Реконструированная история использовала бы текущие симптомы и сны с их ассоциациями, чтобы выдвинуть гипотезу о ходе психического развития. Такая история кажется мне оправданной, начиная с инцеста, в котором в отношениях переноса аналитик может быть не матерью, а братом, без которого Сара пуста, который пробуждает ее желания и чувства, а затем опустошает ее и, вероятно, обвиняет ее – важные темы в материале Сары. Ее нынешний симптом – чувство небытия, когда она ощущает себя «чужаком в мире», – отражает сиблинговую проблематику.

Случай Сары иллюстрирует мое утверждение о том, что появление сиблинга – это травма для психики, которая организует допсихическую беспомощность новорожденного. Если сиблинговая травма не преодолевается, а вместо этого подкрепляется инцестом, тогда жертва продолжает жить, ощущая угрозу смерти или уничтожения еще непрочной личности. Мы можем предположить, что брат Сары передал ей свою сиблинговую проблему (возможно, неразрешимую из-за его страха перед насилием отца, мы ничего не знаем также о его старшем брате). Сара, как и Эмми в главе 2, была напугана до смерти, она лежала без сна ночь за ночью, боясь этого. Инцест будет содержать насилие, необходимое для выживания, и, даже если он не является насильственным, этот инцест вращается вокруг смерти самого себя. Элен в «Войне и мире» совершает самоубийство*, Кэтрин («Грозовой перевал») умирает при родах, а близняшка Рахель («Бог мелочей») видит свою смерть только в своих глазах, эта смерть не получает осуществления в травмирующем мире. В сиблинговом инцесте содержится смерть.

---

* То, что Элен Безухова в романе Л. Н. Толстого покончила с собой, – одна из возможных версий ее смерти. Дж. Митчелл отдает предпочтение именно этой версии. – *Прим. пер.*

Появление или ожидание сиблинга придает психический смысл самому раннему страху уничтожения, который угрожает ребенку, когда мать не присматривает за ним или не признает его кем-то одушевленным (первичный страх); это место сиблинга в отношениях как с доэдипальной, так и с эдипальной матерью. Мы можем себе представить, что брат Сары видел угрозу в рождении Сары, поэтому с первого момента ее существования он мог воплощать то, чего она боялась. К тому времени, когда ей исполняется шесть или семь лет, они становятся друзьями, так как она похожа на него, лазает по деревьям и становится сорванцом; сексуальность (влечение к жизни) присоединяется к непрекращающемуся ужасу и приводит к инцесту. Как показывает случай Сары, понимание переноса в виде материнского переноса (как это делается в обычной практике) и непризнание угрозы со стороны брата — это повторение проблемы Сары. Как и ее родители, мы, аналитики, не обратили внимания на инцест как таковой между братом и сестрой, между сестрой и братом, а это серьезный вопрос.

Мелани Кляйн заметила, что детская сексуальная игра между сиблингами или сверстниками является весьма распространенным явлением и продолжается в латентном периоде и в подростковом возрасте. Вполне вероятно, что инцест между Сарой и ее братом начался с подобной игры, когда Саре было около двух лет (кажется, это типичная модель). Поскольку Кляйн считает, что такая латеральная сексуальность связана с чувством вины и тревоги по отношению к родителю, она утверждает, что такое поведение может варьировать от разрушительного до полезного: оно может усиливать или смягчать чувство вины/тревоги. Другими словами, для Кляйн (как и для других авторов) вина и тревога не связаны с самими сиблинговыми отношениями:

> ...Хотя в некоторых случаях подобные ранние переживания могут причинить много вреда, в других они могут благоприятно повлиять на развитие ребенка. Помимо удовлетворения либидо ребенка и его стремления к сек-

> суальным знаниям, такие отношения выполняют важную функцию, уменьшая его чрезмерное чувство вины... тот факт, что его запрещенные фантазии, направленные на родителей, разделяются партнером, дает ему ощущение наличия союзника и, таким образом, значительно облегчает бремя его тревоги (Klein, [1932], p. 119).

Это может показаться довольно шокирующим замечанием, но отличается ли описанная ситуация от инцеста близнецов в романе Рой, если мы заменим «родителей» на «мир» и на умершую двоюродную сестру? Проблема возникает из-за упущения из виду автономности сиблинговых отношений, из-за чего *в этих* отношениях хронически игнорируются роль смерти субъекта, насилие и сексуализация вины. Утверждение Кляйн по поводу вины и тревоги в связи с родителями – это вариация убежденности Балинт в материнском признании, но ни один из этих авторов не уделяет достаточно внимания отношениям между сиблингами.

Глава 4

Взгляд со стороны: «Ребенка бьют»

> Илза в возрасте двенадцати лет и Герт в возрасте тринадцати с половиной лет время от времени совершали акты, похожие на половые, которые происходили довольно внезапно... Анализ обоих детей показал, что они имели сексуальные отношения друг с другом в самом раннем детстве... непреодолимое чувство вины породило навязчивый импульс в них обоих... и заставляло их повторять свои действия.
>
> *Мелани Кляйн.* «Сексуальная активность детей»

Как было отмечено в предыдущей главе, согласно теории Кляйн, вина, которую ребенок испытывает за свои деструктивные желания по отношению к родителю, может быть ослаблена за счет межсиблинговой сексуальной активности. Вина по отношению к родителям бессознательна и, следовательно, вызывает навязчивые действия. Однако в приведенной выше истории болезни Герт (но не Ильза) чувствовал сознательную вину за секс со своей сестрой, хотя после каждого такого случая он «забывал» происшедшее. Когда бессознательное чувство вины по отношению к родителям, вызывающее навязчивые симптомы, осознано и ослаблено, то это приводит к высвобождению способностей играть и иметь мастурбационные фантазии, а детская игра и сексуальные фантазии необходимы для творческой жизни. У Герта в течение длительного периода компульсивных сексуальных актов со своей сестрой отсутствовали какие-либо сознательные фантазии о мастурбации. Фантазия – это способ мышления. Можно сказать, что кровосмесительный акт заменил

мышление. Благодаря терапии психологическая вина со временем была смягчена, компульсивные действия перестали быть необходимыми, и у Герта смогла появиться фантазия о мастурбации; это была обнаженная девушка, и он видел ее тело, но не голову. Постепенно голова начинала проявляться и стала узнаваться как голова его сестры. «К тому времени, однако, – комментирует Кляйн, – навязчивые действия и его сексуальные отношения с сестрой полностью прекратились. *Это указывает на связь между чрезмерным вытеснением его желаний и фантазий по отношению к его сестре* и его навязчивыми импульсами к сексуальным отношениям с ней» (Klein, [1932], p. 118, курсив мой. – *Дж. М.*). Здесь Кляйн имеет в виду особый индивидуальный случай; однако, безусловно, что независимо от степени насилия, которое фантазируется по отношению к родителям, существует также автономное сексуальное желание по отношению к сиблингу.

Часто бывает трудно получить доступ к так называемой «основной» мастурбационной фантазии, но она очень важна: это сценарий, который показывает, как человек видит себя в мире; она не является статичной (как фантазия Герта, которая высвободилась в ходе терапии), она может трансформироваться под влиянием жизненных изменений. У нас нет достаточного материала относительно фантазий Герта и того, как они изменялись, чтобы сделать какие-то основательные предположения, но мы можем отметить, что отсутствие головы, безусловно, способствует неузнанности и в то же время является типичным символом кастрации, то есть, что более очевидно, ответным насилием: «Да, поплатился б Ирод головой»*, – говорит испуганная Клеопатра в пьесе «Антоний и Клеопатра» Шекспира. Изначально инициатором инцеста была Илза, а не Герт. Сестра и брат на протяжении всего их инцестуозного детства очень плохо ладили – боялся ли Герт Ильзы? Мы не знаем, но, если попробовать интерпретировать их отношения, это кажется вероятным.

---

* *Шекспир У.* «Антоний и Клеопатра» / Пер. М. А. Донского.

Мастурбационные фантазии очень индивидуальны, но часто они имеют узнаваемые общие черты. Содержание этих фантазий определено Фрейдом в названии работы «Ребенка бьют»[1] (Freud, [1919]). Оно имеет отношение к сиблингам. До сих пор не решено, была ли искоренена эта фантазия под влиянием изменившихся социальных практик. Напротив, вполне возможно, что эта фантазия настолько распространена, что ее просто не замечают, как вначале думал Фрейд, наблюдая и анализируя ее в 1919 году, и как потом считала Анна Фрейд в 1923 году, дополняя теорию своего отца (Freud A., 1923). Мой собственный клинический опыт и необходимость логического осмысления бессознательных процессов подводят к мысли, что какой-то вариант этой фантазии или ее воплощения может иметь место в жизни каждого на определенном этапе. Это утверждение в настоящее время опирается на признание универсальной психической (а также, разумеется, социальной) важности сиблинговых отношений.

Я сделаю несколько вступительных замечаний относительно анализа этой фантазии, проделанного З. Фрейдом и А. Фрейд, затем приведу клинический пример из моей собственной практики конца XX века, а в заключение выстрою связь между случаями, с которыми работал Фрейд, и моей клинической работой. Мне хочется надеяться, что это даст толчок к разработке такой психоаналитической парадигмы, которая учитывает сиблинговые отношения, а также латеральные отношения в целом.

Фантазия — это история, которая может сопровождать или не сопровождать физическую мастурбацию; кульминационный момент такой фантазии обычно сопровождается оргазмом. Она демонстрирует, как нарциссические и латеральные объектные отношения используются для служения эротическому Я. Фрейд считал, что его эссе помогает понять извращение. Сам по себе этот факт интересен тем, что «избиение ребенка» является обычной фантазией женщин, и женщины часто воспринимаются как невротики, а мужчины — как извращенцы. Предполагается, что женский невроз и мужское

извращение являются двумя сторонами одной медали, однако в этом эссе исследуется женское извращение. Если мы будем иметь в виду сиблингов, которые, как я утверждаю, подразумеваются в этой фантазии о мастурбации, мы увидим, что ни неврозы, ни извращения, по сути, не являются гендерно специфическими.

В своей статье «Ребенка бьют» Фрейд приводит шесть случаев, четыре – с женщинами и два – с мужчинами. Он упоминает, что наблюдал еще много подобных случаев, но эти шесть были тщательно исследованы. Двое из шести упомянутых пациентов, очевидно, обсессивны; третий проявляет некоторые обсессивные черты; пятый страдает от крайней нерешительности, но без какого-либо психиатрического диагноза; шестой упоминается, а затем Фрейд его игнорирует, хотя отмечает, что очень много думал об этом пациенте, и, возможно, этот пациент – его младшая дочь Анна Фрейд, которую, он, каким бы невероятным это ни казалось сегодня, анализировал незадолго до написания эссе. Я хочу обратить внимание на диагноз четвертого пациента. О нем Фрейд пишет: «Четвертый случай, однако, был чистейшей истерией с болями и торможением» (Freud, [1919], p. 183).

Таким образом, наш диапазон упомянутых Фрейдом случаев варьирует от «крайне тяжелого, опасного для жизни невроза навязчивых состояний» и истерии до нерешительности, которая близка к «нормальной» и, вероятно, «идеальной» нормальности – у Анны Фрейд! Фрейд пишет в первом абзаце:

> Поразительно, как часто люди, которые обращаются за аналитическим лечением в связи со своей истерией или неврозом навязчивых состояний, признаются, что они предавались фантазии об «избиении ребенка». Весьма вероятно, что еще чаще такие фантазии возникают у гораздо большего числа людей, которые были не настолько больны, чтобы прийти в анализ (Freud, [1919], p. 179).

Я полагаю, что во всех случаях, варьирующихся от тяжелой формы невроза навязчивых состояний до нормальнос-

ти или почти нормальности, мы имеем дело с истерией. Эта истерия напоминает, например, невроз навязчивых состояний у мужчин и представляет собой психопатологию обыденной жизни, которая при определенных обстоятельствах может превратиться в яркую форму истерии. Фрейд объяснил истерию, лежащую в основе невроза навязчивых состояний в случае с Вольфсманном. Его фобия – это тревожная истерия, но его кишечник нес бремя конверсионных симптомов, что указывает на лежащую в основе навязчивости конверсионную истерию: «Наконец я понял, какое значение нарушение кишечника могло иметь для моих целей; оно представляло собой ту долю истерии, которая всегда лежит в основе невроза навязчивости» (Freud, [1918], p. 75). Причина, по которой я об этом говорю, состоит в том, что, поскольку все мы являемся потенциальными истериками, скрытая истерия делает вероятным наличие у каждого центральной мастурбационной фантазии.

На одном конце шкалы располагаются патологические категории Фрейда, на другом –нормальные истории, которые, например, приведены в первой опубликованной психоаналитической статье Анны Фрейд, где она описывает случай подростка-мечтателя (почти наверняка себя) (Young-Bruehl, 1988). В этом случае художественная надстройка грез «пациента» никогда не вступала в конфликт с реальностью; таким образом, технически он должен относиться к невротическому типу. В этих случаях, по моему мнению, присутствует то, что я буду называть «истерическим потенциалом». Очень «приятные истории», которые описывает Анна Фрейд, могут либо найти выражение в искусстве (сублимация), либо защитить от чего-то другого, что пытается незаконно проникнуть в сознание. Однако вопреки мнению Анны Фрейд я предполагаю, что навязчивость желания рассказывать истории указывает на наличие невротического симптома. Как Герт и Илза не могли прекратить свои сексуальные контакты, возможно, точно так же и Анна О. (Freud, [1895]), и Анна Фрейд не могли прекратить рассказывать истории. На мой взгляд, здесь

имеет место не *сублимация в подлинное творчество* (как происходящее с Анной Фрейд могло бы выглядеть с точки зрения Кляйн), а процесс расщепления, для которого характерна бифуркация: фантазии об избиении полностью вытесняются и становятся бессознательными, в то время как незаконные желания, лежащие в их основе, не столько сублимируются в искусстве, сколько конвертируются в «приятные истории», фантазии, в которых только на первый взгляд речь идет о заботе и любви.

Такое рассказывание историй получило название «боваризма» в честь героини Флобера Эммы Бовари. Рассказывание историй, в которых рассказчик воспроизводит события, произошедшие в его воображении, является вербальным эквивалентом соматического конверсионного симптома, при котором физическая болезнь демонстрирует психические желания. Парадоксально, но сублимация возможна только при условии отказа от этих историй. Здесь я имею в виду не то, что истории следует забыть, а то, что необходимо распознать и отказаться от воображаемого исполнения желаний, чтобы эти истории не удовлетворяли желание, когда их автор сам становится героем или принцессой, а служили бы цели выражения этих желаний, которые не будут реализованы: персонаж, *но не автор* может быть героическим, богатым или красивым. Навязчивое стихосложение, которое когда-то назвали «словесным поносом», а теперь известно как «хренотень», беллетристика, порнография и «приятные» истории, — во всех этих случаях слова используются, чтобы получить удовлетворение, сходное с сексуальным. Автор в них — единственный герой, Его Величество Младенец во многих обличьях. Автор не знает, что в мире есть другие люди. Когда пациент превращает фантазии своей болезни в письменные истории своего исцеления, как это делала Анна О., первая психоаналитическая пациентка, через ее отказ от чего-то, она оказывается на пути к сублимации, что позволяет ей оплакивать потерю уникального Я.

Всегда ли условием для написания истории является потеря? Потеря является необходимым условием для репрезента-

ции. Тем не менее кажется, что существует такой тип письма, который избегает этого. В том, что мы могли бы назвать «написание как презентация», слова не служат целям репрезентации, а существуют сами по себе. Это тот тип повествования, письменный или устный, на который, я думаю, ссылалась Анна Фрейд. На мой взгляд, это не сублимация, которая подразумевает потерю. Конкретное шизофреническое мышление таким образом использует устное слово. Я полагаю, что в «школярском» истерическом письмотворчестве используются слова, как если бы одна сторона метафорического уравнения была представлением самой вещи. В стихотворении Энн Секстон о языке, где «слова похожи на монеты... хотя, скорее, на роящихся пчел» (Sexton, [1962]), мы ощущаем это удовольствие от того, как слова высыпаются, подобно монетам в лоток игрового автомата, что в точности характеризует красноречивую «хренотень», слова ради слов; слова не являются частью структурированного языка, а скорее образами – денег и пчел. С одной стороны, имеет место воображаемое исполнение желаний или фантазии, а с другой – «символизированное» письмо, и, конечно же, сочетание и того, и другого.

Здесь нам на помощь приходит Флобер. Как известно, о своей героине Эмме Бовари он сказал: «Эмма Бовари – это я!». Будучи истериком, Флобер изучал клинические случаи истерии. Я полагаю, что он вложил свои истерические черты в свою героиню, но при этом «потерял» их, потерял то приятное, что они с собой приносили, как, например, возможность всегда быть в центре внимания посредством драматизации своих кризисов. Когда они были потеряны, он смог репрезентировать их в романе, который был сублимацией, а не реализацией его стремлений к грандиозности.

Любая мастурбационная фантазия – это история, которая, прежде всего, сама по себе является удовлетворением желаний, поэтому Фрейд рассматривает ее как извращение. Это извращение, потому что обычно реальный акт, то есть акт физической мастурбации, сопровождающий историю, сам по себе является истерической фантазией. Однако здесь

есть определенная гендерная путаница. Часто утверждается, что после периода раннего детства девочки мастурбируют меньше, чем мальчики. Я считаю, что под влиянием социальных норм девочки реже стимулируют гениталии руками (Laufer, 1989), они обычно мастурбируют посредством сновидений и фантазий, которые являются историями о «действиях». Если в качестве образца мы возьмем девочку, а не мальчика, то мы увидим, что главная характеристика «боваризма», мечтательных историй, заключается в том, что они полны действия: это либо рассказы о безрассудстве героя, либо о завоеваниях героини. В противоположность этому интересно будет обратить внимание на то, чем принципиально отличается «сублимированное», или «символическое» письмо, как я его называю. Писатель сталкивается с определенными блоками и всепоглощающей тревогой, переживает огромное удовольствие и, самое интересное, при письме он может обнаружить идеи и знания, о которых не знал и не имел никакого представления. Я полагаю, что потеря «воображаемого исполнения желаний» ведет к вытеснению, а с вытеснением желания исчезает и любопытство, которое, казалось, было под запретом. Сублимированное желание позволяет вернуть это бессознательное любопытство и вместе с тем его неизведанные открытия.

Понимаемая как истерическая, независимо от доминирующего психического состояния фантазера, фантазия «ребенка бьют» иллюстрирует мое более раннее утверждение (Mitchell, 2000a) о том, что истерия, как говорят, «исчезла» только потому, что теория и клиническая практика сегодня игнорируют латеральные отношения братьев и сестер и их заместителей, сверстников и свойственников. Без этих латеральных отношений мы не можем понять или даже обнаружить истерию. Для того, чтобы увидеть в сиблингах нечто большее, чем просто описательную категорию, необходимо дополнить теорию и практику, внести в них соответствующие изменения. Такой взгляд позволит вернуть человеческий потенциал истерии в фокус внимания.

Если, как я утверждаю, эта широко распространенная фантазия об избиении является показателем всеобщей склонности к истерии и психической важности братьев и сестер, то каково ее содержание? Согласно Фрейду, первая фаза фантазии битья у девочек содержит сцену избиения другого ребенка, обычно брата. Потом возникает сцена, где избивают девочку; эта сцена является необходимой гипотезой: на самом деле она настолько бессознательна, что к ней нет доступа, она представляет собой аналитическую конструкцию, базирующуюся на анализе ассоциаций пациента. Третья стадия, которая завершается оргазмом, связана с фантазией о том, как неопределенная и незнакомая девочка наблюдает за множеством неопределенных и незнакомых детей, которых избивает отец или, что более вероятно, учитель, который, как считает Фрейд, может быть заменителем отца. Я полагаю, что неопределенность указывает как на приближающуюся физическую оргазмическую кульминацию, так и на вытеснение идей об инцестуозных и нарциссических объектах любви.

У мальчиков подобная фантазия выражается во множестве вариаций: фантазирующий мальчик заменяет фигуру отца фигурой матери. Но более интересной, с моей точки зрения, является вторая фаза. Что касается девочки, то избивают именно ее, но эта стадия является настолько бессознательной, что ее невозможно поднять на сознательный уровень, кроме как в качестве гипотезы, необходимой для остальной части материала. Мальчики, напротив, прекрасно понимают, что избивают именно их. Я вернусь к этому гендерному расхождению позже.

Фрейд и последующие аналитики объясняют эту фантазию об избиении соперничеством ребенка с сиблингами за исключительную любовь родителя противоположного пола. Стыд и вина, испытываемые фантазирующим ребенком, объясняются тем, что фантазия позволяет реализовать эдипальные желания: субъект хочет, чтобы наказали другого ребенка, а любили его одного. Я полагаю, что подобная интерпретация отодвигает сиблинговую проблематику на второй план в поль-

зу исключительного значения эдипальных желаний в отношении родителей. Когда начальная точка координат во всех случаях задается по родительской оси, это может иметь тревожные последствия. Например, я не верю, что единственной целью людей, использующих интернет для проживания опыта насилия и сексуального опыта, которые часто кажутся разновидностями мастурбационных фантазий, является борьба за внимание отцовской или материнкой фигуры.

У одной из моих пациенток, г-жи X, воображение следовало настолько извилистым путям, что часто она просила, чтобы мы вместе разглядывали порнографические картинки. Первоначально г-жа X пришла на анализ, демонстрируя значительное сопротивление и нежелание. Она осознала необходимость неотложной помощи, но явно была поглощена своим образом жизни. Она находилась на первом триместре беременности после того, как в течение многих лет либо не могла забеременеть, либо, если и зачинала, то не могла выносить ребенка. Когда она упомянула о своей фантазии об избиении, я сначала подумала, что она рассказала мне это из желания соответствовать аналитической модальности. Она была знакома с психоаналитической литературой, и эта тема казалась подходящей для аналитического «признания». Поскольку я не придала должного значения этой фантазии, то только после того, как она завершила анализ, я смогла установить определенные связи и прийти к выводу, что упустила из виду важность этой фантазии и сиблинговых отношений, содержащихся в ней. Я привожу случай г-жи X для иллюстрации моего тезиса после ретроспективного переосмысления клинического материала.

В фантазии г-жи X третий, или поверхностный уровень приятной мастурбационной фантазии содержал сцену того, как г-жа X наблюдала за неопределенным андрогинным ребенком, которого избивал неопределенный мужчина; таким образом, это полностью совпадало с наблюдениями Фрейда о том, что на этом этапе люди в фантазии представали в расплывчатом виде. Г-жа X была миниатюрной и довольно при-

влекательной, но явно андрогинной, похожей на Питера Пэна. В ее ассоциациях относительно мужской фигуры в фантазии об избиении этот мужчина был ее любовником или возможным вторым мужем, за которого она выйдет замуж после предполагаемой смерти ее нынешнего супруга. Как и в случае Фрейда, вторая фаза характеризовалась отсутствием осознания того, что именно г-жа X была избиваемым ребенком; но мы вернулись к первой фазе, где ребенок явно был ее младшим братом.

На самом деле г-жа X не вспомнила, что эта фантазия об избиении, которая доминировала в поздние юношеские и взрослые годы, была ее детской фантазией. Во время анализа в ее сознание вернулись яркие, точные, связные воспоминания, которые отсутствовали до того момента, как она начала высказывать ассоциации относительно этой постоянной, навязчивой фантазии об избиении. Вместо или параллельно с этой фантазией, которой было не пробиться в сознание, она вспоминала реальные сцены и поступки из своего детства. Это казалось настолько важным, что для нас обоих показалось почти невероятным, что она смогла полностью забыть их, но, очевидно, что это произошло, и этот факт иллюстрирует тем самым критически важную истерическую амнезию.

Почти сразу после рождения брата, когда ей было уже шесть лет, г-жа X заболела полиомиелитом и была госпитализирована. Она выздоровела без заметных осложнений. Она вспомнила некоторые забытые моменты: как медсестры шлепали детей в палате, куда ее поместили, а также восхищение и напряжение, которые она при этом испытывала. Она вспомнила, что незадолго до рождения брата и ее болезни, она, вероятно, сильно озабоченная беременностью своей матери, довольно осознанно и тщательно исследовала свое влагалище и продолжала помещать в него свою руку и играть с вагиной. Затем она вспомнила, как соблазнила своего брата, когда ему было около двух лет, а ей было восемь или девять. Она заставила его поиграть с ней в постели их родителей и отчетливо вспомнила свое генитальное возбуждение, когда она застави-

ла его потереть свой член о ее гениталии. Примерно в то же время она рассказывала ему о своем непреодолимом желании ударить его, как будто он был ее собственным непослушным ребенком. Она думала, что ее агрессия по отношению к нему была довольно сильной и вызывала у их матери заметное беспокойство. Во время одной из аналитических сессий, когда она говорила о насилии по отношению к брату, она упомянула случай, когда она разбила ему губу, бросив в него теннисную ракетку, когда усердно разыскивала его «задний проход». Начиная с момента госпитализации и вплоть до начала анализа простейшая мысль о том, что взрослые избивают своих детей, приводила ее в волнение и смятение и уже не отпускала.

Когда г-же Х исполнилось одиннадцать, ее родители развелись и вступили в повторные браки. Г-жа Х и ее брат остались с матерью, и у них появился младший сводный брат. Г-жа Х никогда не воспринимала своего отчима как имеющего к ней какое-либо отношение. Но отношение миссис Х к ее собственному, теперь в некоторой степени отсутствующему биологическому отцу стало очень кокетливым, и она сама воспринимала своего отца как мучительно сексуального и отвергающего. Теперь фигуры родителей заметно выделялись: г-жа Х явно чувствовала, что победила в состязании за внимание отца, сексуализация отношений с ним явно была одним из способов, к которому она уже прибегала в отношениях с братом, чего он избегал. В случае г-жи Х это было истерическим проявлением эдипова комплекса.

В раннем подростковом возрасте г-жа Х снова серьезно заболела. Хотя она была снова госпитализирована, природа заболевания оставалось невыясненной, потому что все его проявления были удивительно похожи на полиомиелит. Однако, поскольку она уже болела им, доктора решили, что это не может быть полиомиелит, так как им невозможно переболеть дважды. Г-жа Х вспоминала, что, когда она выздоровела после второй серьезной болезни, по пути в школу она должна была отводить своего младшего сводного брата в детский сад. Она помнила, как всю дорогу терроризировала его ужас-

ными историями. Он вырос нервным и подавленным молодым человеком, в связи с чем, как теперь вспоминала г-жа X, она всегда чувствовала вину. Однако только в ходе анализа ей пришло в голову, что она, возможно, послужила главной причиной того, что жизнь ее родного брата также сложилась не лучшим образом: он вырос необычайно пассивным, страдал от ночных кошмаров и имел ряд тяжелых фобий во взрослой жизни. Когда он женился, она чувствовала, что их отношениям пришел конец. Вплоть до этого момента она была убеждена, что всегда обожала его, а он ее.

Рассказ г-жи X о детстве напомнил мне сестру Вольфсманна. У него были фантазии об избиении: были ли подобные фантазии у его сестры до ее самоубийства или ее жестокие сексуальные желания находили воплощение в реальности? Мои ассоциации с сестрой Вольфсманна, о которой я упоминала несколько раз в этих главах, впервые возникли в ходе анализа г-жи X. Это сигнализировало о моем страхе в отношении того, что в г-же X было что-то суицидальное, хотя это не проявлялось каким-либо очевидным образом; это было больше похоже на эманацию влечения к смерти, стремление этой энергичной молодой женщины к смертельному бездействию, конечной пассивности, которая также является признаком истерии. Были ли суицидальные склонности г-жи X смещены в ее мертвых детей или скорее, являлись ли ее бессознательное самоубийство и бездетность аспектами ее сиблинговой дилеммы?

Мы обнаружили, что неспособность г-жи X забеременеть или выносить ребенка является следствием аборта явно желанного ребенка в первый год ее брака. Она была настолько убеждена, что ребенок был ужасно деформирован, что врачи не смогли ее успокоить и, наконец, согласились на прерывание беременности. Она так и не узнала, было ли что-то не так с плодом, она удовлетворила свою потребность избавиться от этого воображаемого монстра. Стало ясно, что сделав аборт, г-жа X, не могла забеременеть и выносить потому, что не смогла избавиться от страха, что любой ее ребенок будет ее бра-

том. Даже во взрослом возрасте г-жа Х ловила себя на тревоге, чтобы ее брат сам не стал убийцей, совершившим сексуальное преступление, то есть кем-то, как она выразилась, с «извращенным умом».

Случилось так, что ее собственное сексуально окрашенное убийственное желание по отношению к брату как к ребенку преследовало ее в этих вспышках проецируемой ярости, когда она вкладывала в него свою убийственную сущность. Воображаемое ею насилие «деформировало» его. Вспышки ярости не обязательно переживаются как преследование, поскольку она не была их объектом. Скорее это был вопрос путаницы и проекции, которые позже повторялись в отношениях с рядом ее возлюбленных. Соперничество, гнев и насилие по отношению к брату в раннем возрасте убедили ее в том, что ее собственный ребенок будет деформирован и что ее роль будет разрушительной для него. В том, что она не могла родить и сделала аборт, она видела скорее защитные, а не разрушительные меры. Она спасала ребенка от себя. Не будет ребенка, которому она сможет причинить вред. Кроме того, г-жа Х осознала тот факт, что дети не могут иметь детей только на реалистическом, а не на символическом уровне. Она выглядела и чувствовала себя ребенком, потому что у нее не было внутренне осмысленного знания о том, что взрослых и детей отличает способность к размножению.

Когда в конце концов она родила мальчика, радость г-жи Х от появления ребенка была настолько велика, что ей было трудно распознать какой-либо негатив или даже возможность двойственного отношения. Для нее он был, по крайней мере на начальном этапе, прекрасным нарциссическим расширением. Это был положительный, а не отрицательный нарциссизм, и, как и многие первенцы, ее сын изначально только выигрывал от такого обожания. Проблемы начнутся позже, когда он станет более сепарированным и когда на свет выйдут отрицательные стороны всех идеализаций. Такого рода нарциссизм всегда понимался в психоаналитической теории в контексте «вертикального» кастрационного комплекса, когда

мать, наконец, получает в своем ребенке тот фаллос, которым она всегда хотела обладать. Я бы сказала, что в этом есть и нечто «латеральное». Для г-жи Х ее сын был ее младшим братом, по отношению к которому она смогла превратить свою ненависть в любовь. Таким образом, она испытывала к нему любовь не только потому, что он был тем, чего она всегда хотела (подобно фаллосу, который нужно было иметь, чтобы чувствовать себя целостной), он был также ее копией, «таким же», как она, товарищем по играм. Превращение ненависти в любовь не самая безопасная практика, поскольку любовь может запросто снова превратиться в ненависть.

С рождением сына ее мастурбационные фантазии прекратились, она могла вспомнить о них, но они были лишены сексуального заряда, а потому были бесполезны. Что было первым: отказ от фантазий, который открыл возможность для рождения, или рождение, которое положило конец фантазиям? Со времен древних греков до начала XX века роды рекомендовались как лекарство от истерии. Тревожный вопрос, который мы могли бы здесь задать, касается того, что происходит с фантазиями. Если они не сублимированы, могут ли они быть отыграны? Может ли это лежать в основе распространенности телесных наказаний детей, а в худшем случае, неспровоцированного физического насилия?

Я хотела бы теоретически осмыслить случай г-жи Х. На первой фазе мастурбационной фантазии об избиении у г-жи Х, как и у пациентов Фрейда, существовало убеждение, что «фантазирующий ребенок никогда не выступает избиваемым, что это, как правило, какой-то другой ребенок, чаще всего – брат или сестра, если таковые имеются» (Freud, [1919], p. 184–185). Ребенок может быть любого пола, это не имеет значения. Как заметил Фрейд, трудно понять, представляет ли первая фаза автономную фантазию или же является реакцией на некоторые конкретные события и некоторые конкретные желания. Так было в случае г-жи Х, когда она оказалась госпитализирована в раннем возрасте. Когда медперсонал шлепал детей, это волновало и шокировало ее, хотя в то вре-

мя она, вероятно, нуждалась в самоуспокоении, поскольку находилась в изоляции и ее нельзя было навещать. Мастурбация как средство утешения вполне могла вызвать привыкание на этом этапе ее истории. Этот опыт наблюдения за избиением других детей в мельчайших деталях соответствовал описаниям Фрейда. Например, как и в случае его пациентов, реальное избиение детей было для нее недопустимым, и у нее дома телесные наказания не применялись. Появление фантазии можно отследить до событий, произошедших на шестой или седьмой год ее жизни. Это тот возраст, который Альфред Бине еще до расцвета психоанализа обозначил как возраст зарождения фантазии.

Однако есть некоторые различия между моим пониманием случая г-жи X и теорией Фрейда. Фрейд говорит, что фантазии были изолированным анклавом, а не неотъемлемой частью более широкого невроза. На первый взгляд, это выглядело так же и для фантазии г-жи X. Однако, на самом деле, я думаю, напротив, фантазия составляла часть ее истерии — ту часть, которая возникла в результате борьбы за выживание, разворачивавшейся между братом и сестрой[2]. Фрейд упустил из рассмотрения эту связь фантазии с неврозом, потому что в его теории не отведено места сиблинговым отношениям — заметное упущение для 1919 года, когда он анализировал Анну, «самую младшую и последнюю» из его шести детей, его Анну — Антигону, как он называл ее!

На второй, глубоко бессознательной, но решающей фазе фантазии, которую реконструирует Фрейд, избиваемым является сам фантазирующий ребенок. Здесь г-жа X поведала нечто, что оказалось незамеченным Фрейдом. Ей было непросто, но она рассказала, что неоднократно изменяла своему супругу и что мужчины, с которыми она встречалась, избивали ее, и это составляло необходимую прелюдию к половому акту. Я полагаю, что такое отыгрывание избавило ее от необходимости фантазировать, таким образом действие заменяло «бессознательное». Я также предполагаю, что именно по этой причине у мужчин все фазы фантазии могут быть

осознанными. Извращение, то есть фактическое избиение, – это оборотная сторона истерии. Мы все еще слишком редко наблюдаем извращение у женщин и истерию у мужчин. Г-жа X отыгрывала извращенное поведение вместо того, чтобы поддерживать истерическую фантазию. Фрейд пишет:

> Вторая фаза [у девочек] – самая важная и самая знаменательная из всех. Но о ней в известном смысле можно сказать, что она никогда не существовала в реальности. О ней не вспоминают, ей не удается пробиться к осознанию. Она представляет собой аналитическую конструкцию, но это не делает ее менее необходимой (Freud, [1919], p. 185).

И тем не менее:

> Фантазия второй фазы, в которой самого фантазирующего ребенка избивает отец, остается, как правило, бессознательной, по-видимому, вследствие интенсивности вытеснения. Я, однако, не нахожу объяснений тому, почему в одном из шести моих случаев (это был мужчина) существовало сознательное воспоминание о ней (ibid., p. 189).

В связи с этим:

> ...Эта фантазия, в которой мальчик сам оказывался избиваемым, отличалась от фантазии второй фазы у девочек тем, что она могла стать осознанной (ibid., p. 196).

У г-жи X вторая фаза подразумевала действие, по крайней мере, во взрослой жизни, когда ее избивали: она отыгрывала ее как извращение, поэтому не имело бы значения, была ли эта фантазия сознательной или бессознательной. Интересно, были ли у г-жи X эпизоды отыгрывания со сверстниками в латентном и юношеском периодах?

Осознавая эту вторую фазу фантазии, мужчины признают, что в ней их всегда избивает женщина; кроме того, «они неизменно ставят себя на место женщины» (ibid., p. 197). Фрейд не говорит, что мужчина воображает себя женщиной, а толь-

ко то, что он играет эту роль. Мы должны понять это как его пассивность. Я полагаю, что избиваемый человек в этой фантазии расплывчат и андрогинен. Г-жа X утверждает это; пациент мужского пола осознает это. Из-за неосведомленности о женском извращении отыгрывание не рассматривалось в связке с фантазией. Факт разыгрывания г-жой X своих фантазий в реальной жизни, вероятно, может быть связан с распространенным предположением, что женщины «просят» их изнасиловать – одно из самых ужасных женоненавистнических утверждений в мире. Тот факт, что женщины или мужчины имеют определенные фантазии, совершенно не указывает на то, как к ним следует относиться.

Если в случае мальчика вторая фаза становится сознательной из-за того, что он бессознательно или преднамеренно занял место женщины, то в случае девочки то же происходит на третьей фазе, потому что она фантазирует, что ее избивают как мальчика (или нескольких мальчиков); поскольку она не мальчик, она не может разыграть это в полной мере (так г-жа X отыгрывает вторую фазу, когда ее избивают любовники), она может только мечтать об этом. Гендерно правдоподобное отыгрывание заменяет бессознательные процессы и, следовательно, осознавать становится нечего. Отыгрывание, при котором знание о сексуальных различиях либо опровергается, либо вытесняется, оставляет этот материал бессознательным, но недоступным в первом случае или бессознательной фантазией во втором: на осознанной второй фазе мальчик, которого избивают, воображает себя женщиной; на третьей сознательной фазе избиваемая девочка воображает, что она мальчик. Третья фаза у девочек соответствует второй фазе у мальчиков.

У двух из четырех женщин в описываемых Фрейдом случаях фантазии обладали сложной структурой, скрывавшей сначала фантазии об избиении. Мадам Бовари (и, вероятно, Флобер: «Эмма Бовари – это я»), сестры Бронте, Анна О., Анна Фрейд, Эрна (пациентка Кляйн) – все это известные примеры широко распространенной истерической тенденции к развитию такого рода фантазий. Поскольку г-жа X была занята

отыгрыванием фантазий, она не могла перевести их в истории. Резюмируя сказанное, следует отметить, что и в случае г-жи X, и в случае пациенток Фрейда мы имеем дело с сознательной фантазией, в которой заместитель отца избивает нескольких мальчиков. Эта фантазия никогда не возникает до пятилетнего возраста. Фантазирующая девочка выступает в роли этих мальчиков. За этим стоит фантазия, в которой отец избивает самого фантазирующего ребенка. Этот этап представляет собой реконструкцию фантазии, к которой невозможно пробиться. За этим стоит первый уровень (вероятно, реальный), на котором родного брата избивает фигура отца, а фантазирующая девочка наблюдает за этим. Эта фаза почти наверняка связана с каким-то реальным событием. Здесь пол субъекта или объекта представляется неважным. Эта первая фаза может достичь сознания, но она представляется несущественной. Однако, если она в действительности относится к реальному происшествию, то это указывает на то, что это событие не было обработано психически, а запертое либидо потенциально патогенно.

Теперь я кратко остановлюсь на мальчике с фантазиями об избиении. Хотя я сталкивалась с этим в собственной клинической практике, но никогда не обращала на это внимания. Однако теперь я считаю, что это важно, и потому в качестве иллюстрации возьму случай Вольфсманна. Упомяну одного моего пациента, г-на Y, поскольку, хотя его фантазия не была полностью проанализирована, его случай поднимает важные вопросы. Согласно Фрейду, у мальчика первая сознательная фаза, которая приводит к успешной мастурбации, выглядит как «меня избивает моя мать». Тем не менее она принимает сценарную форму, согласной которой субъект представлен рядом неизвестных мальчиков. Это продолжается вплоть до второй фазы, которая может быть сознательной, когда мать избивает самого фантазирующего ребенка, а не других мальчиков. Глубоко *бессознательная* фаза, которую можно реконструировать как: «Меня избивает мой *отец*». Фрейд не смог обнаружить у мальчиков садистскую фазу, эквивалентную

первой фазе у девочек, когда избиваемым является брат, хотя он предположил, что не исключает ее существования, ее отсутствие скорее связано с выборкой, а не с закономерностью.

Сценарий, лежащий в основе теоретических выводов Фрейда, базируется на этой недоступной сознанию фантазии второй фазы у девочек и бессознательной фантазии у мальчиков, то есть мазохистской фантазии об избиении *отцом* в обоих случаях. Я попробую осмыслить возбуждение девочек при избиении сиблинга или его заместителя и очевидное отсутствие этой стадии у мальчиков, проанализировав случай г-на Y, а затем – Вольфсманна.

Случай г-на Y высвечивает вопросы, поднятые Фрейдом в его эссе. Фрейд отметил, что трудно, но крайне необходимо преодолеть настойчивую фантазию мужчины, что его избивает мать, чтобы подойти к более важному элементу фантазии, когда тем, кто бьет, оказывается отец. В работе с г-ом Y я столкнулась с той же проблемой, с которой сталкивался Фрейд в работе с истерическими пациентками на этапе до развития психоанализа: фантазия г-на Y имела все признаки реальности. Важно помнить, что во многих социальных группах и межкультурных ситуациях, а также в разные исторические периоды избиение сына отцом являлось обычной практикой воспитания. Именно так г-н Y представил свою фантазию – как правдивую и весьма правдоподобную версию того, что с ним происходило. Та частота, с которой он прибегал к лживым фантазиям, делала почти невозможным уличить лжеца во лжи[3]. Он описывал свое наказание в подробностях, которые выглядели правдоподобными и похожими на реальное происшествие. Однако тот факт, что он *повторял* эти подробности, насторожил меня и позволил предположить, что он, как и пациенты Фрейда, происходил из семьи, в которой телесные наказания не применялись.

Возможно, один реальный случай все же имел место. Существовало воспоминание об одном из таких случаев, оно живо изображало ситуацию детства и относилось к экранной памяти – памяти, которая хранит то, что имеет значение, факт

или вымысел. Навязчивое состояние было связано с избиением самого г-на Y, но главное, что его отец бил его, чтобы доставить удовольствие матери. На этом уровне фантазия была эдипальной. Но был второй аспект, связанный с тем, что его избивали из-за ссоры с его сводной сестрой. Таким образом, отец флиртовал с женой, отдавая предпочтение ее дочери и избивая собственного сына за ссору. За этим скрывался тот факт, что г-на Y привлекала его сводная сестра, одного с ним возраста, отношения с которой были для него конкурентными и эротически заряженными. Желания, связанные с реальными ситуациями, которые не могут быть психически обработаны, вытесняются. Итак, в данном случае имела место тщательно продуманная, весьма правдоподобная, но повторяющаяся фантазия или реальная сцена, от которой г-н Y не мог отказаться, что было бы возможно, если бы это было реальностью. Другими словами, кроме патологической лжи, г-н Y, как и «Дора» Фрейда, страдал от «сверхценных мыслей». Эту реальность нельзя было отбросить как нечто, что произошло в прошлом, потому что она была наделена сексуальной выгодой. Наличие фантазии об избиении, которая использует прошлые события, предполагает, что эти прошлые события имеют значение в настоящем – они по-прежнему возбуждают.

Г-н Y был озабочен тем, чтоб славить свои и унижать чужие фекалии. Его также навязчиво привлекали, одновременно восхищая и отталкивая, некоторые разновидности лягушек, которые взращивали и производили головастиков под кожей. Желание, чтобы это произошло с ним, чтобы он мог родить партеногенетическим способом, в свою очередь, было связано с фобической реакцией на все, что могло «попасть под его кожу». Соответственно, в его отношениях со мной не было места для переноса, так как ему нужно было встать на мое место и проникнуть под мою кожу. В качестве модели явно выступала его мать, партеногенетическая мать, или он сам как ребенок партеногенетического происхождения, или тот, кто производит на свет воображаемых детей анальным путем, или результат совмещения обоих этих вариантов.

Здесь также присутствовали сиблинги или страх перед сиблингами. Для обоих родителей это был повторный брак. Г-н Y был их единственным общим ребенком. Когда ему было шесть лет, мать родила мертвого ребенка, возможно, случались и выкидыши. В латеральных отношениях с друзьями и с женой он, казалось, не признавал их в качестве других людей; они выступали заместителями утраченных братьев и сестер. Как таковые, еще не родившиеся, они были его копией. В воображении маленького ребенка новый ребенок предстает еще «одним таким же, как он». Очевидный мазохизм фантазии об избиении можно рассматривать как садистскую атаку на этих двойников. Можно было бы развивать это наблюдение, но, поскольку я не смогла продолжить анализ с г-ном Y, это может относиться только к области догадок. Можно предположить, что «основа реальности» для мальчиков и девочек будет отличаться ввиду их разной социальной практики: девочки с большей вероятностью увидят, как избивают мальчика, как мальчик переживает опыт избиения. Но фантазия может основываться, как и в случае г-на Y, и на *отсутствии* этой реальности. В его случае это было двойное отсутствие: мертвые братья и сестры, неприменение телесного наказания дома: экранная (детская) память о его избиении отцом может быть или не быть реальным фактом. Однако в школах, которые он посещал, побои случались, и это, как и в случае пребывания г-жи X в больнице, предполагает возможность таких происшествий.

Фрейд лечил молодого русского аристократа в 1914 году, но не описывал его случай как случай «детского невроза» вплоть до 1918 года, незадолго до своей статьи «Ребенка бьют». Из-за сна о волках этот пациент стал известен как Вольфсманн. Фрейд не утверждает, что он является одним из шести пациентов в описанных им случаях мастурбационных фантазий об избиении. На самом деле его случай, возможно, не был описан в этой работе, поскольку некоторые важные детали, такие как осознание Вольфсманном роли своего отца, не вписываются в логику этого эссе, написанного позже. У Вольсфсман-

Рис. 7. В воображении маленького ребенка новый ребенок предстает еще одним таким же, как он. Якоб Зайзенеггер «Эрцгерцоги Максимилиан II, Фердинанд II and Иоганн» (1539). Художественно-исторический музей, Вена

на были садистские фантазии, в которых он избивал больших лошадей, и мазохистские, в которых в его присутствии сначала избивали группу мальчиков, а затем его «преемника». Тем, кто избивал, чаще всего была материнская фигура (его няня). Все это подходит под описание, но иногда он представлял своего отца или его заместителя как того, кто наказывает. Основное внимание в анализе уделяется не этим мастурбационным фантазиям, а раннему детскому сну о шести или семи белых волках, сидящих на дереве за окном комнаты пациента. Взрослый Вольфсманн вспоминает, как в детстве он просыпался в тревоге от повторяющегося сна и впоследствии страдал от ужасных страхов и тревог. Сновидение, описанное во всех подробностях, является примером того, что известно как отложенное действие — сцена становится актуальной только на более позднем этапе. Во-видимому, за два с половиной года до сна он в возрасте восемнадцати месяцев стал

свидетелем полового акта своих родителей. Эта противоречивая реконструкция объясняет суть этого сна.

Но я хочу рассмотреть не опыт восемнадцатимесячного ребенка, который может быть достоверным и значимым, а нечто иное. Меня интересует вопрос, почему этот сон появился в определенный момент его детства? Он испугался до ужаса и истошно закричал, когда его старшая сестра показала ему картинки из сказок, в частности волков. Всего за несколько месяцев до этого сна его сестра соблазнила его. Он отреагировал на соблазнение агрессивными мастурбационными действиями по отношению к своей няне, которая сильно его отругала. Другими словами, фантазии об активном и пассивном избиении предшествовали травмирующему сну и продолжались за его пределами. Каково их значение?

Понимание этого сна о волках как более позднего воссоздания ранее непостижимого события (сексуального акта между родителями) представляет безусловную важность. Тем не менее я хочу посмотреть на этот сон в контексте сиблинговых отношений. В истории психоанализа факт наблюдения Вольфсманна за сексуальным актом своих родителей вызвал широкий резонанс. Фрейд знал о том, насколько противоречивой будет его интерпретация, и просил коллег собрать случаи, когда, по-видимому, имеются свидетельства аналогичного раннего наблюдения так называемой «первосцены» с последующими серьезными психологическими последствиями. Карл Абрахам предоставил один такой случай. Мелани Кляйн, пациентка Абрахама, считала, что наблюдение ребенком первосцены родительского коитуса является обычным явлением для детей, в том числе для ее пациентов, таких как Эрна. Для Кляйн и других это сцена, провоцирующая насилие по отношению к родителям, которое затем выражается в чувстве вины по отношению к ним, лежит в основе сиблингового инцеста.

До того как Фрейд запросил подтверждения, Абрахам уже опубликовал отчет о маленькой девочке, которая, несомненно, была свидетелем сексуального акта родителей. Ребенок пре-

бывал в сумеречном состоянии, демонстрируя многие истерические симптомы, страдал от беспокойства и ночных кошмаров. Отец подтвердил, что его дочь, возможно, что-то видела и наверняка слышала споры, доносившиеся из спальни, мотивы которых присутствовали в кошмарах об убийственной сексуальности взрослых. Моя задача не в том, чтобы поставить под сомнение этот вопрос, а в том, чтобы указать на другой фактор:

> Разговор с отцом выявил дополнительный материал. Оказалось, что девочка общалась с дочерью соседа, которая, как говорили, практиковала взаимную мастурбацию с другими девочками. Поэтому вероятно, что, возбужденная сексуальными действиями и беседами с этой подругой, она отреагировала на инцидент в комнате своих родителей гораздо более агрессивно, чем сделала бы это при иных обстоятельствах (Abraham, [1913], p. 167).

Иными словами, сексуальность ребенка пробуждается в группе латеральных сверстников.

Абрахама попросили только об одной консультации, и мы ничего не знаем о каких-либо фантазиях об избиении, хотя мы узнаем, что у девочки есть видения ужасающих животных, как у многих маленьких детей и у фобических взрослых, истерических пациентов и у Вольфсманна. Фрейд, как и Абрахам, прослеживает связь кошмара Вольфсманна с тем, что он стал свидетелем первосцены. Я не собираюсь подвергать это сомнению, а скорее хочу подчеркнуть, что описанное его «почти безумное поведение» связано с тем, что его соблазнила сестра и с испытанным им ужасом от изображений волков и других животных[4]. Хотя Абрахам провел все лишь одну консультацию, а Вольфсманн проходил у Фрейда длительный анализ, сопровождавшийся реконструкцией его младенческого невроза, два этих случая обнаруживают интересные совпадения. Существовали внешние подтверждения того, что сестра Вольфсманна была очень умной и сексуально активной, она мучила своего брата. В свою очередь, он очень завидовал

ей и ее высокому положению, особенно по отношению к отцу. Разве не она была тем «преемником», который возникал в фантазии об избиении? В период полового созревания после периода сильной вражды и сексуальности в детстве они стали лучшими друзьями, и Вольфсманн, в свою очередь, тщетно пытался соблазнить свою сестру. Фрейд комментирует:

> Таким образом, он совершил шаг, предопределивший гетеросексуальный выбор объекта, потому что все девушки, в которых он впоследствии при явных признаках навязчивости влюблялся, были служанками, уступавшими ему по уровню образования и уму. Если все эти объекты его любви были заместительницами запретной для него сестры, то нельзя не признать, что решающим моментом при выборе объектов было его намерение унизить сестру, положить конец ее интеллектуальному превосходству, которое так подавляло его ранее (Freud, [1918], p. 22).

Сразу после этого комментария, который следует за размышлениями о неврозах, психозах, личности и истории сестры, Фрейд кратко ссылается на теорию Альфреда Адлера. Адлер был единственным аналитиком, который всерьез рассматривал сиблинговую проблематику. Он особенно интересовался порядком рождения, что впоследствии стало привлекать внимание также и других исследователей (Sulloway, 1996). Имея в виду Адлера, Фрейд комментирует, что если бы он остановился в своих размышлениях в определенной точке, сфокусировав свое внимание на роли сестры Вольфсманна, и не прикладывал бы усилий для того, чтобы понять, что корень его травмы связан с наблюдением первосцены, то тогда этот случай подтвердил бы теорию Адлера, согласно которой воля к власти и стремление к самоутверждению лежат в основе как характера, так и невроза. Я думаю, что Фрейд был прав, отвергнув этот подход. Тем не менее, отказывая Адлеру в признании, Фрейд, кажется, упустил что-то важное. Жажда власти и стремление к самоутверждению не должны рассматриваться сами по себе – они могут быть аспектом сексуальности

и влечения к смерти. Сиблинговые отношения вращаются вокруг секса и насилия; жажда власти и превосходства – всего лишь проявления этого, а не суть и смысл, как думал Адлер.

Я полагаю, что Фрейду не следовало бы волноваться из-за теорий Адлера, если бы он отвел сиблингам отдельное место в рамках своей теории влечений к жизни и смерти. Почему это не могло бы быть одновременно вертикальной межпоколенческой проблемой разрешения эдипова комплекса (куда относится и первосцена) и горизонтального или латерального вопроса разрешения сиблингового комплекса – сиблинга, по отношению к которому кто-то находится в одинаковой позиции, но отличается по идентичности? Г-жа X и сестра Вольфсманна как старшие дети, казалось бы, чувствовали угрозу со стороны младшего брата, который занимает их место. Лишенные своего места, они мучают, изводят и соблазняют своих сиблингов и тех, кто их замещает. Г-жа X разыгрывала это со своими любовниками и переживала в своей фантазии об избиении. На уровне мастурбационного удовлетворения она представляла себе, как любовник или муж (не отец или учитель) избивают ребенка, пока она наблюдает за этим. Согласно Фрейду, именно сестра Вольфсманна (а не его отношение к матери) опосредовала его последующий выбор гетеросексуальных объектов. Это коррелировало с активными садистскими фантазиями об избиении; его фантазии о пассивном избиении, связанные с его сексуальным желанием, чтобы его отец проник в него (изнасиловал/соблазнил?), но наверняка они произошли от сексуальных нападок со стороны могущественной сестры. Для г-жи X были актуальны *обе* позиции: она нападала на своего брата, а позже отыгрывала агрессивную любовь своего отца.

Однако как бы мы могли теоретически осмыслить сиблинговую составляющую в содержании превалирующей фантазии о том, что «ребенка бьют»? Когда ряд аналитиков внесли свой вклад в обсуждение неврозов, возникших после Первой мировой войны, Абрахам предположил, что коллективный характер войны (война как групповое явление) позволяет людям

проявлять жестокость, которая подавлялась бы «цивилизованной моралью» в случае, если бы ее проявил какой-то один человек. Он сравнил эту ситуацию с поеданием тотемной пищи. Фрейд задавался вопросом, как он пропустил это: солдаты, как дети и сверстники, объединяются. Вольфсманн и его сестра стали лучшими друзьями в подростковом возрасте, когда они объединились «против» своих родителей. Мелани Кляйн считает, что это положительный аспект сиблинговой сексуальности. К счастью, у нас есть любовь, дружба и поддержка; а к несчастью – насилие, направленное сначала друг против друга, а затем против другой группы. Отношения с родственниками, сексуальными партнерами, несомненно, должны рассматриваться в латеральной плоскости, а не в вертикальной. Выбор Вольфсманном гетеросексуальных объектов обусловлен латеральной моделью, которую представляла его сестра. В фантазиях г-жи X об избиении фигурирует муж или любовник. Можно было бы предположить, что она выбрала своего мужа, потому что он соответствовал фигуре избивающего лица в ее фантазиях. В самом деле, не могло бы это быть потому, что многие браки повторяет детские отношения любови/ненависти со сверстниками, в которых много насилия, но все же при этом можно испытывать любовь?

Братья и сестры, как и истерики, любят тех же, кого ненавидят. В 1922 году, снова полемизируя с Адлером, Фрейд тем не менее предположил, что модель социальной жизни основана на сублимации более раннего братского гомосексуального соперничества (Freud, [1922]). Если социальная жизнь – это сублимация гомосексуально-братской ревности и т. п., то ее десублимация – это война. Однако можем ли мы действительно сказать, что братская гомосексуальная социальная жизнь сублимируется в общественную жизнь? И что такое гомосексуализм в этом контексте? Конечно, речь идет не о выборе однополого объекта, а о способности преодолеть чувство уничтожения, которое угрожает, когда кажется, что есть кто-то «такой же, как я». Гомосексуализм – это и выбор объекта, и идентификация, и он может быть в большей

степени тем или другим, как и гетеросексуальность Дон Жуана (глава 8); это *одинаковость*. Одинаковость – это то, на что указывает слово «гомосексуализм». Психоаналитики не используют термин «лесбиянка», предпочитая выражение «женский гомосексуализм», как будто неосознанно понимая то, что речь, в первую очередь, идет об одинаковости. Истерики, подобно «гомосексуалам», как заключает Фрейд в статье о ревности, паранойе и гомосексуализме в 1922 году, на самом деле являются бисексуалами и в очевидном выборе объекта, и в идентификации, потому что на том уровне, который мы рассматриваем, сестры и братья одинаковы. Братья и сестры занимают *одно и то же положение* в своей семье. Истерики протестуют против того, чтобы кто-то, занимающий одно с ними положение, уничтожил их, если только они сами не уничтожат этого другого раньше. Успех, то есть убийство другого, может вызвать ужасную тревогу. Психические защиты могут сработать в отношении желания уничтожить или страха быть уничтоженным и сделать их бессознательными, так что они смогут вернуться только уже как аспект конверсионного симптома.

Если мы посмотрим на фантазию об избиении через призму сиблинговых отношений, то она выглядит следующим образом. Первая фаза включает искоренение другого. Следующая фаза – это искоренение Эго как прелюдии к аутоэротическому оргазму. Мужское Эго мальчика исчезает, когда он занимает положение женщины. У девочек уничтоженное Эго психически отсутствует, следовательно, к нему нет доступа[5]. Третья фаза видится как диффузия первой фазы, когда один «другой» становится рядом других. Тем не менее, эти «другие» также не обладают своими собственными особыми характеристиками; все они просто обозначают аутоэротичного субъекта. В интересах полного оргазмического удовольствия третья фаза включает садизм первой и мазохизм второй фазы.

Понять сложный процесс фантазирования будет легче, если привести пример. Во-первых, необходимо упомянуть, что предполагаемое центральное физическое ощущение – это пульсирование возбужденного клитора или полового члена.

Из этого ощущения или для создания этого ощущения человек, занимающийся мастурбацией, создает фантазии об избиении, обращаясь, я полагаю, к реальным или воображаемым сценам с участием сиблингов или сверстников, которые являются конкурентами и которые выступают в этих фантазиях «в роли» детей. На многих языках пенис и клитор называются «малыш». Однако наиболее важным моментом является то, что по мере взросления фантазирующего избиваемый ребенок тем не менее остается ребенком. Кажется, что нельзя представить избиваемого взрослого, даже если садомазохистское избиение является частью реальной сексуальной жизни, как в случае с г-жой X. То, что избиваемый ребенок, обычно сиблинг, не вырастает, означает, что эта фантазия, вероятно, берет свое начало в детстве фантазирующего; фантазия – это статический анклав.

Чтобы проиллюстрировать это, мы можем рассмотреть вопрос об использовании детской порнографии. Такая порнография представляется мне опасной именно потому, что она делает конкретным то, что должно оставаться фантазией. Тот, кто делает порнографию, воссоздает в реальности образ сексуального и физического насилия над детьми, чтобы подпитывать мастурбационную фантазию, которая, вполне возможно, достаточно широко распространена. Если для каждого из нас в той или иной степени характерна фантазия об избиении ребенка, берущая свое начало в нашем детском возбуждении, когда сексуальность и жестокость, связанные с нашими сиблингами и сверстниками, сопровождались физической стимуляцией, то именно эта очень распространенная фантазия и проявляется в детской порнографии. Поскольку создатели порнографии прибегают к конкретизации, существует опасность того, что зритель может потерять границу между фантазией и реальностью. Если фантазирующий пережил в детстве насилие и/или инцест, то у такого человека границы между фантазией и реальностью с большой долей вероятности стерты, и потому в его социальной жизни наблюдается навязчивая потребность повторять (тот, над кем совершили насилие,

насилует сам), которая психически проявляется в навязчивости мастурбационной фантазии. Кроме того, существует опасность, что вследствие такой фантазии насильник и тот, кого изнасиловали, поменяются местами, потому что в каждом из нас потенциально присутствуют оба.

«Многосложность» фантазии об избиении ребенка свидетельствует о том, что фантазирующий не занимает одну только позицию: как и во сне, он или она является всеми персонажами сразу, избивающими и избиваемыми, один ребенок или много, наблюдатель и наблюдаемый. Когда в качестве ассоциации ко сну Сара (глава 3) говорит о своем страхе быть обвиненной братом в совершении полового акта, это происходит не только потому, что она, вероятно, желала этого сама, даже если она была его жертвой, но и потому, что, будучи и братом, и сестрой, она переживает желание брата как свое собственное. Не является ли это моделью для полового акта в целом, когда возбуждение другого человека возбуждает, потому что я и другой человек – одно целое? Подобные отношения лежат в латеральной плоскости, они не являются отношениями с матерью или отцом.

Экстатическое состояние влюбленности, когда двое становятся одним в посткоитальном единстве или в экстазе убийства, в желании убить или проникнуть под кожу другого, кажется, ближе к проявлениям латеральных сиблинговых отношений, чем к отношениям между младенцем и родителем. Однако это никоим образом не указывает на то, что стремление к власти является доминирующим, как это было бы у Адлера. Сексуальность и ее подавление остаются решающими факторами формирования бессознательных процессов. Но смерть, как и желание убийства по отношению к себе или другому, также находится под запретом, следовательно, желание убить или быть убитым также фигурирует в бессознательных процессах. Запрет на сиблинговый инцест имеет гораздо меньшую силу, чем запрет на инцест между представителями разных поколений в семье, за исключением нескольких культур, в которых сиблинговый инцест также запрещен. Если

желания игнорируют табу на сиблинговый инцест, то клинически можно засвидетельствовать, что вся любовь, экстаз, ненависть, ревность, соперничество разворачиваются между пациентом и аналитиком в контексте сиблинговых отношений. Эти отношения, как я полагаю, действуют и в контрпереносе. Г-жа Х «залезла мне под кожу», «встала на мое место» и думала, что она знает мои мысли. Но это вызвало у меня сопоставимый отклик. Когда я осознала, что ей (и мне тоже в какой-то степени, в отличие от родительского контрпереноса) нужно знать, что пребывание в одном и том же месте, обладание одинаковыми вещами не делает двух людей одинаковыми, что в этой одинаковости все еще есть место отличиям, это стало критической точкой анализа и позволило двигаться вперед. В этот момент г-жа Х обнаружила, как она сама выразилась, что ощущение пространства между похожими друг на друга людьми означало, что и в ее психике было пространство. Это «топологическое» пространство между позициями, мыслями, словами; и это не пустое место.

Затем г-жа Х увидела, что ее неспособность родить живого ребенка была связана тревогой относительно своего желания смерти младшего брата. Как упоминалось ранее, когда она действительно родила, она была так обрадована, что опасностью уже стала чрезмерная идеализация ребенка. Родительская идеализация обычно является продолжением восстановленного детского нарциссизма самих родителей — этот ребенок является Его Величеством Младенцем, которым когда-то были его отец и мать. Тем не менее, хотя г-жа Х (и конечно, другие пациенты) получала от этого нарциссическую выгоду, происходило и нечто другое. Конечно, идеализация была способом отмежеваться от деструктивности и унижения детей ее матерью и, следовательно, от нападения на мать, но, если быть более точным, в этом выражалось отрицание ее нападения на этих детей как на *сиблингов*. Но в фантазии было нечто большее: были убиты сиблинги, а не мать.

В поэзии, фильмах и романах, где процветают сиблинговая любовь и сексуальность, редко появляется потомство. Если

ребенок рождается, его считают чудовищем или существом, обреченным на смерть. Страх г-жи X, что ее ребенок будет чудовищем, в некоторой степени выходил за рамки абсолютно обычной фантазии всех будущих мам. Но может ли эта распространенная фантазия не быть основанной на сиблинговых отношениях? Суть «табу» на инцест состоит в том, чтобы не допустить секса с кем-то, кто попадает в категорию одинаковости. Когда ребенок играет в доктора с братом или сестрой, он может родить фантазийного ребенка от другого ребенка, но только от такого, который является «таким же, как и он», а не с другим. Таким образом, сиблинговая репродукция представляет собой другой вариант аутоэротической партеногенетической фантазии. Запрещение одного влечет за собой запрет другого. Символично, что запрет исходит от материнской позиции: вы не можете рожать таких, как я: если для мальчика это означает, что он никогда не будет рожать (а в случае кастрационного комплекса у девочки, что она никогда не будет отцом), то для девочки это временная невозможность. С точки зрения латеральных отношений такой запрет может быть неактуальным, так как сексуальность брата и сестры может не быть связана с репродуктивными желаниями (см. главу 5). Запрет здесь относится к тому, чтобы не считать других «такими же, как...», чтобы не переносить нарциссизм и грандиозность в социальные области.

Сын г-жи X был до некоторой степени партеногенетическим ребенком и идеализировался как ее собственное уникальное достижение. Но поскольку он жил, он был тем, от кого она могла со временем отделиться и, таким образом, отказаться от желания убить своего брата. Прекращение мастурбационной фантазии, возможно, стало предпосылкой к тому, чтобы отказаться от воображаемого убийства брата. У девочки, которую г-жа X родила следом, были большие проблемы с образом себя. А у г-жи X были сомнения в отношении гендера своей дочери не только потому, что она привыкла воспитывать сына, но и потому, что она думала, что она была матерью своего брата, и потому, что она видела себя отраженной *в своем*

брате, будто бы являясь своим братом. Поэтому в своей дочери она часто видела своего брата. Мелани Кляйн предполагает, что в своих старших детях матери видят своих сиблингов. Я полагаю, что такое видение со всей сопутствующей амбивалентностью существует с момента зачатия, а на самом деле и раньше, с зарождения мысли о самой возможности зачатия, как в случае г-жи Х.

В 1922 году Карл Абрахам написал очерк о женском кастрационном комплексе, предпоследний абзац которого стал знаменитым. В нем содержалось важное наблюдение: «Анальный эротизм матери является самым ранним и самым опасным врагом психосексуального развития детей, тем более что в самые ранние годы жизни мать оказывает на них большее влияние, чем отец» (Abraham, 1922, p. 28). То, что женщина все еще наслаждается анальными удовольствиями, указывает на то, что она не разрешила свой эдипов комплекс, и поэтому она может использовать своего ребенка в своих фантазиях в качестве сексуального объекта. Такой психический сценарий вполне может быть опасен для ребенка, но в логике этого утверждения есть узкое место: бессознательные фантазии человека не предсказывают его фактического поведения. И это имеет отношение к понятию «характер». Абрахам приходит к выводу, что, если мы сможем освободить таких матерей от бремени их кастрационного комплекса, мы поможем освободить грядущие поколения от их неврозов[6]. В том же году в кратком обращении, опубликованном в «Международном журнале психоанализа», президент Британского психоаналитического общества Эрнест Джонс привел три аргумента в подтверждение тезиса Абрахама (Jones, 1922). В первом, которым я и ограничусь здесь, описана девочка, которая завидовала старшему брату и ревновала его. У мальчика от рождения была деформирована нога. Отец был поглощен тем, чтобы сын получал медицинскую помощь; в результате дочь была оставлена без внимания. Она постоянно играла с куклами. Когда ей исполнилось три года, в семье ее лучшей подруги родился ребенок. После этого девочка отказалась от кукол и перестала

проявлять какой-либо интерес к детям, даже когда счастливо вышла замуж. В описании случая несчастной маленькой девочки у нас есть сценарий с участием брата, отца и лучшей подруги, мать не упоминается.

В статье «Ребенка бьют» Фрейд, последовательно отвергая идею Альфреда Адлера о главенстве «маскулинного протеста» и «комплекса неполноценности», опирался на симптом как на свидетельство работы бессознательных процессов. С точки зрения обыденного мышления протест против того, чтобы быть девочкой, и чувство неполноценности легко объяснимо в отличие, например, от истерической слепоты. Понятие бессознательных процессов нужно для объяснения второго, а не первого случая. Фрейд указал, что не следует путать формирование неврозов (с симптомами) и формирование характера. Однако через год после публикации эссе Абрахама Франц Александер опубликовал статью «Комплекс кастрации в формировании характера» (Alexander, 1923). Комплекс кастрации может быть исключительно бессознательным. Статья Александера в «Международном журнале психоанализа» последовала сразу же после статьи Фрейда под названием «О некоторых невротических механизмах ревности, паранойи и гомосексуализма» (1922). Фрейд завершает эту короткую статью новым открытием о природе гомосексуализма: интенсивное соперничество и ревность *обычно в отношениях со старшим братом* были обращены в противоположность, так что некогда ненавистный объект стал объектом гомосексуальной любви. Далее он утверждает, что социальные чувства возникают как промежуточный пункт на пути этого изменения: они являются сублимацией братских гомосексуальных чувств. Социальная порядочность и забота находятся между однополым сиблинговым соперничеством и сиблинговой любовью. Я бы добавила, что социальная проблема с большой силой проявляется на войне. Является ли то, что происходит в войне и в подобных ситуациях, десублимацией и возвращением к соперничеству и ненависти по отношению к сиблингам?

Комплекс кастрации – это совокупность бессознательных идей (и сопутствующих им чувств), формирующихся вокруг страха быть кастрированным за настойчивое проявление инцестуозных эдипальных фантазий. Хотя девочка не менее подвержена кастрационному комплексу, чем мальчик, ее переживания отличаются: она является девочкой потому, что «уже кастрирована». Вместо этого она испытывает зависть к пенису. Боязнь кастрации у мужчин столь же типична, как и убежденность в нехватке фаллоса у женщин; подверженность кастрационному комплексу является условием человеческого существования. Это отличается от выдвинутого Абрахамом, Джонсом и Александером понятия о женском кастрационном комплексе, которое слишком напоминает распространенное представление о женщине как исполнительницы акта кастрации. Точнее говоря, женский кастрационный комплекс подразумевал бы, что женщина все еще является психически бисексуальной девочкой, которая боится потери своего пениса так же, как мальчик. Технически, это можно было бы отнести к наваждению, но не к характеру[7].

Статьи, на которые я ссылаюсь, были написаны сразу же после «Великой войны», когда травмированные солдаты с обеих сторон внесли большой вклад в переосмысление и переформулирование психоаналитической теории. Часто утверждают, что психоанализ появился благодаря истерической пациентке. Я бы добавила, что изменениям способствовала мужская военная истерия и травмированные братья. Вопросы, которые меня здесь интересуют, составляют неотъемлемую часть этого пересмотра, хотя они не стоят на первом месте и зачастую не обсуждаются. Основные изменения в теории связаны с так называемой второй метапсихологией, которая включает Ид, Супер-Эго и Эго, а также пересмотром представлений о месте тревоги. Тем не менее скрытая тема, на которую я обращаю внимание, – это последствия незаметного перехода от невротического *симптома* (чей *характер* можно проследить по особому искаженному выражению эдипальных желаний и *зависти к пенису*) к женщине, характер которой определяет

женский кастрационный комплекс; иными словами, от невротической истерической девочки до характера кастрирующей мамы. Это тема важна сама по себе; она только задает контекст наблюдениям Абрахама об анальном эротизме матери и его разрушительных эффектах для психосексуального развития ее ребенка. Клиническое понимание Абрахамом анальной эротики навязывается теорией кастрационного комплекса. Но анальный эротизм *также* является доминантой партеногенетической фантазии и ее проявления в сиблинговой инцестуозной игре и соперничестве. Кастрирующая женщина, с точки зрения Александера, – тип *характера.* Я хочу обратить вспять это движение, которое способствовало смещению фокуса анализ с бессознательных последствий вытеснения вследствие запретов в сторону опасной моралистической характерологии. Как говорит Фрейд в статье «Ребенка бьют», невроз и характер не одно и то же. Такой переход к «характеру» закрепил понятие кастрирующей женщины.

Вместо того чтобы сводить аналитические инсайты к идеологическим предписаниям, обращение к сиблингам и их заместителям в качестве отдельных структур позволяет нам вернуться к бессознательным процессам. Бессознательные процессы дают возможность взглянуть на социальные вопросы без какой-либо необходимости в анализе характера или в адлерианских постулатах о стремлении к власти и комплексе неполноценности. Материнские фантазии и их отыгрывание в отношениях с детьми, когда они становятся любимыми ангелами и ненавистными монстрами, сексуальное насилие со стороны отца, повсеместное избиение жен и феминизация истерии, война и мир – все это коренится не только во взаимодействии поколений, но и в дилеммах, с которыми нам придется иметь тело, если мы сменим ракурс и обратимся к горизонтальному измерению.

Глава 5

Гендерные и половые различия: в чем разница?

В фильме Моники Тройт «Мой отец приезжает» (1990) есть эпизод, в котором герой сидит за рулем и размышляет о своем лице, рассматривая его в зеркале автомобиля. Он показывает молодой женщине фотографию. «Это твоя сестра?» – спрашивает она. «Некто более близкий», – отвечает он. Братья и сестры находятся на минимальном расстоянии, на котором могут быть люди при условии, что не нарушается запрет на инцест. На фотографии изображена не сестра героя, а он сам до того, как сделал операцию по коррекции пола. Я предполагаю, что термин «гендер» (по крайней мере, в англосаксонском мире) приобрел большую значимость даже в рамках психоаналитического дискурса, потому что он указывает не на максимальное различие между матерями и отцами, а на минимальное различие в сексуальном отношении между братьями и сестрами, которые сами по себе находятся в тени нарциссической экономики, где другой является «неким более близким». Трансгендерный герой Тройт является примером того, насколько тесной может быть психическая и физическая близость сиблингов.

Концепция «гендера» не может должным образом быть встроена в психоаналитическую теорию. У субъекта нет возможности занять позицию, которая исключала бы сексуальность, а «гендер» относится к более широкой области отношений, в которой сексуальность не может быть определяющим фактором. Более того, в психоаналитическом понимании сексуальность пронизывает все стороны психической жизни:

человек или приходит к пониманию сексуальных различий и осознанию того, что женственность и мужественность определяются их отличием друг от друга («вымышленный идеал» нормальности), или отказывается от принятия этих разли-

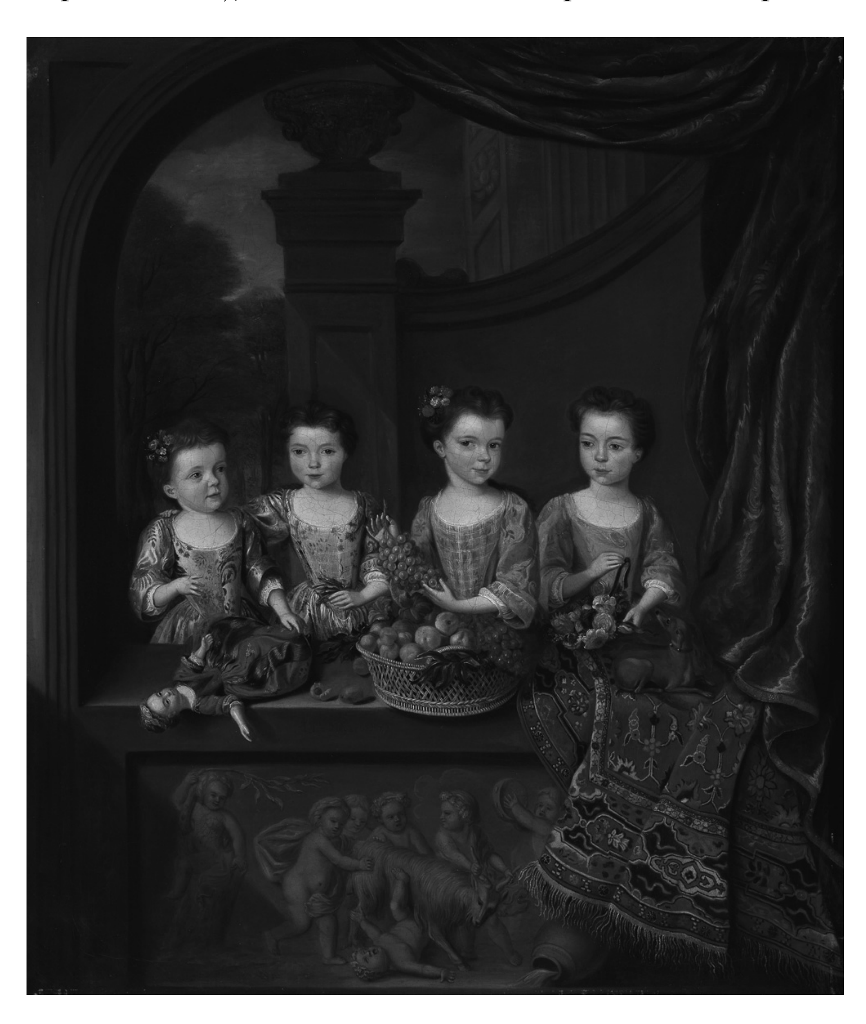

Рис. 8. Гендер может характеризовать отношения, которые располагаются по одну сторону бинарной системы. Ян де Мейер. «Портрет дочерей сэра Мэтью Деккера» (1718). Права принадлежат музею Фицуильяма при Кембриджском университете

чий (психоз), или не может их принять (невроз), или решает не принимать (характер). В какой-то момент эту границу можно пересечь (транссексуализм), но она существует. Понятие «гендер» же может использоваться для отношений, лежащих по одну сторону бинарной системы: братья, сестры, мужчины и мальчики, женщины и девочки.

Я хочу привести аргумент в пользу понятия «гендер» и начну с двух заявлений, первое из которых – это несогласие с экстрапсихоаналитическим пониманием гендера (то есть политическим, социологическим и психологическим), а второе – несогласие с тем, что термин «гендерные различия» может быть более модным эквивалентом термина «половые различия» (напр.: Breen, 1993), как если бы с точки зрения психоанализа это было одно и то же. Во-первых, я считаю, что если мы рассматриваем гендерные отношения, то в них в любом случае присутствует некая остаточная сексуальность. Во-вторых, несоответствие сексуальности гендеру (напр.: Scott, 1996a) не позволяет взаимозаменять термины «половой» и «гендерный», когда речь идет о различиях. Поэтому нам прежде всего необходимо понять природу сексуальности внутри «гендера» и выяснить, как это отличается от концепции «половых различий». Все аспекты этих проблем имеют отношение к недостаточной представленности сиблинговой проблематики.

Начну с проблемы внутри пространства психоанализа, а затем перейду к более широкому контексту. Согласно самым ранним теориям, сексуальное влечение вступает в конфликт с влечением к «самосохранению»: сексуальное побуждение выражает внутренние импульсивные желания и наталкивается на табу, нарушение которого ставит выживание под угрозу. Впоследствии эти силы рассматривались не как конфликтующие, а как входящие в некую совокупность, вместе они образуют «влечение к жизни» с тенденцией к интеграции и изменениям, чему противодействует гипотетическое «влечение к смерти», которое толкает человека к распаду и остановке. В мои задачи не входит анализ клинического матери-

ала, послужившего основой для этого теоретического сдвига. Я хочу обратить внимание на перестановку акцентов в понимании сексуальности, поскольку сексуальность стала краеугольным аспектом «влечения к жизни», ослабив позиции «влечения к выживанию». Причины, по которым для меня это представляется важным, не просто академический интерес. Я считаю, что это способствовало тому, что психоаналитическая теория повернулась в сторону идеологии здравого смысла, которая, хотя и принесла определенные выгоды, является ровно тем, чем является.

Иными словами, отнесение сексуальности к «влечению к жизни» способствовало пониманию сексуальности как стремления к деторождению, как влечения к размножению. На более раннем этапе сексуальное влечение рассматривалось как глубоко разрушительная сила, и, хотя этот аспект предполагалось сохранить, на самом деле он был в значительной степени отщеплен: сексуальность, которая *не* является репродуктивной, как в случае инверсии (гомосексуализма) или перверсии, считается разрушительной. Репродуктивную сексуальность считают труднодостижимой, но она не является источником разрушения или «недовольства» в контексте цивилизации. Здесь все предельно понятно!

Клиническое наблюдение нарциссизма положило начало теоретическому сдвигу к объединению сексуальности и самосохранения в рамках «влечения к жизни». Без любви к себе не может быть никакого инстинкта выживания. Однако в формулировке влечения к жизни нарциссизм присоединил к себе инверсию и перверсию как необходимые для развития, но в конечном итоге разрушающие желательную репродуктивность, жизненные силы сексуальности – таким образом, мы приходим к «нарциссическим расстройствам». Проблема не в том, что эти сдвиги в понимании не могут быть описаны строго научно, а в том, что у нас больше нет теории, которая идет вразрез с идеологией, и поэтому развитие теории будет скорее аддитивным, чем творческим, а ее выводы корректирующими, а не радикальными, по крайней мере, в этой области.

Игнорирование сиблинговой проблематики способствовало тому, что сексуальность перешла из категории разрушительной силы в пространство влечения к жизни, где ей отводится репродуктивная роль. Помимо того, это препятствовало также развитию «влечения к самосохранению» как некой константы. Это произошло вследствие повышения роли фантазии над влечением, а затем путем выделения тех фантазий, которые определяют психическую жизнь как полностью родительскую. Фрейд утверждал, что если бы он остановился в своем анализе Волфсманна на том, что мальчик был соблазнен сестрой, он не смог бы настаивать на ведущей роли сексуальности и отвел бы эту роль адлерианским представлениям о стремлении к власти. Сексуальность заняла свое ведущее место, потому что Фрейд и его пациент смогли вернуться к критическому травмирующему наблюдению 18-месячного ребенка за сексуальным актом его родителей, «первосценой», что предшествовало эдипову комплексу. У сексуальности нет иного выхода, как только быть связанной с родительским и, таким образом, гетеросексуальным репродуктивным каналом: маленький Вольфсманн столкнулся с универсальной пугающей интерпретацией родительского секса как насилия отца над матерью и присвоения матерью исчезающего отцовского пениса. Поиски фантазий детей о первосцене продолжались; теория Мелани Кляйн опиралась на эти поиски.

Я считаю, что работа Мелани Кляйн представляет собой поразительный пример того, как из наблюдений и теории были вытеснены сиблинги[1]. В ее взглядах произошел значительный сдвиг в отношении братьев и сестер, на который я постараюсь указать, двигаясь от более поздних к более ранним ее работам. Первые работы Кляйн вдохновлены теоретическими новшествами, спровоцированными Первой мировой войной, в частности, новым пониманием роли тревоги. Темы возникали на основе материалов детского анализа, тогда как новые теории, которые она постепенно предлагала, возникли на базе ее работы со взрослыми психотиками. Однако в конце жизни она внесла исправления в первую публикацию, основанную

на клиническом материале ребенка, которого она анализировала в годы Второй мировой войны.

Во время Второй мировой войны Кляйн ежедневно в течение четырех месяцев анализировала десятилетнего Ричарда, жившего в эвакуации. Она вела подробные записи каждой сессии и в конце 1950-х годов пересмотрела, прокомментировала и «переосмыслила» свою работу для публикации последней книги, над которой она работала, – «История детского анализа» (Klein, [1961]). В этой книге, я полагаю, мы можем видеть, как сиблинговая тематика вытесняется в интересах исключительно важной материнской темы. Ричард, которого эвакуировали вместе с обоими родителями, упоминает на второй сессии своего брата Пола, который был солдатом. Когда Пол приезжает домой в отпуск, Ричарду становится ясно, что Пол – любимый сын матери. Ричард рассказывает Кляйн, как он обижен, что его мать посылает Полу шоколад, хотя он одобряет ее поступок. Интерпретируя амбивалентность Ричарда, Кляйн как будто бы исключает из своих размышлений Пола. Вместо этого она объясняет Ричарду: «Если бы он испытал ревность и гнев, а также хотел создать проблемы в отношениях *между родителями,* он был бы агрессором» (курсив мой. – *Дж. М.*). Через некоторое время Ричард соглашается, но снова «говорит о своих отношениях с Полом...» (ibid., p. 25). На этот раз он делится воспоминаниями, которые приводят его к рассказу о недавней драке с двоюродным братом Питером, на что Кляйн отвечает: «Когда Питер грубо обошелся с ним в драке, Ричард чувствовал, что он объединяет в себе хорошего отца и плохого... отца». Ричард напоминает Кляйн о своем негодовании, которое он испытывает, когда мать проявляет приветливость по отношению к Полу во время его приездов домой. Он общается с собакой, которая любит его, Ричарда, больше, чем кто-либо другой. Теперь Кляйн уделяет внимание Полу, но подчеркивает такую зависимость: Ричард может преодолеть свою ревность к Полу, если он сам станет мамой и у него будет ребенок (собака), которого он будет любить.

У Ричарда есть секреты; собака Бобби становится еще одним секретом: оказывается, он играет с ней в сексуальные игры в постели. Сначала Кляйн интерпретирует Бобби как «папины гениталии» (Klein, [1961], p. 88), но затем как брата Пола, которого Ричард хочет убить. По мере продвижения анализа Ричард все меньше говорит о Поле, и мы обнаруживаем, что в этот период Кляйн все чаще делает интерпретации сразу «относительно папы и Пола», как будто пациент и психотерапевт бессознательно достигли компромисса! Игнорирование Кляйн Пола и ее понимание того, что Бобби – это ребенок Ричарда, показывает, как вытеснение темы сиблингов свело разрушительное сексуальное влечение к репродуктивным фантазиям.

Я не буду здесь подробно останавливаться на роли брата, а отмечу лишь одну деталь, которая подчеркивает, что непринятие брата в расчет влечет за собой игнорирование латеральных отношений в целом, и наоборот. Обычно считается, что первая встреча с пациентом особенно важна. Тревогам, из-за которых он начал лечение, Ричард сначала дал такое объяснение: «Он боялся мальчиков, которых встречал на улице, и боялся выходить один, и этот страх становился все хуже и хуже. Из-за этого он ненавидел школу. Он также много думал о войне» (Klein, [1961], p. 19). Хотя его страх и агрессия по отношению к сверстникам – братьям и сестрам, преемникам или заместителям – проявляются довольно часто, им не отводится отдельного места. Мы можем объяснить такой ход терапии, связав это с братом, как будто бы проводящим терапию: сам аналитик отсутствует в каких-либо латеральных отношениях. Хотя в одном случае Ричард рисует рыбу, называет ее «Пол», а затем немедленно исправляется: «Нет, это миссис Кляйн», Кляйн не дает интерпретацию тому, почему она является Полом в отношениях переноса. Тем не менее именно миссис Кляйн, которая оказалась в Лондоне во время бомбардировки, так же, как и Пол, подвергается опасностям войны. Родители Ричарда остаются вне опасной зоны.

Мне вспоминается первый случай психоза, проанализированный Гербертом Розенфельдом (см.: Mitchell, 2000a): пси-

хотическое расстройство его шизофренической пациентки Милли развилось в связи со смертью ее брата Джека на войне. Джек, как и Пол, не занимает заметного места в истории болезни. Смерть и мертвые интернализированные объекты являются индикаторами психоза (как отмечает Кляйн в «Истории детского анализа»), однако страху Ричарда в связи со смертью Пола не отводится никакого места в анализе, хотя в армии служит Пол, а не отец. Брат Пол полностью отодвинут ради понимания первичной сцены и родительского эдипова комплекса. Когда Ричард играет в сексуальные игры со своей собакой Бобби, воображает ли он, что делает детей, представляя Бобби ребенком? Всегда ли сексуальное влечение является репродуктивным? Ответ Кляйн – «да». Но всегда ли так было?

Помимо «Истории детского анализа», который составляет отдельный том, остальная часть работы Кляйн, охватывающая период с 1945 года вплоть до ее смерти в 1963 году, собрана в третьем томе под заголовком «Записки Мелани Кляйн» (Klien, 1975) на 323 страницах. В указателе представлены четыре ссылки отдельно на братьев и на сестер (общей ссылки на сиблингов нет). Две из этих четырех отсылок чрезвычайно интересны, с моей точки зрения. В эссе «Зависть и благодарность», которое внесло фундаментальный вклад в понимание первичной зависти к матери и ее последующего перехода в благодарность, приводится случай одной пациентка, которая испытывает зависть как к своей матери, так и к своей старшей сестре. Пациентка описывается как «довольно нормальная» (Klein, [1957], p. 209). А ее старшая сестра далека от нормы. Сон раскрывает сильную зависть и соперничество пациентки с сестрой, и это приводит к тому, что она становится более сострадательной к недостаткам сестры и вспоминает, как сильно она любила ее в детстве. Во сне пациентка не дает женщине выпасть из поезда; пациентка заявляет, что женщина – это она сама, но ее ассоциации, связанные с волосами, свидетельствуют о том, что это ее старшая сестра. Кляйн делает следующее заключение:

> Чувство пациентки, что она должна крепко держать эту фигуру, подразумевало, что ей следовало также больше помогать сестре, предотвращая ее падение; и это чувство было сейчас пережито вновь в связи с ней как с интернализированным объектом. Тот факт, что ее сестра представляла также безумную часть ее самой, оказался частичной проекцией ее собственных шизоидных и параноидных чувств по отношению к сестре (Klein, [1957], p. 210).

«Довольно нормальная» пациентка шокирована открытием своего собственного «безумия», и Кляйн комментирует, что остатки шизоидных и параноидных чувств, отделенных от остальной части личности, могут присутствовать у многих «нормальных» людей. Отщепленные и спроектированные, они должны быть куда-то помещены, и я думаю, что сиблинги являются прекрасным местом для этого. Краткий анализ истории болезни позволяет нам утверждать, что сами сиблинги являются источником шизоидных и параноидных чувств.

Другой пример из четырех упоминаний о братьях и сестрах относится к работе Кляйн второй половины жизни и представляет собой более простой случай – наблюдение за маленьким ребенком:

> Начиная с *возраста около четырех месяцев,* отношения с братом, который был на несколько лет старше, стали играть в ее жизни заметную роль. Подобное отношение, как легко было заметить, очень отличалось от ее отношения к матери. Она приходила в восторг от всего, что говорил и делал ее брат, настойчиво докучала ему. Она использовала все свои маленькие хитрости для того, чтобы снискать его расположение, привлечь его внимание и постоянно оказывала ему очевидно женское внимание (Klein, [1952], p. 110; курсив мой. – *Дж. М.*).

Это постепенно переходит в любовь к отцу, относительно частого отсутствия которого Клейн замечает, что если бы он находился рядом с дочерью чаще, то она отдала бы предпочтение

ему, а не брату. Я же, напротив, предлагаю различать чувства к отцу, чувства к матери и чувства к брату. Я наблюдала случай, где такое же обожание выказывалось сводному брату, хотя он появлялся нечасто, тогда как отец, который присутствовал постоянно, также вызывал любовь, но иного рода. Мы должны помнить, что маленькой девочке *четыре месяца*. Когда я обучалась наблюдению за младенцами, я отмечала тот же неотступный интерес мальчиков по отношению к их старшим братьям. Гендер может быть проявлен на уровне поведения, но это, я считаю, не главное. Я еще вернусь к этому.

Вот и все упоминания о сиблингах, которые встречаются в работах Кляйн, относящихся ко второй половине ее жизни. В «История детского анализа» речь идет об одном брате – он явно важен для пациента, но читатель может и не уловить его значимости. В других, более теоретических работах не находится места для братьев и сестер за пределами родительских отношений, за исключением сна психически здоровой девушки о своей безумной сестре. В ранних работах Кляйн дело обстоит по-другому.

В ранних работах содержится много упоминаний о сиблингах. Братья и сестры явно присутствуют даже в понимании переноса. Я расскажу об Эрне, единственном ребенке в семье, одержимом братьями и сестрами, но сначала я хочу высказать свое мнение о тех усилиях, которые Кляйн приложила к тому, чтобы вписать сиблингов в эдипальную картину. В 1926 году Кляйн написала о двух братьях. С раннего возраста (вероятно, до двух лет) Гюнтер и Франц играли в сексуальные игры, хотя играли – это не вполне точное слово, чтобы описать жестокие фантазии, сопровождающие felляцию и анальное проникновение пальцами:

> Ложка символизировала пенис его брата, который насильно засунули ему в рот. Он *идентифицировал себя со своим братом* и таким образом обратил ненависть к нему против самого себя. *Он сместил свой гнев на себя* за то, что он маленький и слабый, *на других детей,* менее сильных,

> чем он, и, между прочим, *и на меня в ситуации переноса* (Klein, [1932], p. 115; курсив мой. – *Дж. М.*).

Тем не менее все латеральные составляющие этого важного наблюдения попадают в категорию вертикальных отношений. Нам говорят: «Его брат был заменой его родителей», «Пенис брата... представлял пенис отца», «Младший брат... означал для Гюнтера, что его отец и мать вступали в половой акт» и т. д. Может, так оно и было, но Кляйн совершенно упускает из виду, что все это наносило разрушительный удар по братьям в первую очередь.

Необходимость подчинять все родительскому измерению читается и в случае Эрны, серьезно больного ребенка шести лет, страдающего от невроза навязчивых состояний. В сноске Кляйн комментирует:

> Поскольку в реальной жизни у Эрны не было братьев или сестер, ее бессознательный страх и зависть к ним, которые играли такую важную роль в ее психической жизни, обнаружились и оживились именно вследствие анализа. Это еще раз доказывает важность ситуации переноса в анализе детских неврозов (Klein, [1934], p. 42).

Но в основном тексте мы читаем, что «на смену этим фантазиям Эрны вскоре пришли чувства ненависти к воображаемым братьям и сестрам, поскольку они были, в конце концов, всего лишь заместителями ее отца и матери» (Klein, [1932], p. 42–43).

Понимание братьев и сестер как родителей является стандартной практикой, но примеры Кляйн отличает то, с какой живостью прописаны портреты сиблингов. Как будто для того, чтобы продвинуть не только свое революционное понимание детского анализа, но также и расширение периода эдипова комплекса на первые месяцы жизни, она должна держать эти мысли о сиблингах на расстоянии. Я догадываюсь, что дети-пациенты сначала заставили Кляйн обратить внимание на братьев и сестер, и она прекрасно их поняла, придерживаясь при этом эдипальной теории Фрейда. Бла-

годаря этому она сформировала свое революционное понимание самых первых месяцев жизни, но в теории она поддерживала эдипальную структуру, объединяя ее с первосценой. Затем она стала все чаще работать с психотическими частями взрослых пациентов. Я полагаю, что она увидела и так потрясающе описала процессы, которые назвала шизоидно-параноидальной позицией четырехмесячного ребенка, потому что в своей более ранней работе наблюдала проявления сиблинговых отношений у психотического взрослого. Ей удалось внедрить свои наблюдения в революционную, но все же вертикальную модель.

После Первой мировой войны Фрейд попросил коллег представить случаи, в которых дети в раннем возрасте стали свидетелями полового акта родителей, и снизил значимость соблазнения Вольфсманна его сестрой, что привело к утверждению вертикального измерения в качестве основополагающего. Ко времени Второй мировой войны это измерение уже глубоко укоренилось, и, возможно, именно в этом контексте надо понимать выдуманную историю, которую Мелани Кляйн рассказала своему анализанту Уилфреду Биону, чтобы он отказался от идеи заняться групповым анализом, поскольку это уводило бы его от психоанализа. Групповая работа, которая проводилась в связи с двумя мировыми войнами, привлекала внимание терапевтов к латеральному измерению. Сосредоточение внимания на Эдипе, а затем на доэдипальной матери означало триумф размножения, который был достигнут в ущерб более широкому пониманию сексуальности и разнообразных форм отношений.

Я хочу показать, как связаны доминирование эдипальной и доэдипальной проблематики, а также захват территории сиблингов родителями с терминами «половые различия» и «гендер». Я утверждаю, что понятие «половые различия» является правильным термином для психоаналитического понимания маскулинности и феминности, которое подразумевает размножение. Термин «гендер», который в настоящее время используется как попало, был введен в употребление

для обозначения сексуальности, которая не является преимущественно или главным образом репродуктивной. Если мы помним об этом, то такое различение может оказаться полезным. Отношения между братьями и сестрами в редких случаях могут быть репродуктивно окрашенными, как это было в эпоху Птолемеев, но я считаю, что нам следует ограничить употребление слова «гендер» для обозначения нерепродуктивной сексуальности, сексуальности, которая касается выживания и, следовательно, насилия. Мне кажется, что популярность понятия «гендер» имеет отношение, в первую очередь, к тому, что начиная с 1960-х годов основные формы сексуального поведения перестали быть связаны исключительно с репродуктивной функцией. Хотя может показаться, что это уводит нас от темы, но я все же остановлюсь на обсуждении новых репродуктивных технологий, которые, как мне кажется, в некоторой степени касаются гендерных отношений, а не половых различий.

Не то чтобы экономика репродуктивного и экономика сексуального влечения различались в реальной жизни: существует только одно влечение, которое находит разные объекты. Однако я считаю, что если мы аналитически разграничим фантазии, в которые направляется сексуальное влечение, это поможет нам понять ряд явлений. Как писал Фрейд в другом контексте, в клинической ситуации цвета размыты; после того как мы сделаем их более отчетливыми для аналитического понимания, как на картинах примитивистов, после того как мы убьем их, чтобы расчленить, мы должны позволить им снова слиться воедино. Для Фрейда «репродуктивность» пропитана сексуальностью, потому что она возникает в результате направления взрывной сексуальности в эдипальные желания и их последующего подавления. Но репродуктивность в психоаналитической теории (и в более общем понимании) постоянно возвращается к идеологии асексуальной динамики. Эта асексуальность, вероятно, возникает потому, что (опять же в современном западном мире) репродуктивность связана с женщинами. Матери (даже жены и женщины

в целом) не рассматриваются психологически как *субъекты* желания. В идеологии у женщин либо слишком много сексуальности, либо ее вообще нет. Викторианский идеал женщины как асексуальной матери можно рассматривать как икону репродуктивности.

Разграничение «половых различий» для обозначения аспектов репродуктивных отношений и «гендера» для более широкой категории сексуальности не должно восприниматься как некий абсолют. Тем не менее, несмотря на это предостережение, я считаю, что это различие полезно по ряду причин, не в последнюю очередь потому, что оно помогает ответить на вопрос Андре Грина (Green, 1995), адресованный психоанализу: «Что случилось с сексуальностью?», – и вернуть нас к истории сексуальности, которая требует внимания. Клиническое и теоретическое подчинение сексуальности воспроизводству представляет собой скрытое отречение от сексуальности. Такое подчинение, которое, как утверждал Фрейд, было центральным для каждого направления, отпочковавшегося от психоанализа, начиная с Юнга и далее, является, конечно, логичным для истории человечества: полиморфно извращенный младенец должен стать постэдипальным ребенком. (Эта история игнорирует таких отступников, как Вильгельм Райх. Другими словами, мы либо утверждаем, что оппозиция психоанализу – это оппозиция сексуальности, либо мы игнорируем оппозицию психоаналитических сексуальных радикалов.)

Более того, в нашей теории и практике, вероятно, акцент смещается от воспроизводства и половых различий в сторону гендерных вопросов, однако это происходит в то время, когда само понятие гендера выходит за пределы сексуальности. Я упоминала, что историк Джоан Скотт пишет о «гендере» как о категории исторического анализа; она подчеркивает, что использование термина «гендер» указывает на целую систему отношений, которая может включать пол, но не определяется непосредственно полом или сексуальностью (Scott, 1996a). Для психоаналитика должно быть проблематично заменить понятие «половые различия» на «гендер», а затем пере-

осмыслить понятие «гендер» вне связи с полом или сексуальностью. Предлагая пересмотреть и термин «гендер», и термин «половые различия», я задаюсь целью избежать соскальзывания в один из тех видов психотерапии, сторонники которых не отводят сексуальности ведущей роли в формировании психики, или тех, которые считают, что сексуальность существует только в мире насилия. Изучение взаимоотношений братьев и сестер показывают нам, насколько важна сила сексуальности в психосоциальной динамике.

Роберт Столлер, калифорнийский психоаналитик, как известно, провел различие между «полом» как биологическим фактором и «гендером» как социальным измерением человеческого бытия (Stoller, 1968). Феминистские социологи, например Энн Окли (Oakley, 1972) в Великобритани, и антропологи, например Гейл Рубин (Rubin, [1975]) в США, приняли это различие. Когда в социологии стали различать пол и гендер, сексуальность исчезла. Тем не менее за последние десятилетия «гендер» изменил свое значение и стал обозначать также отношения между женщинами и мужчинами (между феминным и маскулинным, женским и мужским) в любом контексте и наравне с расой: таким образом, он может иметь как биологическое, так и социологическое измерение, что восстанавливает место для сексуальности. Хотя я считаю это полезным шагом, но думаю, что нам нужно попытаться внести дополнительные уточнения в понимание «гендера», в том числе и относительно того, что касается сексуальности, чтобы не допустить ее очередного исчезновения. Для этого проще начать с того понятия, которое гендер в значительной степени заменил, но которое, как я утверждаю, следует иметь в виду как отличное от «гендера», то есть с понятия «половых различий».

«Возвращение» Жака Лакана к Фрейду было связано с необходимостью усилить акцент на комплексе кастрации, который представляет собой психическую игру травмирующего запрета, вокруг которого стали символизироваться половые различия. Женщина и мужчина были в равной степени, но по-разному подвержены возможной потере фалло-

са. Это отличие определяет установленное позднее различие между матерями и отцами. Во всех случаях именно половое размножение требует психической сексуальной разницы вне зависимости от того, определяется ли такое различие Богом (как это происходит, по мнению некоторых теоретиков, например, Эрнеста Джонса) или биологическим телом, или оно обусловлено человеческой социальностью. Все дети фантазируют о том, как появляются дети. Те критерии, по которым наша психика конструирует понимание постэдипального ребенка, как раз и лежат в основе половых различий: для этого нужны два *разных* существа или, скорее, два существа, чьи различия *концептуализированы.*

Общепринято, что воспроизводство находится на стороне женщины, а фантазии, которые мы слышим от пациентов и которые наблюдаем у детей, подтверждают ведущую роль матери. Если ребенок Эдип, то тогда именно его мать будет в центре внимания. Специалисты уже не раз подчеркивали, что фрейдистский психоанализ является фаллоцентричным и патриархальным, но при этом забывали, что крен в сторону материнства, который возник в результате желания противостоять патриархату, – это оборотная сторона той же медали. Недавняя попытка сделать мать не объектом потребностей и запросов ребенка, а самостоятельным субъектом и рассмотреть задачу психики как взаимодействие субъекта с субъектом вносит поправки в субъект-объектную эдипальность и доэдипальность, но только за счет принятия половых различий как должного, а не как того, что должно сформироваться, проходя через определенные трудности. Что касается половых различий, то разве не всегда для одного пола другой пол является объектом? Разве это не главное? Я утверждаю, что субъект-субъектное взаимодействие происходит в сиблинговом пространстве, где существуют «гендерные различия».

Субъект-субъектное взаимодействие долгое время находилось в центре феминистского анализа, например, в феноменологическом толковании Гегеля Симоной де Бовуар. Субъект-субъектное взаимодействие в настоящее время при-

влекает некоторое внимание психотерапевтов и психоаналитиков. Тем не менее половое размножение требует сначала притяжения, а затем преодоления инаковости другого на уровне оргазма и воспроизводства, так что инаковость другого превращается в «мы как одно». Но это является лишь временным преобразованием бинарности. То, что женщина считается объектом в силу идентификации, что отсутствие фаллоса является условием комплекса кастрации, делает этот факт важнейшей проблемой для феминизма. Мне кажется, что нет никакой внутренней причины, по которой каждый пол не мог бы воспринимать другой как объект более эгалитарным образом. Но рассмотрение этой проблемы не входит в мои задачи в рамках данной книги. Я просто хочу сказать, что половое размножение требует некоторой концептуализации сексуальных различий, что в свою очередь влечет за собой как субъект-субъектную динамику, так и гетеросексуальность. Существуют и другие способы завести ребенка, но еще нет иных возможностей для деторождения.

Как только Фрейд открыл и сформулировал эдипов комплекс, психоаналитическая теория вошла в сферу «объектных отношений». И поскольку перспектива шла от доэдипального или эдипального ребенка, в фокусе неизбежно оказывалась мать как объект. Из самих предпосылок фаллоцентризма возникло внимание к женской сексуальности, которая, как надеялись, станет его лицевой стороной. Клинически мы говорим о наших матерях. Попытка написать об отцах – это попытка восстановить баланс и сделать репродуктивного мужчину *объектом* нашего внимания. По этой причине меня заинтересовала мужская истерия и то, что происходит с желанием мальчика родить, а не женская истерия как протофеминистическое явление.

Эго – это телесное Эго, женские и мужские тела отличаются морфологически, гормонально, эндокринно, функционально, хотя, конечно, они очень похожи, если сравнивать их с телами жирафов. Половые различия не всегда очевидны, когда мы впервые смотрим на большинство животных.

Тем не менее в случае людей половые различия на уровне телесных признаков воспринимаются как различия репродуктивного характера. Тестикулы, яйцеклетки, сперма, менструация, менопауза, влагалище, клитор, пенис, матка, волосы на теле, тембр голоса, форма таза, рост, вес и размер независимо от того, влияют ли они непосредственно на разные репродуктивные функции, имеют следующее значение: они способствуют фантазиям о половых различиях, представлению женщин и мужчин об их отличии друг от друга. То же самое можно сказать и об одежде, прическах, словесных идиомах и множестве других знаков отличия в культурном и социальном измерении. Таким образом, наши Эго всегда имеют половой признак, который непосредственно связан с репродуктивной функцией. Истерик, который не принял во внимание половые различия или не смог сформировать понимание, что для размножения нужны два разных пола, в какой-то степени лишен Эго, его Я, как блуждающий огонек, то «опустошенное», то грандиозное.

Хотя половые различия и различия репродуктивной системы могут быть биологически обоснованы, они не более «естественны», чем Эго на стадии зеркала. Они формируются как репрезентация в зеркале желания другого: Фрейд задается вопросом: почему мы предпринимаем так много усилий, чтобы провести различия между мужчинами и женщинами, когда они так похожи во многих важных аспектах? Ответ заключается, безусловно, в том, чтобы на психическом уровне обозначить половые различия, необходимые для полового размножения.

Я бы сказала, однако, что репродуктивного влечения не существует, существуют только репродуктивные фантазии. Если воспроизводство связано с женщиной, то сексуальность (на Западе) – это территория мужчины. Что имел в виду Фрейд, говоря, что существует только одно либидо, мужское, если не то, что оно является таковым и для женщин, и для мужчин? Психоаналитическая (фрейдистская) теория, безусловно, является фаллоцентричной, так как западные

идеологии признают за мужчиной сексуальность, а за женщиной – асексуальное материнство. То, что либидо является мужским для обоих полов, свидетельствует о проблеме, о которой я расскажу позже (в главе 9), о проблеме «маскулинности» так называемого гендерного нейтралитета, будь то на работе или в сексуальной активности; ведь говорят: «Она беспорядочна в своих связях, как мужчина».

Поскольку психоанализ следовал за общекультурной тенденцией подчинения сексуальности размножению, он потерял собственное революционное понимание важности сексуальности; оно перешло от понимания психического симптома как проявления сексуальности к следованию за игрой фантазии. Клинический перенос, который должен выявлять тупики, создаваемые фантазиями (Lacan, 1982a), может стать решающим фактором терапевтического лечения и теоретических исследований. Вступать или не вступать в брак, заводить или не заводить ребенка – индикатор «излечения». Восстановление центральной роли сексуальности повлекло бы за собой отнесение симптома обратно к бессознательным репрезентациям о сексуальном влечении, которое и составляет его основу. Существенная часть этого сексуального влечения даже в идеальных образцово-показательных семьях является перверсивной.

Переосмыслить «Три очерка по теории сексуальности» Фрейда (Freud, 1905) – значит столкнуться с парадоксальным ощущением. Основные идеи этих очерков, в частности существование детской сексуальности, уже давно являются общепринятыми, но все же многое из изложенного в этой работе представляется достаточно революционным. Предложенное Фрейдом было новаторским не только для 1905 года, оно и поныне является таким. Несмотря на то, что его идеи приняты, они так и не стали неким общим местом или частью приемлемой идеологии, они остаются столь же радикальными, как и во времена написания этой работы.

Октав Маннони назвал «Три очерка» «книгой влечений» (Mannoni, 1968). Именно в этой книге мы можем найти утра-

ченную психоанализом сексуальность – это книга, которая начинается с описания человека как неизбежно извращенного и ставит под сомнение любую идею о естественных и нормальных сексуальных желаниях, опосредованных «половыми различиями» и воспроизводством. Внедрение понятия «гендер» в психоанализ может иметь такие же радикальные последствия, как и «Три очерка», поскольку «гендер» не подразумевает необходимость генитальности, фиксированного сексуального объекта или воспроизводства. Хотя гендер и указывает на определенные различия, они не являются в данном случае структурообразующими. Разница между полами, на которую указывает гендер, лежит вне его рамок, и поэтому он исключает какую-либо иерархию. Для гендера неважно, относится ли он к мужчине или к женщине. По аналогии с расой гендер создает свои собственные различия, но они не являются неотъемлемой частью концепции в отличие от «половых различий». «Гендер» – это выросший полиморфно извращенный ребенок. Его мораль не подчинена сексуальности воспроизводства. Она происходит из отношений между сексуальностью и насилием в борьбе за психическое выживание, которое на определенном этапе интерпретируется как доминирование.

Я полагаю, что мораль гендера связана не с принятием половых различий, а с разрешением проблемы насилия, со способностью принять другого «такого же, как я» вместо того, чтобы убивать его. Этот «такой же, как я» другой, с одной стороны, такой же в плане человеческих потребностей, но одновременно и другой: сходство в несхожести, несхожесть в сходстве. В отношениях, базирующихся на репродуктивных «половых различиях», другой объект иллюзорно предлагает то, чем не обладает субъект. С гендером дела обстоят по-другому. «Гендер» не предполагает того, что считается «отсутствующим», например отсутствующего фаллоса, и не подразумевает его замену, такую как компенсация в виде ребенка (когда «ребенок равен фаллосу»). «Три очерка» освещают темы перверсий, инфантильной сексуальности и полового созревания.

Должен быть четвертый очерк, который бы поставил акцент на нерепродуктивной сексуальности, который в свое время мог бы быть столь же шокирующим, как и понятие детской сексуальности, – о сексуальности женщины в постменопаузе. (Хелен Дойч (Deutsch, 1947) записала ответ принцессы Меттерних, когда ее спросили о сексуальной жизни женщины в пожилом возрасте: «Вам придется спросить кого-то другого, мне только шестьдесят». Как и в случае с «открытием» детской сексуальности все, кроме экспертов, знали об этом всегда.)

С 1960-х годов воспроизводство и сексуальность стали существовать отдельно, сами по себе. Фрейд однажды заметил, что тот, кто найдет средства для достижения этого, сделает нечто невероятное для человечества. Лишь в немногих западных странах естественное воспроизводство остается основным источником восполнения населения: чем выше уровень экономического успеха женщин, тем больше вероятность «бездетности». С социальной точки зрения потребность в детях не связана с гетеросексуальностью и репродуктивным возрастом. С биологической точки зрения это не совсем так, хотя сейчас реальность почти уже соответствует фантазиям, поскольку становится возможным вынашивать эмбрион в анальной полости. Я полагаю, что влияние на психическую жизнь оказывают не эти социальные или технологические изменения. Скорее в психической жизни есть что-то скрытое, что отвечает им, для этих изменений должны были существовать предпосылки, потому что асексуальное размножение является распространенной фантазией со многими вариациями, эта фантазия со временем может быть реализована технологически. Джудит Батлер, пропагандист «гендерных проблем», задает вопросы, которые указывают не столько на нечто универсально радикальное, сколько на потенциальную возможность в конкретном историческом времени и в весьма ограниченном географическом месте:

> Является ли разрушение гендерных бинарностей настолько чудовищным, настолько пугающим, что его следует

признать невозможным по определению и эвристически исключенным из любых попыток осмыслить гендер? (Butler, 1999, p. viii)

[Этот] текст ставит вопрос: как ненормативные сексуальные практики подвергают сомнению стабильность гендера в качестве категории анализа? Каким образом определенные сексуальные практики заставляют задуматься: что такое женщина, что такое мужчина? (ibid., p. xii)

«Ненормативные», вероятно, должны быть заменены на «нерепродуктивные». Если подходить к этому вопросу более фундаментально, я бы сказала, что мы можем оспаривать «гендерные бинарности», как предполагает Батлер, именно потому, что гендер, в отличие от половых различий, не является бинарным (см. главу 6).

Множественность форм сексуальных отношений была включена в повестку дня с самого начала второй волны феминизма 1960-х годов. Об этом писала и я в своей первой работе по этой теме (Mitchell, 1966). Теперь я считаю, что само понятие гендера возникло под влиянием этой предлагаемой плюралистической программы. Однако, если до сих пор искали взаимосвязь между социальными изменениями и психикой, обращаясь в сторону очень медленного изменения содержания Эго, сейчас я бы сказала о гораздо большем уровне взаимодействия между этими двумя сферами[2].

В конце XIX века патриархат был самой заметной социальной силой. Отец занимал ключевое место в психологических рассуждениях Фрейда. Однако, как ни странно, в этот период возросла важность ребенка, а вместе с ним и матери. Мало того, что спустя два десятилетия эти социальные изменения повлияли на психоаналитическую теорию и способствовали развитию так называемого «психоанализа материнства» (Sayers, 1991), но и главная психическая фантазия о ребенке и его матери стала еще более доминирующей с изменением социальных практик. Такие скрытые психические факторы способствовали социальным изменениям. Это спра-

ведливо и в отношении возросшего внимания к сиблингам. Суть очевидна, однако любому из нас трудно воспринимать то, что еще не возникло.

Мой довод состоит из трех частей, третья из них представляет для меня наибольший интерес: 1) сдвиг от понятия «половые различия» к понятию «гендер» указывает на переход от доминирования репродуктивных объектных отношений, эдипальных и доэдипальных материнских отношений, к целому спектру «полиморфно извращенных» сексуальных договоренностей; 2) предыдущее доминирование воспроизводства частично ответственно за упадок определяющей роли сексуальности в психоанализе; 3) сохранение полиморфно-извращенной, нерепродуктивной сексуальности происходит через латеральные, а не вертикальные отношения в контексте сиблингов, сверстников и свойственников. Другими словами, точно так же, как единство «младенец—мать» оставалось латентным в период расцвета патриархального психоанализа, так и сиблинговое/латеральное остается латентным на протяжении репродуктивного (неизбежно более матриархального, чем патриархального) периода. Я думаю, что свидетельства этому, а также вытеснение и подавление этого измерения могут быть найдены в работах, имеющих отношение к двум мировым войнам.

Что будет или должна представлять собой эта латеральная гендерная сексуальность? Как это повлияет на нашу теорию? Согласно моим предположениям, есть ряд аспектов этого вопроса, которые требуют дальнейшего клинического исследования. В последующих главах я подробно остановлюсь на некоторых из них. Появление сиблинга (или осознание присутствия старшего другого, который схож с самим субъектом) вызывает экстаз в нарциссическом плане и отчаяние в связи с чувством уничтожения, с возможностью быть смещенным или замененным. Родитель очарован самодостаточной игривостью младенца. Но другой ребенок, обычно сиблинг, радуется по своим собственным причинам. Какие психические механизмы задействованы в этом?

Вместо царя Эдипа мы обратимся к Антигоне: братья-убийцы, сестра Антигона, которой известно значение смерти, и другая сестра, Исмена, которая его не знает. Предложенный мной «комплекс Антигоны» затрагивает конфликт жизни и смерти, «себя и других». Это подразумевает власть, насилие, любовь и ненависть. Тогда вместо отцовского фаллического «нет», обращенного к кастрирующей матери (и материнского «нет» относительно возможности забеременеть, о котором я говорила ранее), у нас есть сестра Антигона, настаивающая на том, что нужно признать двух братьев, не только одного, даже если они отличаются друг от друга, так как и на войне, и в смерти они равны. Вместо «латентности», перерыва между Эдипом и половым созреванием (двухфазная «сексуальность»), латеральная сексуальность подчиняется социальному/образовательному исполнению закона Антигоны: разные, но равные. Латеральное желание не включает символизацию, возникающую из-за отсутствия фаллоса (или матки); оно включает последовательность. Как часть последовательности девочки и мальчики являются «равносторонними», другими словами, они не определяются тем, чего у них нет. Девочки и мальчики исследуют то, что *есть*, а не то, чего нет.

По-видимому, нет смысла обозначать половые различия в качестве социальной конструкции, когда речь идет о размножении. Гендерная сексуальность может быть реализована в трансгендерности, гомосексуальности и гетеросексуальности. «Латентность» менее заметна, чем в более ранние исторические периоды; это вполне может быть связано с тем, что возрастает роль школы по сравнению с горизонтальными семейными привилегиями и роль сверстников по сравнению вертикальными отношениями ребенок – родитель. Доминирование группы латеральных сверстников способствует нерепродуктивному сексуальному исследованию всех видов. Но насилие, которое является ответом на угрозу «смерти» или уничтожения субъекта, присуще сексуальности и может быть тем, что способствует реализации мужского превосходства. Сестры и братья знаменуют критическую точку сходства

и различия – «Это ваша сестра?». «Некто более близкий» – для транссексуалов или трансгендеров, но более далекий в случае свойственников, с которыми можно вступить в брак. На одном конце латеральности лежит минимальная дифференциация, на другом – гораздо большее разделение, когда братья и сестры любят, лелеют и защищают, убивают, насилуют или просто перестают общаться. «Комплекс Антигоны» – это только один из аспектов латеральности. Комедии Шекспира могут стать детской игровой площадкой, где мы могли бы искать удовольствия от сиблингового сходства и различий; радость ребенка в ребенке.

Глава 6

Кто сидел на моем стуле?

В работе «Миф структурного анализа: Леви-Стросс и три медведя» Э. А. Хаммель указал на то, что, если бы бинарная логика была универсальной (как предложил считать Леви-Стросс), нам не нужно было бы думать об этом. Хаммель утверждает, что бинарное мышление – это редуктивная, но не универсальная тенденция ума. Он отмечает:

> Анализ всегда имеет дело с анализом вариаций, а не единообразия. Таким образом, если бинарная логика действительно универсальна, то нет смысла ее изучать, и, если она не является таковой, а является фундаментальной для философских и аналитических методов наблюдателя, ее наличие в другой культуре нельзя будет продемонстрировать (Hammel, 1972, p. 7).

Это серьезный вызов для любой теории, предлагающей некую универсальность. Подобный вопрос должен быть адресован психоанализу в не меньшей степени, чем Леви-Строссу. Хотя критика Хаммеля является во многом обоснованной, в случае психоанализа, я полагаю, ее недостаток заключается в том, что клинические наблюдения в некоторой степени оторваны от теории. В соответствии с бинарной логикой необходимо, чтобы эдипов комплекс понимался как универсальное явление; однако различные патологии, которые являются объектами исследования, не предлагают нам ничего, кроме вариаций. Насколько мне известно, большинство клиницистов обращаются не к универсальным категориям, как то эди-

пов комплекс, зависть, истерия и т. д., а только к различным специфическим проявлениям, встречающимся в их практике. Придерживаясь феминистических взглядов на более раннем этапе моей работы, я использовала эдипальный и кастрационный комплексы как универсалии, чтобы посмотреть, сможем ли мы объяснить то, что сейчас называется «трансверсальным» угнетением женщин (Mitchell, 2000b). Мой собственный опыт учебного анализа не выявил таких соответствий, хотя и не отменил их. Я помню свое удивление, когда однажды мой аналитик (Энид Балинт, см. главу 3) сказала: «Черт возьми! Полагаю, нам лучше поговорить о старой доброй зависти к пенису». Так мы и сделали, прежде убрав весь мусор неинтересного универсального. Как говорит Хаммель, нет смысла изучать универсальное; тем не менее есть определенный смысл в том, чтобы понять, являются ли различные вариации отдельными объектами или они как-то связаны между собой. Я не думаю, что наблюдатели держат в уме эдипов комплекс, истерию, зависть или важность сиблинговой проблематики. Сомнения в бинарной логике представляются вопросом совершенно иного рода.

Согласно психоаналитической теории, триангуляции эдипова комплекса усиливают бинарные оппозиции: fort/da (прочь/тут)[1], отсутствие/присутствие, параноид/шизоид, мать/ребенок, которым мы изначально подвержены. Как антрополог, Хаммель отмечает преобладание такого типа отношений, когда третье оказывается на пересечении двух, так же как в психоанализе мы используем комплекс Эдипа, чтобы указать на переход от бинарной системы к триангуляции: отношения ребенка с двумя родителями составляют треугольник. Тем не менее Хаммель демонстрирует далее, что сказка о Златовласке и трех медведях* значительно превосходит эту треугольную структуру. Сказка «Три медведя» на самом деле указывает, что в нашем мышлении и на практике сложность

---

* «Три медведя» – популярная английская детская сказка, переведенная на многие языки мира. В наиболее распространенной английской версии девочку зовут Златовласка. – *Прим. пер.*

заключается не столько в том, чтобы выйти за пределы трех, а в том, чтобы превзойти двух или трех и выйти по последовательность. Эта проблема иллюстрируется тем, как надо переместить Златовласку и/или Медвежонка, чтобы освободить место вокруг стола для еще одного стула. Медвежонок – счастливый малыш, поскольку он может созерцать двух родителей, а они его, но что будет, если кто-то займет его место? Захватчице не нравится большой стул отца, так как он слишком жесткий, или стул матери среднего размера, так как он слишком мягкий, тогда как стул Медвежонка приходится ей в самый раз, поэтому она хочет сидеть на его месте. Заняв детский стульчик Медвежонка, Златовласка, которая представляет здесь старшую сестру, ломает его. Можно сказать, что она нарушает бинарную логику, которая сопутствует триангуляции эдипова комплекса.

Однако свойственна ли бинарная модель сиблинговому способу мышления? Бинарность относится к репродуктивным родителям; братья и сестры представляют собой последовательность: «Миссис Кляйн спросила, кем была вторая рыба. Ричард ответил, что это Пол [его брат]... Затем он быстро стал писать много цифр, начиная с 1... Ричард, недолго думая, сказал, что все они были маленькими детьми» (Klein, [1961], p. 293–294).

Даже лучшие психоаналитики, такие как Дональд Винникотт или Энид Балинт (см. главу 3), размышляя о важности признания субъектности другого человека, относят эту проблему к бинарной оси «ты и я» (мама и малыш). Согласно им, признание – это понимание матери того, кем является (или становится) ребенок и что он чувствует. Эти аналитики с уважением относятся к важности эдипального третьего, но маргинальная структурная позиция отца указывает на то, что в их теориях эдипов комплекс не разрешен. Лакан, который критикует всех аналитиков, относящихся к школе объектных отношений, за упущение комплекса кастрации, признает, что так же, как трое нужны для того, чтобы воспринимать двоих, так их должно быть четверо, чтобы воспринимать троих.

Он вводит четвертый термин, термин «мертвый отец» (место закона), в отношении которого все должны найти свое место, чтобы избежать психоза. Это связано с тем, что смерть (согласно Фрейду и Лакану) может быть представлена в бессознательном посредством кастрации. Я хочу сказать, что мы упустили из виду последовательность, которая лежит в основе этого четвертого персонажа: он будет козлом отпущения, маргиналом или его убьют на войне.

Человек нуждается в различного рода признаниях, что он очень похож на сиблинга, но при этом остается другим. Эта проблема лежит в основе групповой психологии, которая определенно выходит за рамки трех; это проблема латеральной идентификации и далее – смещения либо дифференциации. Вполне возможно, что в некоторых культурах признание латерального сходства и различий будет сразу же обозначено кем-то: родители должны признавать различия между своими детьми. Но дети тоже должны признавать друг друга. Это признание, в конечном счете, не может быть зеркальным отражением, риск чего существует в случае близнецов. Каждый ребенок (или социальная группа) должен предоставить другому признание автономии. Работа Симоны де Бовуар может служить иллюстрацией этого аргумента, потому что она обнаружила, что такого рода взаимное признание отсутствует в отношениях между мужчинами и женщинами. Де Бовуар утверждала, что мужчины не учитывают женскую субъектность, а женщины и не претендуют на это. Отношения между двумя этими группами не основаны на взаимном признании индивидуальности другого. Когда этого признания не хватает, то происходит срыв либо в идеализирующую любовь, либо в разрушительную ненависть, либо в любовь без границ (инцест), либо в ненависть без границ (убийство), и социальные отношения, основанные на равенстве, не могут быть установлены. Тезисы де Бовуар о мужчинах и женщинах во «Втором поле» (1947) теперь звучат для меня как замечательная отсылка к неразрешенным сиблинговым отношениям (de Beauvoir, 1972).

Как упоминалось в главах 1–2, именно работа над проблемой истерии привела меня к линейной модели, включающей четвертого и последующих участников. В этой главе я уделю внимание нормальной реакции со стороны сиблинга: он должен пережить как травму неуникальности, так и ее разрешение, в результате которого человек занимает свое место в социальной группе. Социальность подразумевает серийность, а также связность[2]. Каждый чувствует себя несуществующим, когда четвертый, занимает его место, и он ниоткуда не может получить признания. Подобный опыт повторяется на протяжении всей жизни. Тем не менее его первоначальное переживание связано с появлением сиблинга или, как в случае Медвежонка, внезапным признанием значимости старшего ребенка, который резко и травматично вторгается в его сознание. Тот, кто чувствует себя смещенным, отказывается признавать нового или вновь обретенного сиблинга – другого. Иными словами, нормальное затруднительное положение сиблинга лежит в основе истерической реакции, когда истерик должен быть уникальным. Дело не в том, что истерия перемещается между фертильным мужчиной и репродуктивной женщиной. С точки зрения Лакана, главный вопрос для истерика – «Я мужчина или женщина?». Эта несимволизированная бинарность является выражением истерического симптома, таким же, каким могла бы быть слепота. Лакан принимает истерическое послание за смысл. Смысл в том, существую я или не существую, «Быть или не быть, вот в чем вопрос», как это понял «истерик» Гамлет.

Истерик не может эмоционально позволить себе узнать захватчика, который поэтому должен быть ассимилирован через соблазны одинаковости или изгнан за счет исключения различий. В этой ситуации на сцене появляются насильственная смерть или инцест, разрушая социальную возможность признания сходства и различия. Златовласка, тот другой ребенок, четвертый, пятый или шестой... в семье, должны быть рассмотрены в контексте эдипальной и доэдипальной схем. Златовласка – это сиблинг, которого Медвежонок, *единст-*

венный в своем роде, не хочет видеть в своей семье. Златовласка является отличной метафорой того затруднительного положения, в котором оказывается сиблинг, объединяя в себе и старшую сестру, и захватчика. Она показывает нам, что психически сиблинги одинаковы, они несут с собой идентичные проблемы, даже если феноменологически они различны.

В некоторых ранних версиях истории о Златовласке и трех медведях захватчиком, который представлен в образе Златовласки, является бродяга, бездомный, не имеющий собственной семьи: медвежонок, как любой ребенок, желает, чтобы захватчик или навязчивый сиблинг был изгнан, но в таком же положении себя может чувствовать и старший ребенок, которого отправили из дома. Таким образом, когда медведи возвращаются из лесу с прогулки, Златовласка скрывается, выпрыгнув в окно. «Никто не может сказать, сломала ли она себе шею при падении или убежала в лес и там потерялась, или же нашла дорогу из леса и была поймана констеблем, который отправил ее в исправительный дом для бродяг. Только три медведя больше о ней ничего не слышали» (Jacobs, [1890], p. 98). Это видение того, что должно случиться с любым, кто пытается разрушить или украсть место единственного ребенка, но это также и закономерная судьба асоциального ребенка и взрослого психопата, который может оказаться в тюрьме, в исправительном доме.

З. Фрейд, а позднее А. Фрейд рассматривали сиблинговые отношения как продолжение эдипальной ситуации. Напротив, Лакан поместил их в предсимволическое воображаемое царство как аспект области доэдипальной матери. В клинических отчетах психоаналитиков, относящихся к школе объектных отношений (последователи Кляйн или принадлежащие к британской группе независимых психоаналитиков), упоминания братьев и сестер встречаются чаще, но остаются на описательном уровне. Дело не в том, что они отсутствуют в наблюдениях, а в том, что психоаналитическая теория во всех своих версиях лишает их структурирующей роли в формировании бессознательных процессов. Однако *важ-*

ность сиблингов в таких процессах была все-таки отмечена. Например, Фрейд в «Толковании сновидений» (Freud, [1900–1901]) мимоходом заметил, что *никогда не* сталкивался с женщиной-пациенткой, которая не мечтала бы убить своего родного брата. Но дальше этого его размышления не идут. Волкан и Аст (Volkan, Ast, 1997) посвятили свое исследование обнаружению сиблингов в бессознательном. Помимо психоаналитической литературы, в недавно вышедшем сборнике случаев и рассказов под названием «Сестры» (Farmer, 1999) одна женщина рассказывает, как каждую ночь, когда ей было восемь или девять лет, ей снились кошмары, что ее старшая сестра убивала ее, и только в зрелом возрасте она узнала, что в то же самое время старшей сестре снилось, что *она убивает* свою младшую сестру.

Тем не менее то, что наблюдается в большинстве этих случаев, представляет собой манифестируемое содержание сновидений. Доступ к так называемому скрытому содержанию, то есть к истории, которая лежит под поверхностной картиной сна, можно получить только посредством «свободных ассоциаций» сновидца. Человек, представленный во сне, обычно заменяет человека, о котором *нельзя* думать в этом контексте. Поэтому сестра или родной брат могут стать заменой кого-то еще. Но в равной степени кто-то еще может представлять сиблинга. Для того чтобы братья и сестры формировали бессознательные ментальные структуры или оказывали на них влияние, они сами должны быть объектами желаний и запретов, тотемов и табу. Там, где имеет место социальное, только то, что они являются объектами запретного желания, перемещает их с уровня сознания на уровень бессознательного.

Что вызывает такие бессознательные процессы? В классическом смысле это вытеснение, отрицание и отбрасывание эдипальных желаний, вследствие чего эти желания и запреты становятся бессознательными. Объект этих запрещенных желаний следует за представлением этих желаний в бессознательном и оказывается «забыт» как таковой. Механизмы, от-

вечающие за амнезию, встречаются с первоначальным Оно, которое является неким неизвестным конституциональным и психически врожденным заполнением психического повреждения. Это повреждение было выгравировано в будущем субъекте потенциально травмирующей беспомощностью человеческого существа. Мое предположение состоит в том, что братья и сестры связаны со множеством других желаний, отличных от вертикальных, эдипальных, которые имеют дело с бинарной перспективой, и что они также должны сталкиваться с различными формами защиты и, следовательно, порождать бессознательные процессы. Вытеснение инцестуозных сиблинговых желаний в нашей культуре может быть намного слабее, чем вытеснение желаний матери, но оно чрезвычайно сильно среди тробрианцев (глава 9). Прежде всего, я считаю, что это желание убить сиблинга должно быть вытеснено и, следовательно, помещено в бессознательное. Однако существует также запрет на латеральный инцест или в редких случаях, как в эпоху Птолемеев, жесткий контроль его различных форм.

Независимо от принадлежности к тому или иному психоаналитическому направлению на *практике* все терапевтические методы используют интерпретации и реконструкции, которые осуществляются в основном в рамках вертикальной парадигмы отношений родителя и ребенка. Чтобы посмотреть на другую структуру, нам следует рассмотреть скрытые проблемы, стоящие за наблюдениями, фиксирующими значимую роль братьев и сестер. Основное внимание в этих наблюдениях почти всегда уделяется соперничеству и насилию между братьями и сестрами. Такое соперничество имеет решающее значение. Но в отношениях между братьями и сестрами или ровесниками также явно присутствует сексуальное желание, как и запреты на сиблинговый инцест. Если эти запреты и средства контроля существуют (а они существуют), представлены ли они каким-то образом в бессознательных процессах не просто как манифестируемое содержание, а как скрытые структуры?

Когда мы замечаем отсутствие сиблинговой парадигмы или теории, исчезновение истерии (и, в частности, мужской истерии), давшей начало новой науке – психоанализу, и относительное игнорирование психопатии, мне кажется, мы понимаем, чего именно не хватает. Отсутствует небинарный мыслительный процесс, сознательный и бессознательный.

С точки зрения психотерапевтов, отошедших от ортодоксального психоанализа, таких как Карл Юнг, психоанализ следует рассматривать в качестве индивидуальной психологии. Теория объектных отношений была отчасти ответом на это обвинение: если Фрейд интересовался психологией одного человека, то объектные отношения рассматривали двух – мать и ребенка. Современные «интерсубъективные» направления психологии стремятся выйти за пределы одного и двух, захватывая трех, четырех и более. Таким образом, они решают проблему, озвученную Хаммелем на примере сказки о «Златовласке и трех медведях». Но я считаю, что историческая картина истолковывается неправильно. Когда мы неверно понимаем историческую картину, мы имеем дело с ошибочным восприятием проблемы, что толкает к ложным решениям. Ложные решение следуют одно за другим. Вместо этого нам нужно создать другую структуру – структуру последовательности, которая представляет собой аналог детской считалки (см. главу 2).

Как я уже подчеркивала, именно клиническая работа с истерией привела меня к идее об отсутствующих братьях и сестрах. Однако усомниться в уникальной интерпретации эдипальной проблемы меня заставила не истерия в кабинете терапевта, а истерия, присутствующая в жизненных драмах, на полях битв и в спальнях. Чем пристальнее я рассматриваю проблему, тем больше мне кажется, что наше внимание должно быть устремлено на те явления, которые разворачиваются *за пределами* кабинета. В кабинете трудно уловить происхождение и социальное формы выражения психического заболевания; в свою очередь, это упущение формирует неправильное понимание того, что психоанализ является индивидуальной

психологией. Психоанализ не является и никогда не был индивидуальной психологией. Тем не менее упущение латерального вектора отношений, я полагаю, поддерживает это ошибочное представление. Психоанализ направлен на интернализацию человеком социальных отношений. Но именно реакции на интернализированных родителей, которые лелеют и защищают или пренебрегают и разрушают, становятся частью психического мира субъекта. Что здесь часто игнорируется, так это то, что среди великанов также присутствуют и дети. Братья и сестры, как и сверстники, могут проявлять заботу или выступать в роли агрессоров, но они могут также и *отзеркаливать:* ребенок может начать формировать образ самого себя через подобных ему других. Социальный мир отчасти является иерархией, но отчасти также миром, который отражает ребенка и подобен ему. Знание об устройстве социума зависит от интернализации более широкого мира, но в то же время ощущение себя *как социального существа* зависит от образа себя, рассматриваемого с точки зрения этого социального мира. Для начала я хочу остановиться на связи между истерией, травмой и психопатией, а затем рассмотреть случай мужской истерии, который требует сиблингового измерения.

Чтобы продолжить рассмотрение вопроса об интернализации социального мира, назову те случаи, когда это не удалось. Самым очевидным случаем неудачной интернализации является психопатия, о которой я расскажу в главе 9. Я полагаю, что психопат не достигает интернализированного представления о себе или о другом; таким образом, он лишен чувства собственного достоинства или уважения к другим. Что-то пошло не так, знание о социальном мире вроде бы усвоено, но не имеет смысла. При этом психопатия не является дискретной категорией, как в случае неврозов, мы видим здесь континуум: каждый из нас может вести себя как психопат или стать психопатом на какое-то время. В «исправительные учреждения» заключены не только люди, подобные Златовласке, которые воруют, лгут, обманывают и убивают, в определенных условиях все мы так делаем. Если такие учреж-

дения, как тюрьма, сдерживают психопатов, такие учреждения, как крупные корпорации, производят их. Существует тонкая грань между законным и незаконным психопатическим поведением. Солдат, который грабит, насилует и убивает мирных жителей, одновременно борется за демократию в своей стране. Зло есть во всех нас.

Истерия и психопатия – разные состояния, но некоторые их области частично совпадают. Я считаю, что эти совпадения связаны с травмой. Ранее я говорила, что решающее различие между истерией и травматическим неврозом заключается в локализации травмы. При травматическом неврозе травма находится в настоящем, при истерии – в прошлом. В каждом препятствии, которое стоит на пути истерика, он видит свою прошлую травму. Травма присутствует и в психопатии, как, впрочем, и во всех психических состояниях. Там, где истерик регрессирует к своей прошлой травме, мелодраматизирует свою уникальность, чтобы привлечь внимание, в котором он нуждается, и почувствовать, что он вообще существует, и где страдающий от травматического невроза переполнен страхом ежедневного существования, думая о том, что он подорвется на мине, как его напарник, психопат не покинул прошлого, которое воспринимается им как вечное настоящее. Он не регрессирует, потому что у него нет места для регресса. Время – это ровное игровое поле, в котором нет «до» и «после», нет дискриминации, нет нарушений, потому что нет правил. Психопат продолжает жить среди трудностей раннего детства, к которому возвращается истерик и которое заново переживает страдающий от травматического невроза в кошмаре сегодняшнего дня.

Психопатия, истерия и травматический невроз обладают важными и схожими поведенческими характеристиками: склонностью к сильной раздражительности в присутствии других людей, трудностями с тем, чтобы оставаться одному; привычной лживостью и мошенничеством; неспособностью любить на постоянной основе; отсутствием границ, которые ограничивали и сдерживали бы насилие и сексуальность.

Страдающий от травматического невроза, по мнению всех, кто его знал ранее, «изменился»; истерик колеблется между очаровательным обаянием и неконтролируемой пошлостью; психопат характерно угрюм, саркастичен и носится со своей ничтожностью, как с писаной торбой.

Из всех характеристик, которые присущи этим трем состояниям, несмотря на все различия в их выражении, раздражительность кажется мне той, которая в наибольшей степени требует латеральной интерпретации. Я планирую сначала рассмотреть опубликованный случай истерии, а затем один из примеров психопатии, чтобы проиллюстрировать важность отношений братьев и сестер для этиологии этих двух состояний. Для иллюстрации истерии я обращаюсь к случаю, который сначала был диагностирован как случай травматического невроза. Дифференциальный диагноз между истерией и психическими последствиями травмы был важнейшим в период Первой мировой войны. Следующий случай, который ранее я рассматривала с другой точки зрения, был сначала включен в полемику, показывающую, что к истерии, а не травматическому неврозу относится неправильное согласование эдипальных желаний и запретов. Этот аргумент укрепил вертикальную перспективу, несмотря на ряд латеральных доказательств. (Как и в случае с Сарой, я упомянула этот редкий случай мужской истерии в «Безумцах и медузах» (Mitchell, 2000a); теперь мне кажется, что роль братьев и сестер простирается за рамки истерии.) Здесь же, сравнивая этот случай не с травматическим неврозом (задача Эйслера – Eisler, 1921), а с психопатией, я намерена показать не то, чем они отличаются, а то, где они пересекаются, и что в основе обоих состояний лежит социопатия в отношениях между братьями и сестрами.

Истерик был свергнут с позиции всемогущества и уникальности своим сиблингом, и он любой ценой пытается туда вернуться. Что касается психопата, то Винникотт описал несколько случаев и пришел к выводу, что до развития психопатии он был антисоциальным ребенком, а до этого – депривированным младенцем. Мы могли бы сказать, что еще до того,

как психопат был свергнут, он уже не был королем. Лишения, отсутствие заботы или защиты никогда не позволяли ему быть «Его Величеством Младенцем». У него нет запаса всемогущества, недостаточно развито ощущение собственного бытия, которые могли бы помочь ему обрести стойкость. Но, как и в случае истерии, у психопатов присутствие других людей легко вызывает сильное раздражение, как будто с ним обращаются неподобающим образом. Поскольку родители могут отвечать всем требованиям, мне кажется, что причина может крыться в братьях и сестрах.

Хотя при постановке своих критических вопросов я опиралась на собственный клинический опыт, для иллюстрации истерии я обращаюсь случаю «бессознательной фантазии о беременности у мужчины под маской травматической истерии». Этот случай из практики венгерского аналитика Михаэля Эйслера, наблюдения были сделаны в 1921 году, и он был пересмотрен и переосмыслен Жаком Лаканом в 1956 году (Lacan, 1993). Материал богат отношениями между сиблингами: у пациента было тринадцать братьев и сестер, однако, поскольку в теории Лакана братья и сестры подчинены «воображаемому» предсимволическому царству матери, о них вообще не упоминается. В отличие от Лакана Эйслер действительно предлагает нам материал, связанный с сиблинговыми отношениями, но вынужден понимать этот материал в сложных эдипальных и кастрационных категориях. Он относит проблему беременности к анальному эротизму. Пациент Эйслера, похоже, страдает от травматического несчастного случая, но на самом деле он не «травматический невротик», а «истерик», и проблема его не в том, что он выпал из трамвая, в котором он работал кондуктором, а в том, что он хочет родить.

Во время Первой мировой войны большое количество солдат-инвалидов демонстрировали истерические симптомы. Не удавалось обнаружить органические причины, вызывавшие паралич, судороги, мутизм или припадки. Среди психиатров и психоаналитиков возник спор о том, связана ли истерия с эдипальной проблемой или это следствие трав-

мы, которая, согласно современной терминологии, могла бы вызвать симптомы посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), или, в терминах вчерашнего дня, «травматический невроз». Эйслер описывает этот случай, чтобы продемонстрировать, что, хотя его пациент, кажется, страдает от, по-современному, ПТСР, он на самом деле является эдипальным истериком с «пассивными» или женскими эдипальными сексуальными фантазиями о зачатии ребенка от отца. В этом описании мужской истерии, как и во многих других случаях, псевдотравма проявляется как манифестируемая истерия, которая понимается в качестве скрытой гомосексуальности. Я считаю, что истерия считается женской болезнью отчасти из-за недостаточного признания смысла фантазий о беременности. Как будто нельзя признать фантазии мальчика о беременности и родах и таким образом избавиться от предубеждения, что даже психически рожать могут только женщины.

В нашем случае описание болезни представляет собой изложение симптомов и соответствующей истории мужчины-вагоновожатого с бессознательной фантазией о беременности. Я полностью привожу следующий сон, поскольку буду использовать его в качестве ориентира.

> Неизвестный друг пригласил его приехать на свою ферму. Там он показал ему сначала конюшню, где можно было увидеть животных для разведения, размещенных в определенном порядке и помеченных в соответствии с именем и родословной. В маленькой отделенной нише он увидел множество куриных яиц, покрытых соломой. Он взял поразительно большое яйцо в форме боба и осмотрел его с величайшим удивлением, так как на нем были отдельные буквы, которые становились все яснее и яснее. По возвращении своего друга он поспешно положил яйцо на место. Затем они вышли во двор, где в загоне выращивали животных, напоминающих крыс. Они источали невыносимый запах. Ферма располагалась на гребне холма; внизу лежал пустынный погост с лугом посередине. Под дере-

> вом он увидел осевшую могилу и часовню рядом с ней. Он пошел туда со своим другом, справа и слева по проходу лежали детские гробы, а на их крышах можно было увидеть раскрашенные фигуры, изображающие мертвых. Он прошел через стеклянную дверь во внутреннюю комнату, где стояли гробы взрослых. Когда он случайно обернулся и оглянулся через стеклянную дверь, он увидел, что мертвые дети танцуют; однако, когда они увидели его, то сразу же снова легли на свои места. Он был поражен, не мог поверить своим глазам и потому попытался посмотреть снова. Каждый раз он обнаруживал, что дети танцуют и снова ложатся, как только он поворачивается к ним лицом. Тем временем друг исчез, и он был охвачен сильным страхом, так как мог выйти на улицу только через тот же проход (Eisler, 1921, p. 285).

История этого мужчины такова: кондуктор выпал из своего трамвая, потерял сознание, получил легкие травмы головы, предплечья и ноги, все с левой стороны. После полного повторного рентгенологического исследования он был выписан. Но через несколько недель у него появились острые боли под левым ребром. Это происходило раз в две недели и длилось от четырнадцати до шестнадцати часов; на их фоне всякий раз, когда он был взволнован, возникали приступы острой колющей боли также с левой стороны. Через два года боли сделали его нетрудоспособным, пациент трижды терял сознание. Он страдал также от неизлечимых запоров. За двадцать четыре часа до того, как начинались его боли, он испытывал сильное беспокойство, возбуждение и раздражительность. (Более позднее описание Фрейдом истерии Достоевского (Freud, 1928) показывает, что у писателя были сходные симптомы, предшествующие его истерическим приступам эпилепсии.)

После того как неврологические исследования ничего не выявили, у мужчины наконец была диагностирована истерия.

На деле оказалось, что очевидная травма – несчастный случай, когда он выпал из своего трамвая, – была лишь подменой или маскировкой истерических фантазий о беременности, активированных рентгеновским облучением, которому он подвергся после своего падения, когда нужно было установить, были ли какие-либо переломы. Он был непреклонен в требовании все большего и большего числа рентгеновских снимков. Рентгеновские лучи оказались переломным моментом, когда на смену отыгрыванию пришла истерия. Не было никакой органической причины, и мужчина был направлен к Эйслеру для прохождения психоанализа вместо медицинского или хирургического вмешательства. Рентгеновские снимки вызвали воспоминания о том, как, будучи десятилетним мальчиком, глядя в окно, он увидел, что из беременной женщины щипцами по частям удаляют мертвый плод. Симптомы, фантазии и сны вагоновожатого указывают на то, что он воображал, будто он беременен.

Я хочу подчеркнуть здесь то, что именно и Эйслер, и Лакан игнорируют: он беременен, по ассоциации, *мертвым* ребенком, точно так же, как другой знаменитый «психоаналитический» истерический пациент Дора был очарован матерью – Мадонной, чей ребенок будет распят. Если имеет место подражание матери, то мать оказывается беременна сиблингом ребенка. Не просто дети, а мертвые дети важны как для сиблинговых фантазий, так и для истерии, где вступает в игру соперничество между братьями и сестрами. Ребенок хочет, чтобы его сиблинг умер: психологический ребенок, все еще присутствующий у взрослого, разделяет эти страшные желания. Во сне все братья и сестры мужчины-вагоновожатого мертвы, хотя, как и в детской игре, они могут снова встать и потанцевать. Смерть – все еще игра; мужчина еще не понимает ее значения. Пациент Стайнера, который изо всех сил пытался стать настоящим художником (глава 1), должен был позволить умершим братьям и сестрам, к которым он обращался под видом великих мастеров прошлого, умереть подобающим образом и занять свое место в истории, чтобы он мог отождествить се-

бя с великими традициями. Братья и сестры пациента Эйслера «играют» в мертвых. Таким образом, их смерть не была осмыслена; о них можно фантазировать, но их нельзя репрезентировать. Я полагаю, что ввиду невозможности формирования их репрезентации как умерших желание мужчины-вагоновожатого стать писателем не получает соответствующего выражения.

Мужчина-вагоновожатый – старший из четырнадцати детей, восемь из которых выжили. Когда ему было три года, его мать бросила в него нож, чтобы он не брал кусок хлеба, оставленный отцом на столе. (Большой палец пациента искромсан. По мнению Лакана, это является важнейшим определяющим моментом будущего страха кастрации.) Когда мать кинула нож, который порезал мальчика, она кормила грудью его младшего, девятимесячного брата. Поскольку ему было три года, а младенец является самым младшим, а не просто младшим по возрасту, то между ними должен был быть еще один ребенок примерно двух лет. Во сне могут проявляться неосознанные чувства мужчины к брату, который родился и рос, когда ему было около года, и который действительно умер, но не был оплакан, так что его смерть преследует мужчину[3]. Эдипальное соперничество за желание занять место отца хорошо иллюстрируется тем, что мальчик хватает хлеб отца; кастрирующая реакция его матери, которая бросает в него нож, очевидно, имеет решающее значение. И Эйслер, и Лакан приходят к существенным выводам, рассматривая эти инциденты. Но я бы добавила к этому, что следует учитывать также интенсивные амбивалентные или негативные переживания мужчины-вагоновожатого по отношению к своем сосущему грудь брату и, возможно, к другому, мертвому брату.

Фактически именно рождение его первой сестры, которая появилась на свет, когда ему было шесть лет, знаменует для него начало проблем. Мы должны еще раз отметить, что вагоновожатому, как и Саре на момент инцеста, было шесть лет. Именно отношение к этой первой сестре и к младшей сестре, тринадцатому ребенку, которая родилась незадолго до не-

счастного случая, когда ему было тридцать три года, и которая, согласно Эйслеру, сформировала решающее обстоятельство для развития его невроза, стали причиной проявления превосходства по отношению к другим женщинам. Он не относится пренебрежительно к своей матери. Он раздражителен и унижает свою, жену, как и своих сестер. Подобное сиблинговое превосходство разворачивается в соперничестве и зависти между братьями и сестрами: если я буду превосходить и мне будут завидовать, то сам не стану страдать от зависти к другим. То, что это часто, как в случае с вагоновожатым, выражается в превосходстве мужественности, является ключевым аспектом, который я рассмотрю позже.

Вагоновожатый очень хочет детей, но не имеет их. Он женат на женщине, у которой есть внебрачная дочь. Хотя он был знаком со своей женой в течение долгого времени до брака, он утверждает, что ничего не знал о ее добрачном романе и о существовании ее ребенка. Его очаровывают курицы и их яйца, семена и фруктовые косточки, которые прорастают в человеческих фекалиях, оставленных вокруг скотного двора, и хлебное тесто, которое он любит замешивать и которое, как можно себе представить, должно подниматься, как живот при беременности.

Эйслер и Лакан видят признаки латентной гомосексуальности в различных действиях мужчины-вагоновожатого. Я думаю, что это неправильно; это не вполне точный анализ тех отношений, которые описаны в его истории болезни. Как и в случае гетеросексуальности, мы не можем наверняка сказать, что это отношения идентификации (одинаковости) или выбора объекта (различия). Гомосексуализм подразумевает выбор объекта, даже если основой является биологическая однополость. Гомосексуализм и истерия четко различаются на практике, но в анализе их часто путают. Истерия, в отличие от гомосексуализма, предполагает репликацию, но не реальную возможность выбора объекта. Эйслер понимает это отсутствие выбора объекта как нарциссический аспект беременности вагоновожатого: он хочет иметь такого же мальчика.

На самом же деле, безусловно, мы имеем дело не только с придуманной беременностью, но и с партеногенетическими фантазиями о самовоспроизводстве[4]. Явная гомосексуальность, на которую так часто ссылаются в случаях мужской истерии, напротив, является сексуальностью без выбора объекта; она происходит от идентификации с ребенком, с матерью или с обоими одновременно, например, как имитация ребенком беременности и даже родов. Яркая сексуальность или кажущаяся женственность – это проявление схожей идентичности. Это связано с сепарационной тревогой и, более того, с тем, что воспринимается как угроза уникальному существованию субъекта[5]. Уничтожение Я субъекта, причиной которого является сиблинг, устанавливает тип идентификации, направленный на предотвращение потери матери: ребенок будет «единым целым» с матерью, повторяя ее и/или ее ребенка. Истерик становится похожим на мать (и/или на ее ребенка), чтобы не потерять ее.

Это не идентификация, смоделированная на репрезентации, которая сформировалась в результате признания потери, когда воображение и память заменяют отсутствующий объект. Это идентификация без репрезентации, палимпсест, часто называемый «слиянием». Слияние ребенка и матери в этой истерической идентификации может быть воспроизведено в более поздних отношениях между родителем и ребенком, когда ребенок вырастет и у него родится собственный ребенок. Однако это настойчивое стремление быть таким же, как мать, или таким же, как мать и дитя, настойчивое требование быть единым (или даже быть «единым целым», «единым» в мире, а не в конфликте) представляет собой психический отказ вступить в стычку, который аргументируется так: «Если меня не берут в расчет, почему я должен брать в расчет остальных?» (сиблинговая дилемма).

Вагоновожатый помнит волнение и восторг, с которыми его родители ожидали и приветствовали рождение его первой сестры. Как уже упоминалось, вполне вероятно, что к тому времени, когда ему было три года, в семье уже было три маль-

чика, а к тому моменту, когда ему исполнилось шесть, возможно, был еще один мальчик, выкидыш, или перерыв между детьми. Все это предполагает возможность того, что родители четырех (или трех мальчиков, с учетом перерыва в три года) надеялись, что родится девочка. В шесть лет он сам, возможно, с нетерпением ожидал появления сестры, но затем почувствовал, что она вытеснила его и как ребенка его родителей, и с точки зрения пола, который для окружающих означал ее схожесть с матерью, которую он не может потерять, с которой он поэтому идентифицируется и от которой требует признания собственной уникальности и важности.

Вернемся к сновидению вагоновожатого. Для меня особое значение имеет вторая часть сна. Яйца и анальные роды из первой части сна отсылают нас к партеногенезу – фантазируемому способу воспроизводства, не учитывающему гендер и занимающему центральное место в истерии. Плохо пахнущие крысы – это, безусловно, братья и сестры. У нас нет ассоциаций мужчины со своим сном, поэтому я могу использовать его только лишь для того, чтобы указать на забытый сценарий. Во сне друг пригласил вогоноважатого на свою семейную ферму. «Там он показал ему сначала конюшню, где можно было увидеть животных для разведения, размещенных в определенном порядке и помеченных в соответствии с именем и родословной» (Eisler, 1921, p. 285). Эти братья и сестры представляются как крысы, лошади, чучела, мертвые дети, буквы, вырезанные на прекрасном яйце, – эти объекты являются *смещениями* братьев и сестер, а не буквальными репрезентациями, и, следовательно, они имеют отличительный признак бессознательных процессов. Но следует также отметить, что вагоновожатый является самым старшим ребенком, на момент его рождения не было никаких сиблингов. И все же в его сне имеет место репликация, с которой пришлось бы столкнуться младенцу. Если птицы могут считать до пяти, какие числа могут зафиксировать младенцы на довербальной стадии? Я вспоминаю гордых родителей одной из моих крестных дочерей: ей было восемь или девять месяцев, когда

во время одной из прогулок по полям Линкольншира она показала на небо и сказала «два»: в это время над ними пролетали два самолета!

Образы сновидений, по-видимому, хорошо отражают дилемму вагоновожатого – тревога возникает, когда он сталкивается с безвыходной ситуацией: он тревожится, потому что он пожелал в последней части сна, чтобы все дети/сиблинги умерли, – и, кажется, у него получается реализовать это желание, как если бы он сглазил их (позавидовал им), поэтому, когда он смотрит на них, они поспешно возвращаются в свои гробы (или обратно в матку). Смерть связана с сиблингами двояким образом: сиблинги приходят из небытия и угрожают небытием. Утроба и могила очень близки по смыслу: время до рождения и время после смерти не имеют существенных различий ни для истерии, ни отчасти для всех нас. Но тревогу вызывает и иная причина: его желание их смерти, возможно, не реализовано, и они на самом деле живы и танцуют. Он нигде не выражает принятия и скорби в связи со своим стремлением к убийству, которые, например, испытывал художник – пациент Стайнера. Его амбивалентность означает, что он сначала будет желать, чтобы его желание не сработало, а затем пожелает, чтобы это желание было отменено.

Вагоновожатый во сне прошел по трапу через стеклянную дверь туда, где он может видеть гробы своих родителей или их содержимое. Можно вспомнить, как он наблюдал за ужасными родами соседки через окно. Несмотря на то, что он привык к естественной природной жестокости, этот опыт вполне мог быть травматичным. Я вспоминаю, что читала отчет о процедуре извлечения мертвого плода по частям без анестезии в современной Северной Африке и была в ужасе, просто читая об этом. Хотелось бы пристальнее рассмотреть сон, чтобы увидеть, что оказывается «забытым», когда ужас передается оглядывающемуся назад вагоновожатому и видящему, что его братья и сестры «находятся в добром здравии»: только от его взгляда зависит их смерть или нерождение.

Когда он водил трамваи, то на его счету было большое количество аварий; он стал вагоновожатым, возможно, потому что понял, что эти несчастные случаи не были полностью случайными. Интерпретация Лаканом его истерической беременности подчеркивает, что эти дорожные происшествия перекликаются с расчлененным плодом соседки, который он увидел в десятилетнем возрасте. Я бы расставила акценты иначе: расчлененный плод (который он видит на поздней латентной стадии или на раннем этапе полового созревания) имеет такое значение потому, что он желает смерти своим сиблингам, и это компульсивно отыгрывается в его опасном вождении. Эйслер мимоходом омечает связь между этими несчастными случаями и утонувшим братом. Под влиянием желания смерти другому ребенку, такому же, как он сам, целостность собственного тела субъекта рассыпается на фрагменты, это и собственная смерть тоже. Мертвый плод был расчленен для того, чтобы его можно было извлечь. Это, несомненно, указывало на то, что вагоновожатый оказался в таком состоянии, когда его Эго не «собралось». Тем не менее сновидческое Эго оказывается весьма целостным. Как будто на каком-то уровне вагоновожатый знает, что он делает и думает, и его не одолевают невротические симптомы: он скорее предпочитает боль при родах отказу от этого способа мышления. Уверенность его Эго, вероятно, связана с его всемогуществом. С высоты фермы он может видеть пустынное кладбище: он хорошо справляется с опустошением мира; посреди кладбища есть даже луг. У него есть один друг в этом пустом мире, с которым он иногда рассматривает разные вещи: является ли этот друг-аналитик родителем или кем-то еще – его точной копией или сверстником?

И Эйслер, и Лакан связывают восторг вагоновожатого перед рентгеновскими лучами с щипцами, которые использовались при расчленении плода у женщины-соседки[6]. На самом деле, я бы сказала, что стеклянные двери в сновидении и реальное окно соседки указывают на то, что общего у рентгена и щипцов: с помощью этих инструментов можно увидеть

или почувствовать, есть ли в теле дети, мертвые они или живые, а если их убили, то узнать, кто их убил. Но танцующие дети, кажется, играют в венгерскую версию игры «море волнуется раз»: они застывают, как статуи на гробах, когда «ведущий» оглядывается. В этой игре, по крайней мере, как я мне всегда казалось, ты действительно пугаешься. Является ли осуществление тайных желаний в сновидении шуткой над аналитиком – игра ли все это?

Если еще раз посмотреть на эту последнюю часть сна и сравнить ее с его началом, то мы получим четкое представление о том, как ребенок воспринимает репликацию в лице сиблинга: дети по обе стороны от трапа, представляющего опасный путь мужчины в жизни, находятся в гробах, располагаясь один за другим. В начале сна неизвестный друг (как указывает Эйслер, это врач-аналитик) знакомит мужчину с некоторыми животными, которые *«помечены в соответствии с именем и родословной».* Врач-аналитик нужен для того, чтобы назвать их и указать их происхождение. Эйслер видел себя аналитиком в отцовской роли. Тем не менее сон делает его латеральным «другом». Возможно, сновидец дразнит доктора, фактически говоря: вы объяснили мне, что у каждого из моих братьев и сестер разные имена и родословные, но я посмеялся над вами, потому что породистые животные могут происходить от одного донора спермы, но иметь разных матерей (как в полигинных обществах), так что мне не о чем беспокоиться.

Возможно, шутка идет дальше: усилия дружелюбного доктора объяснить серию родственных связей сводятся на нет, аналитик покидает сцену, унося с собой бесполезные объяснения того, как работают сиблинговые связи и как важен отец в определении родословной. Тем не менее отдельно от этих рядов чистокровных лошадей, похожих, но имеющих собственные имена, располагается небольшая ниша, заполненная «большим количеством куриных яиц». Вагоновожатый обнаруживает другую модель: много яиц, лежащих не аккуратными рядами, как лошади, а в тесноте. Если у всех лошадей бы-

ла общая мужская сперма, то все яйца происходят от одной курицы, петух ей не нужен. Его друг в сновидении временно исчез. По его возвращении вагоновожатый должен быстро вернуть трофей, который он обнаружил: это «поразительно большое бобовидное» яйцо, которое он исследовал с величайшим удивлением, так как на нем были отдельные буквы, которые становились все яснее и яснее». Это большое яйцо и есть вагоновожатый. Он самый большой и лучший, его братья и сестры – это отдельные буквы, выгравированные на его коже, которые по мере того, как они становятся понятнее, прославляют его. На его поразительно большом, удивительном Я-яйце имеются отдельные яркие буквы. Тут можно вспомнить идеи Кляйн об обучении детей (Klein, [1923]). Кляйн показала, что проблемы в чтении, письме, арифметике и других школьных предметах уходят корнями в заторможенное или вытесненное сексуальное любопытство ребенка. То, что ребенок не может складывать разные предметы, Кляйн рассматривает как запрет на размышления о половом акте мужчины и женщины. Эти буквы на большом яйце – Я-вагоновожатом – не связываются в слова. Буквы изолированны, как братья и сестры, без явного отношения друг к другу.

После этого удивительного нарциссического момента он – безусловно, лучший из группы, в которой никто не связан друг с другом, а все только с ним, – мужчина и его друг выходят во двор, где в загоне разводят животных, напоминающих крыс. Пока его друга нет, мужчина может поверить в идеализацию своих сиблингов в виде букв на своей коже, но его друг должен показать ему другую сторону этой идеализации: подобно младенцам в манежах, эти крысы-сиблинги испускают невыносимый запах. Однако, по аналогии с его неспособностью сочетать отдельные буквы, он также не знает, как связаны эти животные. Как будто он слышал имена детей – ярлыки, – но еще не понял значения отношений между ними. Репликацию, а не последовательное упорядочивание также можно наблюдать у ребенка, который учится читать буквы или считать. «Слова похожи на монеты... хотя, скорее, на роящихся

пчел» (Sexton, [1962]). На самом деле слова иные: такие слова, какие упоминает Секстон, являются знаками и не способны образовывать предложения; слов много, но все они схожи, и хотя их можно различить, их невозможно посчитать. Этот подсчет кажется простым, но это не так. Я помню, как моя дочь в возрасте около четырех лет была озадачена рекламой на большом щите: «Не больше чем пять минут разделяет вас с Renault 5». Я думала, что она беспокоится о распределении гаражей или количестве автомобилей на дороге, но не это было проблемой: проблема была в том, как можно соотнести время (5 минут) с местом или объектом (Renault 5)? В некоторых культурах разные объекты требуют разных форм подсчета.

В работе «О некоторых невротических механизмах при ревности, паранойе и гомосексуализме» Фрейд (1922) пришел к выводу, что моделью для гомосексуального пациента послужил старший брат. Он превратил свою ненависть/соперничество между ними в любовь/подражание. Пациент Эйслера обнаруживает поразительно схожие черты с пациентом Фрейда: у него есть параноидальные фантазии, бредовая ревность, фантазии о неверности жены, и Эйслер считает, что он, как и пациент Фрейда, является латентным гомосексуалом. Верный вертикали эдиповой схемы, Эйслер отмечает: «Конечно, эти фантазии следует рассматривать как новые версии детских фантазий, в которых речь шла о матери и отце. Связывает их ревностное отношение к старшей сестре» (Eisler, 1921, p. 272). Эйслер больше не делает никаких выводов относительно сестры, так же как Фрейд не развивает своих размышлений касательно брата. И все же важность сестры кажется очевидной: он сильно завидует своей сестре, сознательно и, что более важно, бессознательно, а его жена – воплощение этой сестры, как и сам вагоновожатый. Жена – это не выбор объекта, а репликация в контексте идентификации. Он убийственно завидует своей жене, потому что как сиблинг она занимает то место, которое он считает своим. То, что его жена так хорошо вписывается в его ревность и нарциссическую идентификацию (она имеет ребенка «самостоятельно»,

отдельного от него, а он тоже хочет воспроизводиться партеногенетически), могло бы быть также источником компульсивного влечения, которое он испытывал к ней: он состоял с ней в связи и, вероятно, бросил ее, когда она забеременела от другого мужчины, но вернулся, чтобы жениться на ней, когда ребенок стал старше, утверждая, что ничего не знал о нем. Он планирует защитить свою честь, убивая любовника – это роль брата, который защищает имя семьи. В его фантазиях она является тем, кем является он, и делает то, что делает: рожает ребенка из «ниоткуда» или просто из себя.

Отсутствие братьев и сестер в теории совпало с невидимостью мужской истерии на практике. Мы не видим, когда человек идентифицирует себя со своей сестрой нарциссическим образом. И все же он может ненавидеть ее, желать ее смерти, любить ее и испытывать инцестуозное желание по отношению к ней. Подобный сценарий типичен для многих проблемных браков. Одним из признаков будет высокая раздражительность. Психическая раздражительность очень похожа на физиологическую раздражительность: внешний агент стимулирует ум или тело к чрезмерным действиям. Когда кто-то, кто был психически слит с кем-то и кто, таким образом, не осознавал себя в качестве отдельного человека, внезапно ощущает, что этот другой не вполне одинаков с ним, этот другой оказывается внешним агентом: каждый незначительный его поступок раздражает, если он отличается от собственного.

Гетеросексуальность истерии скрывает также тот факт, что истерия связана не с объектными отношениями, а с репликацией личности. Эйслер комментирует: «Он никак не мог смириться с мыслью, что Природа оставила функцию формирования тела, важную операцию по вынашиванию ребенка, исключительно женщинам. Следующим шагом в таких фантазиях является вера в самовоспроизводство, которая была наглядно представлена у пациента» (Eisler, 1921, p. 273). С точки зрения истерии нет разницы: и мальчики, и девочки могут иметь детей, как выразился маленький Ганс, «от самих себя». Но в то же время, не будучи сумасшедшим и не нахо-

дясь в бредовом состоянии, он знал, что это не так, что женщина не похожа на него, следовательно, она рассматривается как «внешняя» и несхожая с ним, и в этом смысле она является источником сильного раздражения.

Однако есть нечто более интересное. Хаммель задается вопросом, является ли бинарность свойством нашего мышления. Вагоновожатый не только не хочет, чтобы она была таковой, он также показывает, что ее нет «в природе» и ее насильственно навязывают нашему мышлению. Для размножения не всегда нужны два различных/бинарных пола: невозможно увидеть разницу между оплодотворенным и неоплодотворенным яйцом; вишневые деревья растут из косточек, удобренных навозом. Эдипова история настаивает на гетеросексуальности и бинарности, но то, что выглядит как гетеросексуальность, психически может быть гомосексуализмом или воображаемым нарциссическим клонированием. К вопросу о вариации того, что составляет репродукцию: ребенок, родившийся на ферме, знает, что существует больше способов размножения и секса, чем один. Не только ребенок «полиморфно извращен», но и мир вокруг него.

От братьев и сестер ребенок может узнать, что он не таков, как ребенок, который родился раньше или позже него, как ребенок, которого еще могут кормить грудью, или ребенок, который может сосать большой палец, – между братьями и сестрами есть различия. Мы могли бы сказать, что это устанавливает контекст, в котором ребенок создает символические уравнения (Segal, 1986): двое непохожих – новорожденный и ребенок, начавший ходить, – одинаковы в том, что они сиблинги и дети. Но наличие сиблингов указывает на то, что все обстоит, скорее всего, иначе: достижением является отход от восприятия всех племенных лошадей идентичными к тому, чтобы увидеть, что каждая из них отличается, даже если при разведении используется одна и та же сперма. Есть приказы и запреты: вы должны любить своего соседа/брата, как самого себя, и не убивать его (Каин и Авель). Однако ваша любовь не должна быть сексуальной.

Истерик никогда не признает невозможность партеногенеза. Он продолжает «рожать», использовать свое тело по-настоящему, чтобы не потерять и потом репрезентировать его. Таким образом, его тело не репрезентировано и не символизировано (David-Menard, 1989). Когда руку охватывает истерический паралич, сердце имитирует сердечный приступ, зрячий глаз слепнет, это означает, что эти органы или части тела не были символизированы и потому они могут использоваться для бесчисленных конверсионных симптомов. Ребенок, который утверждает, что его «живот страдает от головной боли», находится на полпути к знанию, что его голова может быть репрезентирована в слове. Часть тела может быть репрезентирована только тогда, когда известно, что ее там не может быть. Игры в прятки имеют решающее значение в приобретении этого знания. Но вера в то, что человек может родить как и когда он этого хочет, является лишь компенсацией детского страха, что если он не всемогущ и не «всетворящ», у него ничего нет. Взрослый истерик не оплакивает ребенка, которого он не мог иметь в детстве, вместо этого он разыгрывает получение этого ребенка. Истерик во всех нас может ошибочно использовать бинарную половую репродукцию, потому что мы хотим быть и женщиной, и мужчиной, но он делает это, чтобы скрыть более глубокую дилемму — как он может существовать, если в мире есть кто-то, похожий на него?

Ребенок хочет родить ребенка от себя; в своей фантазии он производит свою собственную реплику и играет в нее вместе со своими братьями и сестрами. Растения размножаются вегетативно, очаровывают оплодотворенные и неоплодотворенные яйца, которые выглядят одинаково, и птенцы появляются не от родителей, а из внешней оболочки, подобно динозавру Марион (глава 2); листья падают осенью и снова распускаются, как дети, убитые в игре, встают после того, как падают замертво. Очень неохотно ребенок согласится отказаться от этого восприятия, чтобы допустить, что в настоящее время и, следовательно, навсегда потеря может быть абсолютной. Однако есть много доказательств того, что дети могут

понять смерть довольно рано (Боулби – см. главу 7). Вагоновожатый прочувствовал и усвоил этот опыт: никто не признает, что он в той же мере похож на свою старшую или младшую сестру, или будущую жену, сколь и отличен от них. Играет ли он в игру? То, как мы рассматриваем бинарность полового размножения, исторически и культурно различается не только в фантазиях невротиков. Жизнь и смерть также воспринимаются очень по-разному: если вишневые косточки, которые вы съели, могут статья деревьями, бессмертие как будто бы тоже не за горами. На определенном уровне вагоновожатый просто отказывается от условностей своей собственной культуры. Но эти условности и соглашения имеют значение.

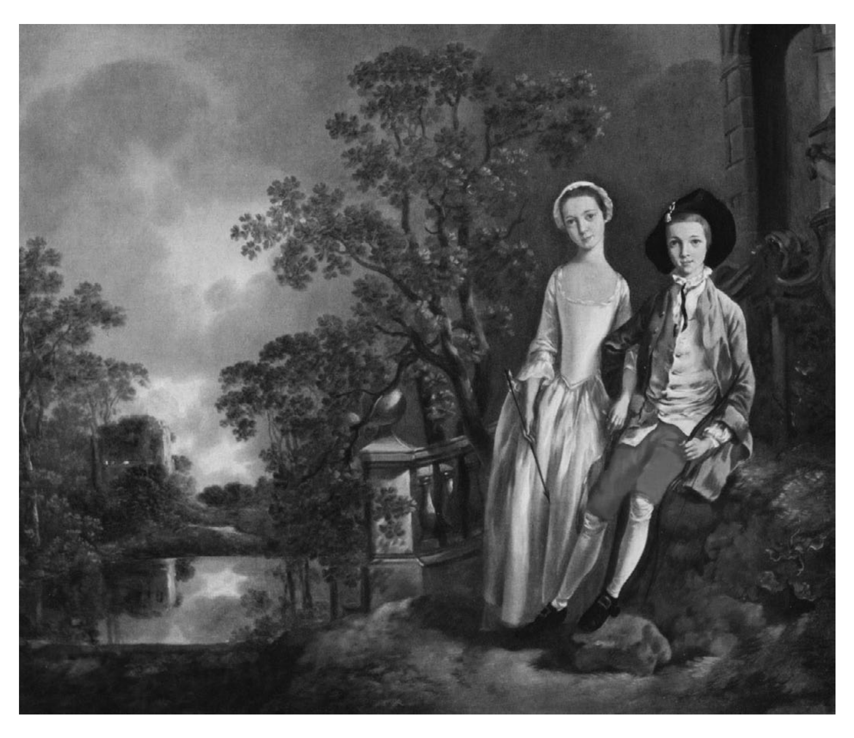

Рис. 9. «Минимальное различие, которое необходимо установить между сестрами и братьями». Томас Гейнсборо. «Хенедж Ллойд и его сестра» (ок. 1750). Музей Фицвильямса, Университет Кембриджа

Психоаналитическая теория должна обеспечить пространство, в котором могли бы учитываться минимальные различия между сестрами и братьями, чтобы репликация преобразовалась в последовательность. Кто оказывается смещенным или пытается сместить кого-то другого в счастливой семье? Златовласка становится либо хорошей девочкой, либо антисоциальным ребенком. Истерик регрессирует на эту стадию детства; антисоциальный ребенок и взрослый психопат не покидают ее. Сбитая с толку или непослушная (зависит от версии), Златовласка, старшая сестра или альтернативные ей бродяги пытаются занять место младшего брата. Вместо этого она ломает стул ребенка, пытаясь обрести место в семье, которая, кажется, не признает ее потребности. Тем не менее в некоторых версиях маленькая Златовласка берет за руку непослушного Медвежонка, который стреляет из рогатки, они надевают свои ранцы и вместе отправляются в школу.

Глава 7

Привязанность и материнская депривация: как Джон Боулби упустил из виду сиблингов?

Меня давно занимал вопрос, почему именно Вторая мировая война стимулировала интенсивную работу, в ходе которой было установлено, что забота матери о своем ребенке является альфой и омегой для психического здоровья этого ребенка. «Моральное материнство» (Davin, 1978) последних десятилетий XIX века и вторая промышленная революция возложили на мать ответственность за гражданские качества ее ребенка, его образование и физическое развитие. В годы между Первой и Второй мировыми войнами, безусловно, произошла переоценка психологической роли матери. Первая мировая война, психические потери от которой были намного больше физического урона, в значительной степени способствовала пониманию того, почему во время следующей войны в середине XX века все прочее стало вторичным по отношению к психологическому здоровью. Войны – это коллективные травмы для большинства тех, кто воюет на фронте и находится в тылу.

Я обратилась к изучению исторического материала, который дал толчок к смещению акцента на приоритетное значение матери, в том числе отчетов о массовой эвакуации детей в Великобритании из городов в сельскую местность (Mitchell, Goody, 1999). После обнаружения негативного аспекта сиблинговых отношений, имеющих решающее значение в возникновении истерии, во время изучения материалов по эвакуации я стала задумываться о позитивном влиянии сестер и братьев. Если в психоаналитических исследованиях исте-

рии сиблинги оказались в тени эдипового комплекса или с недавнего времени доэдипальной матери, то в отчетах о психологическом благополучии детей, находящихся в эвакуации, братья и сестры вообще не упоминались. Однако в жизни и на бумаге дела обстоят по-разному (напр.: Cary, 1947; Wolf, 1945). На днях я услышала по радио рассказ женщины о том, как ее эвакуировали. Во время размещения детей на постой женщина, открывшая входную дверь, воскликнула, что она просила только одну девочку, на что офицер, распределявший эвакуируемых по домам, ответил: «Но они сестры, и мы не могли их разлучить». Образ идущих в школу Златовласки и Медвежонка может быть символом заботы детей друг о друге во время эвакуации. Мать может укрепить этот настрой: провожая двух своих маленьких детей в эвакуацию, она оставляет на шее каждого ленту с надписью: «Не разделять». Я вновь обратилась к работам Джона Боулби, чтобы переосмыслить проблему игнорирования сиблинговых отношений.

Военная травма была приравнена к травме материнской депривации. В этом есть определенный парадокс: спасение детей от самых страшных бомбардировок заключалось в том, чтобы отделить их от семей и перенести ответственность за них на нацию и общество. Литература, посвященная эвакуации времен Второй мировой войны, изобилует ссылками на «наших» детей. Наши, «национальные» дети были всеобщими братьями и сестрами – успех эвакуации зависел от этого. Но ее неудачи связали с пропавшими матерями. При этом был упущен вопрос о том, от чего зависят хорошие и плохие отношения между сиблингами и/или сверстниками. Сиблинговые взаимоотношения оказались втиснуты в вертикальную парадигму.

Хотя изучение привязанности и ее нарушений продвигается быстрыми темпами, вопрос о том, почему разлучение с матерью порождает тревогу, не поднимается, поскольку важность роли матери считается достаточным объяснением. Боулби не стал развивать свое представление о том, что ребенок живет в страхе перед хищниками, и, как я полагаю, эта тема

никого особенно до сих пор не волновала. Я считаю, что хорошая сестра или хороший брат – это трансформировавшийся хищник. Нам необходимо взглянуть на условия этой трансформации в латеральном аспекте.

Я начну с описания двух случаев, имевших место в моей жизни, и поделюсь соображениями, которые возникли, когда я перечитывала основные работы Боулби. Хотя эти случаи и их осмысление могут показаться никак не связанными друг с другом, я хочу объединить их вокруг центральной темы Боулби – «привязанность и материнская депривация», или, в моем понимании, «сепарационная тревога». Я полагаю, что «сепарационная тревога» является базовым понятием, которое постоянно нуждается в переоценке и углублении. Случаи, на которые я буду ссылаться, не являются «экспериментами» или контролируемыми наблюдениями, они не ставили своей целью верификацию или фальсификацию, они только иллюстрируют области, которые вызывают вопросы и интерес.

Первый случай: недавно я застряла на ночь в аэропорту Бомбея. Мой рейс сильно задержали, я сломала ногу и, казалось, никто не хотел помогать мне (что было нехарактерно для Индии) в передвижении на коляске, которую я в конце концов раздобыла. Таким образом, я застряла на много часов, и, хотя я время от времени читала книгу, в основном я просто смотрела вокруг. Я была очень удивлена, став свидетельницей необычных криков младенцев. Многочисленные члены семьи собрались вместе, провожая родственника. Младенцев держали на руках тети, старшие сестры, бабушки или, реже, какой-нибудь мужчина из их группы. Конечно, их держали и матери. Но в чьих бы руках ни находился ребенок, стоило матери отойти за водой, пойти в туалет или куда-то еще, до того довольный ребенок протягивал руки, выгибал спину, изо всех сил пытался вырваться из рук того, кто его держал, и издавал пронзительный вопль. Все это прекращалось по возвращении матери.

Это повторялось снова и снова. Затем на рассвете мой пасынок, который долгое время живет в Индии с семьей,

разыскал меня, чтобы помочь сесть в самолет. Я спросила его о детях, сказав, что пронзительный крик совсем не типичен для младенцев на Западе. Он сообщил мне, что уже перестал это замечать, но подтвердил мое наблюдение, сказав, что такое поведение абсолютно обычно. Он объяснил, что в Индии всегда было так много людей, которые могли присматривать за детьми и держать их на руках, что они привыкают к тому, что о них заботятся разные люди. Но ребенок с большим количеством опекунов все еще реагирует на отсутствие матери. Действительно, отчаяние при расставании и мгновенный выход из этого состояния были гораздо острее, более интенсивными, чем в ситуациях, когда мать является более или менее единственным опекуном. Почему?

Прежде чем прокомментировать это, я расскажу второй, менее яркий случай. Размышляя о работе Джона Боулби, я поняла, что она сопровождала меня всю мою жизнь. Частично я могла бы объяснить это общей распространенностью «боулбизма» в то время, когда я росла в 1940-е и 1950-е годы в Северном Лондоне; хотя я никогда не сталкивалась с ним лично или профессионально, я была знакома с его близкими коллегами, друзьями и родственниками. В маленьком мирке интеллигентов северной части Лондона моя дочь дружила с его внучкой, а я училась в школе с его будущей невесткой. Конечно, тогда я этого еще не знала! Кроме того, я поняла, что, хотя у меня были такого рода пересечения с Боулби, я очень нервничаю, когда думаю о его работе. Я чувствую, что неправильно поняла его. Я проследила свое беспокойство до того момента, как несколько раз в прошлом меня довольно решительно «осаждали», когда я публично говорила что-либо о его работе: один раз это произошло в дни моей беззаботной юности, когда я с позиций классического феминизма высказалась против его требования круглосуточного материнского ухода; затем во время обучения в Институте психоанализа, когда я выразила мнение о недооценке того освобождающего воздействия, которое оказывает на детей воспитание в учреждениях; и наконец недавно в Кембридже этолог Роберт Хинде,

один из самых важных источников вдохновения для Боулби и его интеллектуальный соавтор, выразил возражение в связи с моим высказыванием о том, что Боулби говорил о «бессознательном», что непонятно в любом контексте.

То, как связаны два эти эпизода, я поняла только после моего маленького откровения. Моя феминистская реакция на Боулби, сформировавшаяся в 1960-х годах и впервые опубликованная в 1966 году (Mitchell, 1966), была типичной реакцией женщин, протестовавших против «Загадки женственности» (Friedan, 1963), которые обвиняли Боулби в послевоенном сокращении роли женщины до семьи и материнства. Социальный психолог Венди Холуэй описывает эту реакцию следующим образом: «Женщины продемонстрировали способность выполнять мужскую работу во время войны, а *теперь постоянно утверждают,* что их возвращение к материнству и к семейному очагу происходило под влиянием экспертного мнения Боулби о материнской депривации и что такая позиция гармонично вписывается в стремление правительства восстановить традиционную рабочую силу и послевоенную политику пронатализма» (Hollway, 2000, p. 7; курсив мой. – *Дж. М.*). Матери, которые не прошли тест Боулби, были привлечены к ответственности в связи с социальными и психологическими проблемами.

Таким образом, феминистское осуждение Боулби имело очевидную логику, пусть даже и упрощенную. Тем не менее только теперь я увидела другую и совершенно иную логику, лежащую в основе феминистского негативизма: я считаю, что на глубинном уровне неприятие работы Боулби служило подтверждением именно того, что отрицалось, то есть теории привязанности. Поколение, к которому я принадлежу, положившее начало феминизму второй волны, сформировано детьми, которых учил Боулби. Конечно, мы не были в буквальном смысле теми сорока четырьмя несовершеннолетними ворами (которые были мальчиками), которых он изучал на предмет материнской депривации в конце 1930-х годов, и, возможно, не каждый из нас был ребенком работающей матери военно-

го времени, постоянно проживающим в детском саду, эвакуированным ребенком или безнадзорным ребенком, который самостоятельно возвращался из школы домой, – но это было наше поколение, и для многих из нас реальный опыт был именно таким. Я считаю, что, протестуя против таких формулировок Боулби, как «[мать] будет якорем [для ребенка] – нравится ли ей это или нет – и разлуки с ней будут вызывать проблемы»[1], и, осуждая Боулби, мы оставались привязанными к нашим «плохим», работающим в условиях войны матерям, которые, как мы показали, были достаточно хороши для нас. Если у нас, детей военного и послевоенного времени, было несколько опекунов в учреждении, обществе, расширенной семье или в соседских семьях, мы все еще метафорически, подобно детям из Бомбея, пронзительно кричали о наших матерях и чувствовали себя в безопасности только после их возвращения. Несмотря на отрицание Боулби и враждебные образы женщин-ведьм, особенно в Великобритании, феминизм второй волны взывал как к матери, так и к ребенку. Вопреки досужим представлениям феминизм второй волны проявил трогательную любовь к матерям, поддерживая часто цитируемое утверждение Вирджинии Вулф, что мы «мысленно оглядываемся на матерей».

Я начала думать о моей собственной дочери. Когда она родилась, я заканчивала обучение психоанализу; она привыкла к моим двухчасовым отлучкам. Когда ей было десять месяцев, мы поехали на работу в Калифорнию; вскоре после нашего приезда я отсутствовал четыре часа, оставив ее с отцом. По моему возвращению было трудно разобрать, кто был больше расстроен! По-видимому, примерно через 2 часа и 20 минут ребенок начал очень беспокоиться, а еще через полчаса уже стал безутешным. Я вспомнила, как в шесть недель она внезапно проснулась в шумном итальянском ресторане в своей люльке, которую мы поставили на стулья рядом с нами, но там, где она не могла нас видеть. До тех пор пока я не вынесла ее из шумной, переполненной комнаты и не стала тихо прижимать ее к себе, она отчаянно плакала. Это были экс-

тремальные версии тестов «незнакомой ситуации», в которых наблюдаются реакции младенца на то, как его мать уходит и возвращается в условиях незнакомой лабораторной ситуации. Но в лабораториях нет места для чего-то абсолютно незнакомого. В случае с моей дочерью, разумеется, имел место мой уход и мое возвращение, но если вспомнить ситуацию с другими детьми, то всегда это было связано с тем, что когда они оказывались в незнакомом месте, их беспокоило не отсутствие знакомого, а присутствие незнакомого – непредсказуемого и чрезмерного. Мать в эти моменты является не тем, с кем ребенок взаимодействует, а знакомым местом; нужно тело, а не успокаивающее выражение лица. Читая исследования Анны Фрейд о младенцах в детских садах, я замечала в ее описаниях, как часто дети «кричат», а не плачут (хотя это никак не комментируется). Этот крик является более обнадеживающим, чем молчаливое страдание детей.

Итак, вернемся к моим кричащим детям в аэропорту Бомбея или, скорее, к объяснению их поведения, которое дал мой пасынок, говоря о том, что они привыкли к нескольким опекунам. Когда он сказал это, я почувствовала некоторое головокружение от парадоксальности ситуации: почему дети, привыкшие к другим опекунам, корчатся и неистово кричат, когда их матери уходят, и почему младенцы на Западе, у которых другой опыт, протестуют гораздо меньше? И пока я пыталась об этом размышлять, мое тело все поняло. У меня было то состояние, которое Мелани Кляйн называла «памятью чувств», я ощущала, что точно знаю, как чувствуют себя эти бомбейские дети. Затем, вернувшись в Индию несколько лет спустя, я прочитала у Боулби точное подтверждение моего более раннего наблюдения: дети, имеющие нескольких опекунов, испытывают крайнюю тревогу, когда их мать уходит. Но на этот раз я не увидела в этом никакого несоответствия: такие дети были просто менее уверенными по определению, поскольку у них не было достаточного контакта с матерью один на один. Но почему подобное понимание, высказанное Боулби, не пришло ко мне, когда мой пасынок впервые объ-

яснил мои наблюдения? Почему объяснение все еще ускользает от меня, а затем возвращается, но только с очевидностью, омрачающей разум? Я думаю, что в этом наблюдении есть что-то принципиально важное, но с его объяснением нельзя полностью согласиться. Я вспоминаю, как меня одергивали за мои очень избитые замечания о Боулби; я думаю, это происходит, потому что я выражаю свое мнение по-детски. Иными словами, я говорю из детства, в котором у меня не было достаточно возможностей и которое, таким образом, возвращается как симптом, детство, полное того, что *технически,* по Боулби, было материнской депривацией. Моя мама была постоянно занята на работе, начиная с моего самого раннего детства. Мои крестные родители заботились обо мне, когда моя мама отсутствовала, и вполне возможно, что я кричала, охватываемая сепарационной тревогой. Моя мать помнит о моей довербальной ярости (не облегчении), которую я обрушила на нее, когда она *вернулась* после внезапной отлучки на выходные. Я ощущала присутствие Боулби всю мою жизнь, потому что метафорически я тот ребенок, о котором он писал. За исключением того, что я не могу признать себя ни в одном из его описаний.

Что касается нескольких опекунов, последователи Боулби внесли некоторые коррективы. Известное исследование Эйнсворт о детях племени ганда показало, что дети с множественными опекунами и дети, находящиеся под материнской опекой, демонстрируют одинаковый уровень сепарационной тревоги. Об этом Джереми Холмс говорит следующее:

> ...Факты показывают, что Боулби был неправ в отношении ситуации, когда уход за ребенком осуществляют несколько опекунов. В ходе исследования Мэри Эйнсворт младенцы племени ганда из сельской Уганды, для которых нормой является участие в уходе за ребенком нескольких лиц и для которых был разработан вариант теста «Незнакомая ситуация», демонстрируют примерно одинаковое соотношение надежной и ненадежной привязанности

> с детьми, принадлежащими среднему социоэкономическому классу из городов Балтимор и Хэмпстед, а именно, одна треть к двум третям. Только в испытывающих экономические трудности семьях из глубинки, из наших обедневших городов, уровень небезопасной привязанности резко возрастает, и здесь модель привязанности преимущественно ненадежно-дезорганизованная – категория, которая разрабатывалась уже после смерти Боулби (Holmes, 2000).

Если это так, то проблема должна быть связана с определенным типом бедности и угнетенности, а не с количеством лиц, осуществляющих уход. И это объясняет, почему в «теории привязанности» есть момент неприятного самодовольства: хорошими матерями становятся зажиточные люди из городов и крестьяне в отсталых странах. Однако это не объясняет степень страха и облегчения в связи с отсутствием и возвращением матери. Хорошее социальное обеспечение может принимать различные формы, но мать остается решающей фигурой в некотором фундаментальном смысле. Можно предположить, что при наличии нескольких опекунов биологическая/телесная связь с матерью охраняется более сильно, ребенок громче кричит о своем разрыве с ней и мгновенно чувствует себя спокойнее после ее возвращения. Случалось ли нечто подобное с нами, детьми военного времени?

Чтобы ответить на этот вопрос, я собираюсь обратиться к исследованию эвакуированных из Кембриджа детей, о котором я говорила. Его возглавляла Сьюзан Айзекс, бывший президент Британского психоаналитического общества, глава школы-интерната Молтинг* и департамента детского развития в Лондонском институте образования. Среди других в коман-

* Школа-интернат Молтинг (Malting House School) была экспериментальным образовательным учреждением и функционировало с 1924 по 1929 год. Она была создана Джеффри Пайком в его семейном доме в Кембридже, управляла школой Сьюзен Сазерленд Айзекс. – *Прим. пер.*

де Айзекс были Мелани Кляйн и Джон Боулби. Команда была собрана для того, чтобы проанализировать, какое влияние на развитие ребенка оказывает переезд из дома. Исследование, которое проводилось при помощи опросника, заполнявшегося детьми, примечательно с точки зрения критической и самокритической рефлексии Айзекс (Isaacs, 1941). Нам необходимо учитывать также практику изъятия детей из семей. До войны каждый год около 40000 детей, в основном из «разбитых домов» или «проблемных семей», были отданы в другие семьи. Работа Боулби (и других авторов) во время войны и после нее была призвана остановить эту практику. Биологический дом лишь в редких случая мог быть настолько плохим, чтобы оправдать изъятие ребенка. Но в течение сентября 1939 года 47%, или около 750000, школьников страны были перевезены со своими учителями из городов в сельскую местность. (До призыва брат Ричарда Пол – глава 5 – был одним из них.) Еще 420000 матерей с маленькими детьми и 12000 будущих мам также были перемещены[2]. Из этой армии детей на марше около 3000 детей из районов Ислингтона и Тоттенхэма отправились в Кембридж и составили выборку, на базе которой было проведено исследование Айзекс.

Меня интересует то, что эта эвакуация была относительно успешной. Родители скучали по детям, дети тосковали по дому, но одной очевидной проблемой была боль, которую испытывали родители в связи с тем, что их дети так хорошо приспособились к своим новым семьям. Это было особенно верно в отношении маленьких детей, подросткам было труднее. Однако, опираясь на это исследование для своей более поздней работы в Организации Объединенных Наций в отделе охраны материнства и психического здоровья, Боулби писал, что дети «страдали от депривации и еще не были эмоционально самодостаточными», и отметил, что, по сообщению учителей, «тоска по дому была широко распространена и что способность сосредоточиться на школьной работе снижалась» (Bowlby, 1951, p. 28). Это верно. Но учителя также отметили – а Боулби не заметил – не только улучшение здо-

ровья и внешнего вида, но и улучшение отношений с учителями и сверстниками, расширение круга интересов и значительный рост самостоятельности (Isaacs, 1941). Можем ли мы несколько поэтично представить себе, как эти дети рыдают в подушки ночью, но счастливы, бодры и дружелюбны в течение дня? Отвечая на опросники, дети *не говорят,* что больше всего скучают по своим матерям: они упоминают кошек, собак, игрушки и, прежде всего, братьев и сестер. Являются ли они предшественниками моих кричащих бомбейских детей, чья зависимость от матерей кажется столь естественной, почти биологической? Я вспоминаю также работу, которую проделали Балинты, сравнивая и сопоставляя невротических и психотических пациентов в индивидуальном аналитическом лечении с пациентами, проходившими групповую терапию: первые получали инсайты, вторые достигли большей зрелости (Balint et al., 1993). Эвакуированные, как и участники групповой терапии, в отличие от пациентов, имеющих особые отношения с аналитиком-матерью в формате один на один, стали более зрелыми в позитивном ключе. Может возникнуть квазибиологическая боль в связи с отсутствующей матерью в раннем младенчестве, но есть и многое другое. Эти наблюдения, сравнивающие социальные и психические приобретения, напрямую влияют на вопрос о самом смысле психоанализа. Чего он стремится достичь? Расхожее бытовое предположение о том, что лечение — это баловство, следует отринуть, потому что лечение — это жесткая и болезненная процедура. Однако, с другой стороны, в этой критике может быть здравое зерно — распространенность психопатии в обществе может быть связана с ее фактическим игнорированием в психоаналитической теории. Удается ли ей избежать психоаналитического кабинета? (см. главу 8).

Я не сомневаюсь, что Боулби был озабочен социальными вопросами о том, как дети будут жить в обществе; если Кляйн сосредотачивается на самости ребенка, а затем на его взаимоотношениях в семье, то Боулби имеет в виду более широкий мир. Отношение к Боулби как психоаналитику было несколь-

ко ироничным. Большинство психоаналитиков – во всяком случае в то время, когда я высказывала свои слегка пренебрежительные замечания в Институте психоанализа, – относились к его теории отстраненно. Он также получил справедливую долю осуждения от комментаторов, таких как Айзенк, просто за то, что был психоаналитиком. Мне кажется очевидным: сам Боулби считал, что его работа находится в рамках психоанализа, и для него это было важно: «Кажется, уже достаточно было сказано, чтобы признать, что поведение привязанности, сексуальное поведение и родительское поведение являются отдельными системами и никоим образом не ставят под угрозу плоды психоаналитической теории» (Bowlby, 1969, p. 234). В частности, Боулби связывает свою собственную теорию с влиянием эссе Фрейда «Торможение, симптомы и тревога» 1926 года, о котором он отзывается довольно странно: «Вплоть до своего семидесятилетия [Фрейд] ясно воспринимал сепарацию и утрату как основной источник процессов, исследованию которых он посвятил половину жизни. Но к тому времени психоаналитическая теория уже была сформулирована» (Bowlby, [1973], p. 48)[3].

Работа «Торможение, симптомы и тревога» на самом деле содержательно богата и сложна. Сложность эта связана не с теорией, а с решаемыми в этой работе клиническими и интеллектуальными вопросами[4]. В ней, помимо прочего, Фрейд пересматривает взаимосвязь сексуальности и тревоги. Ранее он утверждал, что тревога является результатом неудовлетворительных сексуальных вытеснений, теперь он полагает, что тревога появляется, так сказать, «первой», действуя как сигнал об опасности. То, о чем предупреждает тревога, является, с точки зрения Фрейда, опасностью как внутри, так и снаружи: инстинкты представляют внутреннюю опасность, а запреты на них указывают на внешние опасности. Для Кляйн эта опасность почти полностью исходила изнутри, она делает акцент на последствиях нашей врожденной зависти и разрушительности. Для Боулби это была опасность извне, исходящая от «хищников» (согласно его терминологии).

Я сомневаюсь, что Фрейд независимо от того, осознал ли он важность сепарации и утраты в последние годы своей жизни, согласился бы с развитием этого аргумента Боулби, который, конечно, не лишает его законной силы, а просто позиционирует как нечто иное. В работе Фрейда нет никаких отсылок к утверждениям, которые существовали ранее, как, например, к представлению Отто Ранка, что не сексуальность, а травма человеческого рождения вызывает тревогу, лежащую в основе всех неврозов (Rank, [1924]). Фрейд не верил в то, что тревога обусловлена рождением, но, как мне кажется, он и не считал ее причиной сепарацию, как позже предложил Боулби.

Концепция «сепарационной тревоги» в работе Фрейда представляется достаточно интересной. Здесь я хотела бы обратить внимание, что это поднимает вопрос о кастрационной тревоге у девочки; грубо говоря, как может девочка, которая уже «кастрирована» (то есть не имеет пениса), чувствовать кастрационную тревогу? Фрейд утверждает, что девочка должна скорее почувствовать опасность потери любви, прежде всего, любви отца, к которому она обратилась эдипально. «Сепарационная тревога» приходит со стороны женщины. Но это также и ориентир для братьев и сестер. Сиблинги ищут справедливого распределения любви со стороны своих родителей. Я должна пояснить, что установление этих связей между сепарационной тревогой Фрейда, женственностью и сиблингами принадлежат мне, а не Фрейду. Но важно, что для Фрейда не существует «сепарации» без сексуальности, они не являются, как у Боулби, разными системами. Кроме того, Фрейд отмечает, что утрата значимого человека вызывает не тревогу, а боль. Лицо восьми-десятимесячного ребенка, страдающего так называемой «тревогой, вызванной присутствием незнакомца», выражает сильную боль; в сердце любого скорбящего чувствуется боль. Тревога предупреждает об опасности разделения; боль свидетельствует об утрате. Боль, отражающаяся в реакции ребенка на лицо незнакомца, может указывать на то, что старое лицо (лицо матери) утрачено; тревога — это страх, что что-то должно произойти, а не то, что это уже про-

изошло. Соответственно, можно сказать – хотя никто этого не делает, – что девочка чувствует боль, а не тревогу из-за отсутствия пениса. Поскольку она выражает «кастрационную тревогу», я полагаю, что это потому, что она психически бисексуальна и сохраняет иллюзию, что у нее есть пенис, который она может утратить. Если она испытывает боль, то это потому, что она оплакивает его отсутствие.

Я не буду продолжать рассуждения о боли и тревоге, так как сейчас меня интересуют не различия между концепциями Фрейда и Боулби, а скорее то, почему именно этот конкретный текст Фрейда стал отправной психоаналитической точкой для Боулби. Я уверена, что основной причиной его интереса была «сепарационная тревога», но было и нечто менее явное. Хотя работа «Торможение, симптомы и тревога» была написана в 1926 году, она богата вопросами, оставшимися после появления травматических неврозов и психоневрозов времен мировой войны. Эта статья не похожа ни на приведшую к структурному пересмотру работу «Я и Оно» (1923), ни на лабильную, насыщенную интеллектуальными переходами работу «За пределами принципа удовольствия» (1920). «Торможение, симптомы и тревога» – это проблемный текст, в котором Фрейд чувствует, что осталось не так много старых устоявшихся понятий, но все же здесь, как и везде, он четко сохраняет различие между травматическим неврозом и истерией – между состоянием, спровоцированным конкретным событием, и состоянием, в котором запрет или ограничение на исполнение желаний рассматривается как травматический опыт. И все же Боулби спустя пятьдесят лет написал следующее:

> Когда мертвая фигура ошибочно помещается внутрь себя, иногда может быть диагностировано состояние ипохондрии или истерии. Когда она ошибочно находится внутри другого человека, может быть поставлен диагноз истерического или психопатического поведения. *Подобные термины не представляют большой ценности*. Важно то, чтобы это состояние было признано несостоявшимся трауром

> и результатом ошибочной локализации образа утраченного человека (Bowlby, [1980], p. 161; курсив мой. – *Дж. М.*).

Боулби не видит смысла в том, чтобы разделять травматический невроз и психоневроз. Ситуация утраты размывает любые психические различия. Этот аргумент имеет здесь решающее значение. В начале первого тома трилогии «Привязанность и утрата» Боулби (Bowlby, 1969) утверждает, что его теория меняет психоаналитическую методологию. В классическом психоанализе симптом пациента восходит к возможному событию, в котором может быть ядро реальности, значимость которого заключается в его психической проработке. Теория Боулби начинается с травмы и движется проспективно; таким образом, это скорее прогноз, чем ретроспектива. Его работа предполагает социальную ответственность, мы можем принять превентивные меры, если будем смотреть вперед. Тем не менее это поднимает вопрос об ипохондрическом, истерическом или психопатическом взрослом, который может изменить свое будущее, только изменив свое прошлое. Перенос приобретает здесь новое измерение. Во всех случаях патогенетическим агентом является утрата материнской фигуры. Хотя Боулби пишет здесь о фактической смерти, в его теории, похоже, есть грань между смертью, которая причиняет боль и должна быть оплакана, и сепарацией, которая, собственно говоря, вызывает тревогу в ожидании опасности. Конечно, боль присутствует, только если сепарация воспринимается как уже осуществившаяся утрата.

Таким образом, событие «сепарации как утраты» по своей структуре напоминает не только представление Отто Ранка о травме рождения как причине психических проблем человечества (Rank, [1924]), но и, конечно, «открытое Фрейдом» событие родительского сексуального соблазнения, с которого началась история истерии. Опять же это не значит, что вывод неправильный, скорее, наоборот. Но это придает ему особый статус. Фрейд утверждал, что в начале жизни что-то травмирует – что-то нарушает защитные границы и как бы взрыва-

ется внутри. Травма Боулби в связи с утратой матери наступает позже, чем период новорожденности, потому что поведение привязанности развивается медленно. Привязанность начинает формироваться в первый месяц; сепарационная тревога набирает силу, и Боулби называет то, чего боятся, «хищником». Из-за возможного присутствия «хищника» сепарация вызывает тревогу, а не боль.

Моя мать умерла несколько лет назад в том возрасте, который она назвала «крайней старостью». Она оставила моей дочери, своей внучке, дневники, которые она вела большую часть своей взрослой жизни. Чтение этих дневников стало частью моего собственного процесса горевания. Когда я родилась, моя мама была ботаником, занималась исследованиями и преподаванием в Новой Зеландии. Она брала меня, ребенка нескольких месяцев от роду, с собой «в поля», куда ходила со своими учениками. Однажды она написала, как замечательно иметь возможность оставлять меня спать на открытом воздухе, когда все уходят на поиски редких растений, потому что в Новой Зеландии вообще нет опасных животных. Когда я читала это, то обнаружила, что мой внутренний ребенок протестует: разве она не знала, что, если я проснусь, я не буду знать, что паук не ядовит, птица киви – не гриф, а ягненок – не лев? Для новорожденных и более старших детей мир иногда может выглядеть исполненным гармонии, но я согласна с Боулби, когда он говорит, что этот мир является очень пугающим местом.

Я думаю, что Боулби говорит о травме при травматическом неврозе. По его мнению, в основе психоневроза лежит реальная травма. Фрейд во время написания работы «Торможение, симптомы и тревога» считал, что, хотя травмирующие события могут иметь место как при психоневрозах, так и при травматических неврозах, эти два состояния не одинаковы. В первом случае травма вызывает реакцию, которая, если не оказана помощь, может стать патологической, как описывает Боулби. Но во втором есть что-то другое – сексуальное влечение и желание, оно проявилось и оказалось вытеснено, а вытес-

нение потерпело неудачу. Чтобы использовать старый термин, Боулби описывает «настоящий» невроз; и он действительно обнаруживает, например, что мать Маленького Ганса на самом деле угрожала покинуть его, и, как и во многих других душераздирающих случаях, которые Боулби описывает, он обнаруживает не только испуг маленького мальчика, но и то, что его страх оказывается также неверно понят и истолкован. Нет сомнений в том, что родители говорят ужасные вещи, обычно такие вещи можно воспринять только тогда, когда их говорят другие люди. Я помню, как, будучи в Риме с маленьким ребенком, рассказывала друзьям, у которых мы остановились, какая вокруг приятная обстановка: все так добры к матерям и детям. Моя подруга вывела меня во двор, чтобы я услышала, как в соседних квартирах кричат на детей. Она дала мне понять, что это было поле битвы, где вместо оружия применялись жестокие угрозы и словесные оскорбления.

В третьем томе трилогии Боулби, опираясь на этологию, использует социологические исследования (Bowlby, [1980]). Сначала такое расширение тематики книги, которая до этого касалась в основном работы горя, показалось мне приятным дополнением. Этологические концепции, на которые ссылался Боулби, были для меня в новинку. Я была обеспокоена своей реакцией, поскольку, будучи молодой феминисткой, питала отвращение к биологически детерминированному подходу конца 1950–начала 1960-х годов, который хорошо передает фраза «Я – Тарзан. Ты Джейн»*. Теперь я получаю удовольствие от отсылок Боулби к этологии, поскольку за прошедшее время познакомилась с его соратником Робертом Хинде, очень уважаю его работу и, возможно, обрела душевное спокойствие, когда вся страсть уже улеглась, когда годы берут свое и когда мы чувствуем, что находимся на каком-то доисторическом континууме – получаем своего рода компенсацию за недополученные религиозные утешения. И то-

* Имеется в виду известная фраза из фильма «Тарзан: Человек-обезьяна». – *Прим. пер.*

гда я поняла: именно то, за что современники критиковали Боулби, представляет наибольший интерес. Этология указывает на универсальную, общую ситуацию. В универсальном выражении сепарационной тревоги нет ничего индивидуального или субъективного — это типичный ответ на травму, обычный для приматов и, возможно, для менее сложных форм жизни, например, для птиц, о которых говорил Хинде и за которых был высмеян Боулби. Не рождение и не сексуальное соблазнение, а утрата или угроза утраты фигуры, которая защищает от хищников, казались подходящими источниками генерализованной первичной травмы. Однако после этого многообещающего начала Боулби, кажется, отбросил добрую часть своих размышлений: кто-то должен заботиться и защищать, но от кого или от чего должен быть защищен ребенок? В этом обнаруживается определенная тавтология, когда опасность, исходящая от хищника, становится опасностью утраты опекуна.

Испытывали ли, таким образом, кричащие в аэропорту Бомбея дети, окруженные многочисленными и явно любящими опекунами, неадекватную привязанность к одной фигуре, как интерпретировал бы их поведение Боулби? И да, и нет. Может быть, это был массовый случай дезорганизованной привязанности в условиях городской бедности. Возможно, на них повлияли резкая смена внимания, внезапное отсутствие, чрезмерная стимуляция и ситуация оставленности, которые так или иначе означали отсутствие матери. Возможно, однако, что это было связано со степенью и типом опасности — хищник, странная среда, чрезмерность. В «Боге мелочей» (см. главу 3) Арундхати Рой со всей остротой описывает и представляет жизнь индийцев в постоянной близости от травмы. Масштабная травма затмевает личную трагедию:

> Он [американский муж] не знал, что есть на свете места, например, страна, в которой родилась Рахель, где разные виды отчаяния борются за пальму первенства. Не знал, что личное отчаяние никогда не может претендо-

> вать на право называться настоящим отчаянием. Не знал, как оно бывает, когда личная беда сметается на обочину громадной, яростной, кружащейся, несущейся, невообразимой, безумной, невозможной, всеохватной силой национальной беды. <...> Больше ничего не имело значения. И чем меньше значения этому придают, тем меньше оно значит. Оно никогда не было по-настоящему важным. Потому что случалось и Худшее. В стране, где она родилась, вечно зажатой между проклятьем войны и ужасом мира, Худшее случалось постоянно (Roy, 1997, p. 19).

Недавнее землетрясение в Гуджарате и последующие религиозные беспорядки являются примером сказанному. Журналист Микаэла Ронг недавно подвергла критике тех, кто сравнивал британские наводнения, железнодорожные катастрофы и т. д. с условиями жизни в третьем мире; она процитировала друга, и эта фраза получила широкое распространение: «Жить в Киншасе – это все равно, что плавать среди акул». Младенцы в лондонских детских садах военного времени, которые не плакали, а кричали, жили в период интенсивных бомбардировок Лондона.

Детей увозили из Ислингтона и Тоттенхэма, из тех мест, которые должны были стать зоной военных действий. В присутствии хищников или других опасностей дети, казалось, будут находиться в более надежных руках, когда уход за ними осуществляют несколько лиц. В странах Африки к югу от Сахары возрастает уровень детской смертности от недоедания – умирают матери. Из-за СПИДа детям приходится занимать пост главы семьи. Привязанность бомбейских детей может быть ненадежной не потому или не только потому, что это не «организованная» привязанность к одному лицу, а потому, что в Индии просто больше опасностей, чем в Англии. Всегда существует угроза незнакомой ситуации. Худшее уже случилось. Ребенок, который кричит, может таким образом заявить о своей собственной значимости, прежде чем уже ничего не будет иметь значения. «И чем меньше значения этому придают,

тем меньше оно значит. Оно никогда не было по-настоящему важным». Опасность угрожает, прежде всего, мигрантам, но опасность и порождает мигрантов, которые вынуждены спасаться от нищеты или войны, уходя только в совершенно новое и, следовательно, опасное место. Именно опасность этого незнакомого места делает необходимым наличие матери как надежного места. Но это становится запутанным, как змея, кусающая себя за хвост, так что опасность незнакомого места приравнивается к утрате матери.

Работа Боулби имела решающее значение для спора о том, что должно быть, но не более необходимого. Исследование Айзекс не являлось дидактическим или программным, как работа, которую Боулби впоследствии проделал для Организации Объединенных Наций, и, в конечном счете, она упустила возможность проанализировать то, что было предоставлено, сосредоточившись на том, чего не было. По большому счету, дети приспособились к безопасным убежищам; те, которые этого не сделали, не считали эти убежища безопасными.

Кто эти многочисленные опекуны, которые так поспешно называются заместителями матери? Описывая свой опыт работы с детьми в детских садах военного времени, Анна Фрейд отметила, что дети, у которых были очень спутанные переживания, формировали не столько вертикальные, сколько латеральные отношения. Это было особенно отмечено в группе детей Холокоста. Лишенные всего остального, они создали сплоченную, поддерживающую сиблинговую семью. По мнению Анны Фрейд, как и ее отца, в нормальной ситуации сначала возникают эдипальные семейные отношения, которые затем распространяются на братьев и сестер. Анна Фрейд отметила обратное движение, но решила, что это отличительная черта проблемной ситуации.

Определенная патологизация сиблинговых групп достаточно явно проявилось в послевоенной тревожности, которая повлияла на атмосферу 1950-х годов и нашла отражение в романе «Повелитель мух» Уильяма Голдинга (1954). Такая

патологизация, я полагаю, является результатом объяснения неправильных сиблинговых отношений не путем их сравнения с хорошими сиблинговыми отношениями, а с позиции несложившегося материнства. Если мы применим это объяснение недостаточно хорошей матери к бомбейским младенцам, то есть риск патологизировать всю популяцию. Когда матери в аэропорту возвращались, дети сразу же успокаивались в объятиях тех, с кем они были, им не нужно было, чтобы матери взяли их на руки.

Я полагаю, что, хотя действительно существуют настоящие заместители матери, такие как приемная мать, мачеха или отец, который выполняет функции матери, тем не менее расширение этого термина путем включения любого, кто ухаживает за ребенком, указывает на вводящий в заблуждение матрицентризм. Действительно, другие опекуны, которые не являются заместителями матери, иногда упоминаются в работе Боулби, хотя даже в этих примерах подчеркивается их отличие от реальных заместителей матери, чтобы еще раз обратить особое внимание на *материнство.* «То, что младенец может испытывать привязанность к другим *людям того же возраста или немного старше,* объясняет тот факт, что поведение привязанности может развиваться или быть направлено на фигуру, которая ничего не сделала для удовлетворения физиологических потребностей ребенка» (Bowlby, 1969, p. 217; курсив мой. – *Дж. М.*).

Эти фигуры привязанности, на которые ссылается Боулби, примерно одного возраста или немного старше. Нам нужно понять, что в состоянии сепарационной тревоги присутствует еще одно измерение. У детей, которые отправились в эвакуацию со своим пусть даже младшим сиблингом, уровень сепарационной тревоги был намного меньше. Боулби отмечал, что среди макак-резус сыновья и дочери держатся близко друг к другу. Те, кто в представлении Боулби с его креном к матрицентризму являются «сыновьями и дочерями», при несколько ином взгляде будут, разумеется, братьями и сестрами или сводными братьями и сестрами. Бабуины участвуют

в социальной игре со сверстниками примерно в возрасте четырех месяцев, а к шести месяцам их игра «поглощает большую часть времени и внимания». И все же их не отнимают от груди до десяти месяцев; другими словами, латеральные отношения имеют решающее значение даже на пике «привязанности к матери».

В полигинных обществах, в современных западных семьях, в семьях, подобных тем, о которых пишет Фрейд, где имела место высокая доля материнской смертности, тети и дяди могут быть моложе своих племянниц и племянников. С точки зрения младенца степень родства как отличительная категория может быть нерелевантной; даже с нашей точки зрения она не вполне подходит под аналитическую категорию. Эти множественные опекуны могут быть как «вертикальными», так и «латеральными» родственниками. Гувернантки, даже молодые няни или помощницы по хозяйству вполне могут считаться латеральными опекунами, как и вертикальные заместители матери. Няни заботятся о нескольких детях, которые часто становятся близкими друзьями, – можно ли утверждать, что вертикальная защита или любовь важнее латеральной?

Я полагаю, что Боулби запутался в значении братьев и сестер, как и Фрейд после Первой мировой войны. Войны выводили на арену латеральные отношения, которым сопротивлялись теория и практика, оставляя теоретиков в замешательстве. Например, Боулби утверждает, что смерть брата или сестры во взрослой жизни редко усугубляет работу горя, но это не подтверждается ни моим клиническим опытом, ни историями болезни, которые я читала, ни наблюдениями Фрейда над реакцией Вольфсманна на смерть его сестры. И сам Боулби отмечает, что военные летчики часто ищут для себя ту же судьбу, что и их боевые товарищи – чем является эта дружба, как не «братством», что представляет собой этот поиск смерти, как не осложненную форму горевания? Конечно, это пример того, что сам Боулби объяснил бы как «неправильное расположение» мертвого человека внутри субъек-

та, как при истерии, ипохондрии или психопатии. Он также утверждает, что смерть сиблинга в детстве влияет на выживших детей не сама по себе, а только через измененное поведение родителей. Похоже, что здесь потребность в «вертикализации» привела к появлению слепой зоны в наблюдениях этого превосходного специалиста по детям. Например, он отмечает, что, когда девочку, которую он называет «Лотти», оставляют в детском саду, она «превращается» в свою сестру «Дорри» (Bowlby, [1973], p. 50). Он пишет об обстоятельствах жизни этого ребенка:

> Беременность матери и ожидание рождения ребенка также могут быть исключены как незначительные факторы. Прежде всего... дети, чьи матери не беременны, обычно демонстрируют однотипные реакции в ситуации расставания. Во-вторых... можно провести прямое сравнение поведения тринадцати детей, чьи матери собирались завести нового ребенка, с поведением пяти детей, чьи матери не были беременны. Когда было проведено детальное сравнение того, как дети в этих двух группах вели себя в течение первых двух недель после сепарации, между ними не было обнаружено существенных различий (Bowlby, 1969, p. 33).

И все же он отмечает следующее (и это особенно важно для моих размышлений):

> Для большинства маленьких детей одного вида матери, держащей на руках еще одного ребенка, достаточно, чтобы выказать сильное поведение привязанности. Старший ребенок настаивает на том, чтобы оставаться рядом с матерью или сидеть у нее на коленях. Часто он ведет себя так, будто он младенец. Вполне возможно, что это известное поведение является особым случаем, когда ребенок реагирует на отсутствие реакции матери на него. *Однако тот факт, что ребенок более старшего возраста часто реагирует подобным образом даже когда мать проявляет вни-*

> *мание и отзывчивость, свидетельствует о том, что здесь задействовано нечто большее* (Bowlby, 1969, p. 260–261; курсив мой. – *Дж. М.*).

Я предполагаю, что здесь действительно «задействовано нечто большее». Чувствуя угрозу со стороны странного существа в животе своей матери, Лотти надеется, что сестра, в ожидании которой она находится, станет похожей на уже знакомую Дорри или же что она сама станет Дорри и сможет справиться с прибытием новой Лотти. Может ли быть так, что преждевременное и неразрешенное отделение от материнской фигуры создает предпосылки для развития актуального невроза (как я это называю) и что появление брата или сестры как раз и является новым случаем такой травмы? Сиблинг (или сверстник), который является моей репликой, угрожает моему существованию – кто я, если есть другая дочь, сын, ребенок?.. Ненависть к сопернику предшествует любви к товарищу по играм. Любовь приходит, когда неизвестное становится знакомым. Я полагаю, что здесь, когда сиблинговая травма – травма присутствия сиблинга – накладывается на травму неизвестного хищника, связанную с сепарацией от матери, можно найти ядро не настоящего невроза, а психоневроза. «Хищник» переживается через аффекты; сиблинг требует понимания. Инцест и желание убить, позитивная любовь и позитивная ненависть латеральных отношений устанавливают свои собственные требования и нуждаются в своих собственных решениях наряду с инцестом и желанием убить, любовью и ненавистью эдипальных и кастрационных комплексов. Из дилеммы латеральности также происходят психическая трансформация, обнаруживаемая в симптоме, фрейдовское бессознательное, компульсивное повторение и побудительная сила самого влечения.

Теперь я хочу вернуться к тому, с чего начала. Боулби для меня представляется заботливым, внимательным, бесконечно творческим, вдумчивым, интеллигентным человеком и великим новатором. Возможно, потому, что он сам

скучал по своей матери, когда был ребенком[5], Боулби в своей теории отвел утрате матери центральное место, однако упустил из виду сиблинговые отношения, которые он проявлял в своих прекрасных отношениях с коллегами, но игнорировал в своих размышлениях. Я убеждена, что матери имеют значение; но они не должны отвечать за все проблемы: проблему хищника, травму чрезмерности. Я имею в виду не моральную сторону, а логическую. То, что травмой стала утрата того, кто должен защищать от травмы, имело много печальных последствий, одно из которых – попытка создать «супермаму» в 1950-х годах и осуждение матерей, которые не соответствовали этому образу. Но это абсурд! Ни одна Мать не может быть Кнудом Великим, который повелевает волнами, землетрясениями, войнами или жестоким обществом. Как и в случае с рождением сиблинга, она может смягчить последствия, только если мы сместим наше внимание на них, а не на нее. Это то, что пытались сделать во время эвакуации.

Я хочу выразить свое уважение и с любовью вспомнить сестер и братьев (настоящих и метафорических), друзей и товарищей по детскому саду и улице, с которыми я дралась и играла, кричала и смеялась, разделяла заразные болезни, так распространенные в то время, пока наши матери, которых мы обожали, когда они обожали нас, работали, а бомбы падали. Наличие латеральных отношений и память об их богатстве – недооцененная часть ткани психической и социальной жизни.

Глава 8

Наше время: сексуальность, психоанализ и социальные изменения

С 1960-х годов произошли значительные изменения в семейных конфигурациях, однако психоаналитики, работающие с семьями, опираются на весьма устаревшие теории и данные, которые ведут свой отсчет либо от рождения этой дисциплины более ста лет назад, либо же от кризиса периода Второй мировой войны, не заглядывая дальше 1960-х годов. В наши дни в западном мире происходит значительное снижение числа браков и возрастание числа разводов, размер семьи уменьшается, количество детей в семье зачастую не более двух, увеличивается число детей, рожденных вне брака, возрастает число матерей-одиночек, отцов, которые отсутствуют большую часть времени, людей, которые просто живут вместе, моногамных пар без детей и других вариантов организации совместного проживания, в том числе гомосексуальных пар с детьми и без детей. Все эти феномены присутствовали и ранее, в другие исторические периоды или других обществах, но важно, что на момент – или в период – создания психоаналитических теорий они не входили в область повседневных практик в западном мире. Более того, такое сочетание разных форм семейной организации, которое мы встречаем сегодня, не было в той же степени присуще семьям прошлого. Напротив, когда одна (или несколько) этих форм начинала преобладать, как, например, в Британии военного времени, это способствовало созданию идеологического мифа о нуклеарной семье, где все внимание было сфокусировано на ребенке, на матери и на отсутствующем

отце. Во время войны реальность поставляла большой объем клинического материала о связи матери и ребенка. И, кроме повторяющихся заявлений о важности роли отца, не проводилось каких-либо серьезных исследований отцовства и отношений между ребенком и отцом. Ирония заключается в том, что важные тексты прочитывались как прообразы описания будущих матерей-одиночек; наибольшее внимание уделялось именно феномену заботы о ребенке, а не супружеской паре, и эта тенденция сохранилась до сих пор.

Меня интересуют исследования ряда острых вопросов, связанных с психоаналитической теорией и практикой в свете социальных изменений. Фокус проблемы для меня вращается вокруг понимания гетеросексуальности, которая хотя и получила одобрение, но не была должным образом проанализирована в контексте социальных изменений. Я не касаюсь вопросов плюрализма сексуальных практик (глава 5), меня интересует многообразие различных психических манифестаций, которые возникают, маскируясь под нормативность. Поддержка нормативного, не только по определению, должна исключать ненормативное, но, как обычно отмечается, такая позиция маскирует наличие ненормативного. Когда на это не обращают внимания, анализ превращается в идеологию (глава 2). Пока мы не сможем соотнести наши теории психической жизни с социальными условиями независимо от того, кажутся ли они «универсальными» или специфическими, такие теории невольно будут отражать эти самые условия. Действительно, я думаю, что это уже произошло в отношении понятия кастрационного комплекса и в отношении связи мать–младенец. Как следствие того, что теории характера предпочитаются теориям личности (глава 4), кастрационный комплекс больше не рассматривается как исходящий с позиции отца. Вместо этого он отбрасывает свою тень на мать, так что мы имеем дело с женщиной, которой боятся, а не с испуганным ребенком. Ребенок не отказался от своих амбивалентных желаний под влиянием ограничений, которые накладывает на него цивилизация; напротив, он стано-

вится невротиком или психотиком из-за кастрирующей матери. Как следствие, идиллия между матерью и ребенком может возникать только у правильных матерей в очень правильных ситуациях.

В этом прослеживается четкая последовательность: проблема отцовства, проблема материнства и проблема статуса сиблингов как конечная точка на этом пути. Все эти три вопроса непосредственно связаны с вопросом гетеросексуальности. Приобретают ли сиблинги особый психический статус в связи с невыполнением родителями своих обязанностей? Но они также вносят свой вклад в это невыполнение. Еще в 1963 году немецкий психоаналитик Александр Митчерлих провел исследование, описанное в его книге «Общество без отца» (Mitscherlich, 1963). В наши дни такие выражения, как «Америка без отца» или «отцы-маргиналы», становятся весьма распространенными. Отсутствующие отцы – настолько нормативное явление, что оно привело к внесению изменений в британское законодательство, согласно которому они должны выплачивать 15% от зарплаты на одного ребенка и 20% на двоих детей – смехотворные суммы. Если брак не был заключен официально, они не имеют права голоса при обсуждении вопросов образования и лечения своих детей. Все эти меры институализируют явление исчезающих отцов.

Я предполагаю, что снижение значимости комплекса кастрации в теории объектных отношений, продвигаемой кляйнианским направлением и независимой группой Британского психоаналитического общества, отражает непризнание этих социальных изменений. «Общество без отца» получает осмысление в теории, которая подтверждает важность эдипова комплекса, но не обращает особого внимания на критическую роль кастрационного комплекса. Хотя и кляйнианцы, и практики, принадлежащие к независимой группе, заявляют о своей приверженности положениям комплекса кастрации, в их клинических наблюдениях и теоретических описаниях этот комплекс поразительным образом отсутствует. Адам Лиментани – один из тех аналитиков, которые размышля-

ют об отсутствии комплекса кастрации не столько в теориях, сколько в материале тех случаев, с которыми сталкиваются аналитики в своей практике. Фиксирует ли при этом Лиментани психические отголоски социальных изменений?

В статье 1986 года «Пределы гетеросексуальности: вагинальный мужчина», переизданной в 1989 году (Limentani, 1989), Лиментани исследует феномены, обнаруженные в ходе многолетней клинической практики. Он пишет о том, что гетеросексуальность, будь то социальная практика или психическое переживание, присуща тем людям, которые не проявляют никаких признаков комплекса кастрации или у которых он проявляется как-то не так, то есть когда кастрационной комплекс трудно обнаружить. Успешное или неуспешное разрешение комплекса кастрации продемонстрировало бы его наличие в качестве репрезентации бессознательных процессов, но, по логике Лиментани, который много работал с сексуальными перверсиями, мужская гетеросексуальность может быть достигнута вообще без осознания комплекса кастрации. Без страха кастрации не может быть интернализован ни запрет на инцест, ни запрещающий отец, и, таким образом, нельзя говорить о разрешении комплекса, которое заключается в развитии защищающего Супер-Эго как носителя этических ограничений, способного к сублимации и учитывающего общественные нормы. «Вагинальные мужчины», описанные Лиментани, обнаружили жизнеспособное решение проблемы «невыразимого ужаса» (Уилфред Бион) посредством идентификации с женщинами, которых они любили, но не выбирали как объект для отношений. Мужчины такого типа могут быть хорошими любовниками, потому что они могут идентифицироваться с тем, чего хочет женщина. Вопрос ставится таким образом: могут ли они быть отцами или принять женщин в качестве матерей своих детей в психическом, а не в биологическом смысле?

Лиментани убежден (и убеждает в этом нас), что «вагинальные мужчины» не защищаются от гомосексуальности, как это обычно считается. Используя вертикальную модель

психоанализа, он заявляет, что вместо гомосексуальности «вагинальный мужчина» демонстрирует возврат к изначальной модели отношений, когда имело место слияние младенца с матерью, а отец психически отсутствовал. Но давайте остановимся в этом месте, чтобы определить, чем является гетеросексуальность.

Мне представляется, что открытые гомосексуалы делают тот же самый (что и гертеросексуалы) психический выбор – оценивают «схожесть» и интенсивную идентификацию, а не просто выбирают себе объект. Тем не менее утверждение, что гомосексуалы и гетеросексуалы вовлечены в одни и те же психические практики, не означает, что гетеросексуалы являются скрытыми гомосексуалами. Социальная практика гетеросексуальности всего-навсего скрывает психическую идентификацию, в то время как практика гомосексуальности этого не делает. Если это так, то я должна предположить, что женщины также могут быть «вагинальными», как и мужчины. Просто в их случае этот синдром выглядит иначе, потому что эта «нормально выглядящая патология» близка к тому, кем она «должна» быть, то есть женщиной. В таком случае регресс в сторону идентификации вместо выбора объекта представляет собой процесс, при котором не произошел отказ от материнского объекта и он не был интернализован. «Вагинальная женщина» идентифицировала себя с матерью, но ей не удалось интернализовать «феминность» (Riviere, 1929) или, возможно, что более важно, «материнство», то есть она не смогла придать им смысл. «Вагинальный» мужчина (или женщина) может быть гомосексуальным или гетеросексуальным, но он в любом случае испытывает «муки гендера» (Butler, 1999). Если это так, то у него могут быть проблемы в репродуктивной сфере (см. главу 5). «Вагинальный» мужчина или «вагинальная» женщина могут быть мужчиной или женщиной (это мы рассмотрим подробнее в дальнейшем), но он или она физически не могут стать отцом или матерью, так как и тот и другая идентифицированы с ребенком. Является ли это предиспозицией к психопатологии, как и прояв-

лением истерии у «вагинальных» мужчин и женщин? Сейчас я думаю, что истерия, которая была выдворена из психоаналитических кабинетов по причине ограничений вертикальной модели, обнаруживает свою психопатологию в безумии спальни, на улице или на работе.

Если не существует комплекса кастрации в гетеросексуальной идентичности, если нет «символического» отца, то существование отца должно было быть сознательно аннигилировано, не так ли? Если это так, то мы имеем дело с превалирующей «нормальной» гетеросексуальностью, чьи психические структуры, хорошо замаскированные, относятся к сфере психотического. Также мы сталкиваемся с тем, что, хотя гетеросексуальность может работать достаточно хорошо на уровне временной пары, серийные моногамные отношения, подразумевающие «отцовство», как реальное, так и символическое, будут переживаться как травма. Это происходит потому, что психически любой ребенок «вагинального мужчины» будет восприниматься не как отцовский отпрыск, а скорее как результат предательства его жены, которая выступает в роли его матери, изменившей ему, вступив в какой-то воображаемый прелюбодейный союз. Не является ли это возможным источником проблемы вагоновожатого (глава 6), который выбрал жену, предавшую его?

Лиментани настаивает на том, что вагинальный мужчина идентифицирован с матерью. Однако здесь опять не находится места для сиблинга в этой смешанной идентичности, когда вагинальный мужчина является и матерью, и ребенком, каким он был, когда на свет появился реальный или воображаемый сиблинг. Замещающий ребенок, такой как «Пигля», описанная Д. Винникоттом, становится не только утраченной матерью, но и матерью и новым ребенком одновременно. Эта детская идентификация, которая начинает переживаться как регрессия, связана с бессознательной фантазией, в которой вагинальный мужчина как бы делит свое детское место со своим собственным ребенком. В таком случае между отцом и ребенком возникает колоссальная сиблинговая рев-

ность. Вместе с трансформацией матери в аффективный объект вагинальный мужчина не утрачивает ее в качестве эротического объекта. Она остается желанной, но в его сознании она предала своего ребенка (его самого), совершив измену, то есть завела какого-то любовника, который не является им самим. Здесь я добавлю, что подобная идентичность приводит вагинальных мужчин во взрослом возрасте к адюльтеру. Когда жена вагинального мужчины рожает ребенка, для него это становится свидетельством адюльтера его матери, которого он всегда страшился[1]. Тезис Лиментани заключается в том, что такой мужчина идентифицирован с женщиной как с воплощением его матери, которая защищает его от «первичного ужаса» и потому лишена сексуальности.

В детстве, в котором вагинальный мужчина все еще пребывает, мать предала его, чтобы иметь отношения с его отцом – ее мужем; будучи идентифицированным со своей сексуальной матерью, вагинальный мужчина, истерик и Дон Жуан, обнаруживает свою сексуальность. Он идентифицируется с эротической женщиной, вместо того чтобы признать неизбежную утрату матери, какой она была в его младенчестве. Если обратиться к выводам Боулби, то можно сказать, что вагинальный мужчина (или женщина) не оплакал утрату ни своей инфантильной матери, ни своего инфантильного Я. Интересно, что у него нет ни образа, ни даже воспоминаний о собственном детстве: не отказавшись от него, он, разумеется, не может создать его внутреннюю репрезентацию.

Психическая картина, которую рисует Лиментани, объясняя воздействие первичного ужаса, напоминает мне историю про маленькую обезьянку, которая цепляется за материнскую шерсть, когда слышат какой-то необычный шум, подозревая, что это пришел кто-то типа льва. Но мать, за которую она цепляется, – это знакомая мать, присутствие которой воспринимается как должное. Тем не менее вся симптоматология вагинального мужчины – раздражительность, ревность и прочее – означает для меня нечто другое, а именно двойную опасность внешнего мира. Снаружи находится

не только лев, один из «хищников» Боулби, но и сама мать приобретает какую-то незнакомую форму, как неизвестный шум в лесу, и это пугает. Мать беременна. Вагинальный мужчина (или женщина) идентифицируется не с меняющейся матерью, а с идеальной женщиной, с матерью, которая не может изменить форму, стать незнакомой, не может иметь других детей, стареть, болеть или отдаляться: таким образом, та женщина, с которой они идентифицируются, является иллюзией.

Парадокс, который, как я утверждаю, лежит в основе психопатии, заключается в том, что знакомое представляется чем-то пугающем, а в то же время новое ощущается как безопасное. Новое — новый мужчина и новая женщина, новая работа, новый ребенок — до тех пор, пока оно остается новым, не меняет образ, не имеет прошлого, которое можно изучать, а потому забавным образом помогает *сохранять* психический статус-кво. Постоянные изменения на самом деле являются всего лишь модификациями; они предотвращают настоящие изменения, которые сопровождают влечение к жизни. На мой взгляд, это манифестация влечения к смерти — неотложная поспешность, которая гарантирует психическую стабильность. Защитные идентификации вагинальных мужчин с идеальной, не подлежащей изменениям матерью защищают от ужаса встречи с незнакомой матерью, когда изменившаяся форма матери свидетельствует о наличии другого — брата или сестры. Но когда ребенок рождается, то вагинальный мужчина, как и Пигля, не зная, кто он такой теперь, становится новым ребенком, который является также и тем ребенком, которым он был ранее.

Лиментани обрисовал благоприятную ситуацию. Однако определенная комбинация ряда факторов, вполне вероятно, может дать нам прототип человека, жестоко обращающегося с женщинами и детьми. Это отсутствие границ, необходимое для того, чтобы вагинальный мужчина мог идентифицироваться и с женщиной, и с ребенком в сочетании с глубоким чувством «ненаполненности собой» (Балинт), поскольку он не интернализировал «другого». С этим связаны его первич-

ная ревность (Ривьере) и его примитивная нетрансформированная ярость. Я думаю, мы должны поставить вопрос о том, что превалирование вагинальных мужчин в контексте изменения наших социальных практик может коррелировать с возрастанием числа случаев жестокого обращения с детьми. Я думаю, что Лиментани указывает на возможность широкого распространения такой «нормальности»: на доминирующий тип гетеросексуальности.

Но это всего лишь один аспект ситуации. Согласно моим предположениям, по причине инфантильного слияния с матерью вагинальный мужчина воспринимает другого человека в латеральном контексте как свое собственное сиблинговое расширение, когда женщины становятся сестрами, а мужчины – братьями. Тот же расклад сохраняется и в случае вагинальной женщины. Следует принять во внимание, что причина этого лежит не только в семье, но и в школе. Отсутствие «закона матери» (глава 2) в совокупности с отсутствием «закона отца» (комплекс кастрации) усугубляется отсутствием пространства для сиблингов/сверстников, в котором жестокость и инцестуозные желания могли бы трансформироваться в уважение права старших. И школе, и обществу надо уделять больше внимания вопросам структурирования отношений в группах сверстников.

Распространенность вагинальных мужчин указывает на то, что, возможно, понятие гендера не просто индифферентно к половым различиям, но сама эта выраженная индифферентность отчасти создает гендер: гендер как отношение между двумя (или более) позициями может позволить этим позициям меняться местами. Если вагинальный мужчина может быть женщиной, и наоборот, то не имеет большого значения, кем быть. Лиментани утверждает, что вагинальный мужчина – это Дон Жуан. С моей точки зрения, это прекрасный пример человека, который всегда в движении, чтобы вновь и вновь убеждаться, что на самом деле ничего не поменялось[2]. Особенность сексуальности в период после 1960-х годов – это свобода от страха забеременеть, что спо-

собствовало распространению донжуанского поведения среди женщин. На самом деле здесь нет ничего уникального (чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить драмы эпохи Реставрации), но общественное признание этого является важной частью социальной ситуации в западном мире. Это ироническая форма психоаналитической пропаганды гетеросексуальности.

Статья Эрика Бренмана «Истерия» (Brenman, 1985) может помочь нам прийти к пониманию того, что есть гендер. Более того, я бы хотела рассмотреть портрет мужской истерии, который нарисовал Бренман. Я думаю, что он описывает тот же самый или очень сходный с ним тип, который Лиментани называет «вагинальным мужчиной». Бренман также обращается к синдрому Дон Жуана (Brenman, 1985, p. 423)[3]. Его работа посвящена мужской истерии, но созданный им портрет нарисован в гораздо более мрачных тонах, чем портрет вагинального мужчины Лиментани. Он показывает, каким образом в донжуанстве проявляется «отрицание психической реальности». Негативизм добавляет важное измерение к нашей картине, позволяющее установить связь (хотя Бренман этого и не предполагал) с психопатией и жестоким обращением с детьми. Г-н X Бренмана бездетен и склонен к психологическому насилию над женой.

Г-н X сообщает доктору Бренману, что он испытывал невыносимую тревогу и панические состояния, а затем внезапно чудесным образом выздоровел от всего этого. Его самопрезентация полна противоречий: в частности, он утверждал, что был безжалостным и заботливым. Он пытался контролировать своего аналитика и аналитический процесс путем изощренных манипуляций, часто ставя Бренмана в ситуацию двойных посланий (Г. Бэйтсон). Он использовал свою сексуальность не для сексуального удовлетворения, а для победы над другим человеком, «как псевдосексуальность, обслуживающую нарциссические победы» (ibid.). (Как точно это описывает некоторые случаи сиблингового инцеста!) Бренман пишет об истерии, иллюстрируя ее случаем г-на X:

> Я верю, что истерик способен построить внешне вполне пристойные отношения с живым внешним объектом. При этом внешний объект, человек, используется для того, чтобы поддерживать целостность истерика, защищая его от более сильного депрессивного срыва или дезинтеграции в форме шизофрении.
>
> Основной темой данной статьи является то, что использование внешних объектных отношений, которые проявляют себя как отношения с целостным объектом, по сути своей является нарциссическим, и этот, на первый взгляд, целостный объект используется как частичный для предотвращения возможного срыва (Brenman, 1985, p. 422–423).

Мне кажется, что быть негативным — это позитивная сторона «вагинального мужчины»: в любом случае он ощущает себя как другого. В случае пациента Лиментани идентификации защищают его от «первичного ужаса»; в случае пациента Бренмана фальшивое использование «целостного объекта» защищает его от дезинтеграции, депрессии, срыва и шизофрении. Бренман, однако, задается вопросом, что значит такое использование человеческого «объекта». Идентификация с другими по типу Дон Жуана порождает определенную степень чувствительности к нуждам других. Женщина, с которой он входит в такую полную идентификацию, вначале будет чувствовать, что на ее нужды откликаются, пока не почувствует себя захваченной. Но мы также усматриваем здесь механизм соблазнения: как при инцесте, границ здесь нет. С другой стороны, проекции, развивающиеся в процессе превращения в этого другого человека, ведут к своего рода «поглощению», которое означает полное отрицание инаковости другого и злоупотребление этой инаковостью. Если «вагинальный мужчина» Лиментани чувствителен к другому в гетеросексуальных отношениях, г-н X Бренмана, будучи также гетеросексуальным, разрушает психическую реальность другого. Бренман считает это отличительным признаком исте-

рии. Механизмы, которые пациент использует для идентификации с внешним объектом, располагаются по обеим концам психического континуума – от слияния до крайних случаев проективной идентификации.

Любой человек или даже любое событие, помещаемые в такого рода парные связи, включая любые действия другого, которые утверждают его отличие, создают немыслимый сумбур. Г-н Х Бренмана требует от своей жены, чтобы она принимала все его сексуальные связи, как он принимает ее связи, хотя у нее нет их. Тем не менее, когда его основная любовница заводила других любовников, помимо него, он проявлял величайшую жестокость, чтобы навредить ей как эмоционально, так и профессионально. Его жена, в свою очередь, навлекала на себя гнев не тем, что заводила какие-то связи, а тем, что не принимала его промискуитет и не вступала во внебрачные связи; его любовница вызывала ярость тем, что она действовала так же, как и он, заводя параллельные отношения с другим человеком; таким образом, обе женщины, одна из которых повторяла его поведение, а другая вела себя противоположным образом, ставили его перед фактом, что они отличаются от него.

В мире вагинального мужчины или истерика нет психического родительства, в этом мире процветает гетеросексуальность, хотя в детстве это может быть также и гомосексуальность. Синдромом Дон Жуана, помимо прочего, движет ревность, а сексуальность используется для того, чтобы встроить эту ревность в отчаянную реакцию другого: Дон Жуан, по определению, не хранит верность и заставляет своих любовниц ревновать, что освобождает его собственное чувство ревности, которое в ином случае он вынужден был бы испытывать. Зависть причиняет боль, ревность сводит с ума. Хотя эти чувства часто сопутствует друг другу, они различаются. Истерический Дон Жуан отыгрывает и тем самым пытается избавиться от сводящей с ума ревности. Зависть относится к тому, что кто-то имеет; ревность скорее относится к тому, где некто находится, то есть связана с определенной позици-

ей, а не с фактом обладания чем-то. Кляйнианская психоаналитическая теория сфокусирована на первичной зависти человека, называя так то чувство, которое возникает у младенца по отношению к материнской груди, содержащей все, что он хочет. Бренман принимает подобный подход в теории, но в его клиническом материале, как мне кажется, таких ограничений нет. В некотором смысле этот фокус на зависти всегда оттенял ревность, присущую эдипальному треугольнику, но, в свою очередь, эдипальная ревность скрывала непомерную ревность, существующую в латеральных отношениях.

Донжуанство представляет собой сексуальность, лишенную репродуктивности; это также сексуальность, способствующая высвобождению ревности. Обе эти характеристики сексуальности присущи сиблинговым отношениям. Несмотря на то, что Дон Жуан убивает отцовскую фигуру, Командора, вся суть и страсть этой истории заключена в отношениях между «равными»/сверстниками, а не между представителями разных поколений. Таким образом, хотя Дон Жуан убивает отца Донны Анны, патриархального Командора, он ожидает, что призрак Командора будет вести себя с ним как с равным, как с ровесником и примет его приглашение на пир.

В западном мире существует ряд социальных факторов, которые усиливают этот акцент на латеральных, равных, товарищеских отношениях, которые, в свою очередь, служат фоном для распространения психического и отыгрываемого донжуанства.

Эти факторы связаны с ухудшением положения вертикальной семьи: дедушки и бабушки теряют статус старших и уважаемых фигур, что, в частности, обусловлено профессиональной мобильностью; влияние школы и групп сверстников увеличивается, иерархия поколений в семьях, где есть дети от разных браков, размывается (новый муж или жена могут быть того же возраста, что и дети их партнеров от предыдущего брака); мужские и женский роли, а также их репрезентации оказываются взаимозаменяемыми, проявления сексуальнос-

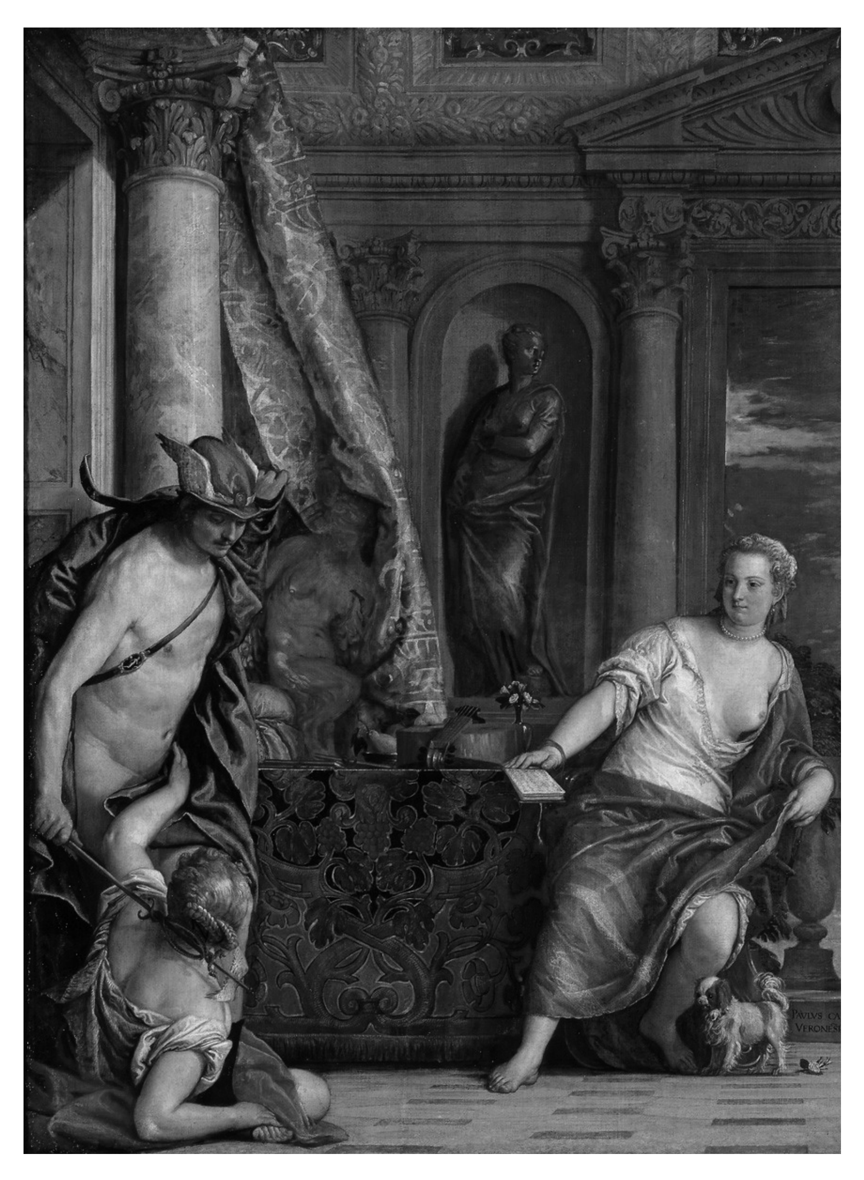

Рис. 10. Безумие ревности. Паоло Веронезе. «Гермес, Херс и Аглаурос» (ок. 1576–1584). Права принадлежат музею Фицуильяма (Университет Кэмбриджа)

ти становятся все менее связаны с репродуктивной функцией (хотя сексуальность всегда в какой-то степени не была связана с репродуктивной сферой, этот ее аспект до настоящего времени не был легализован и подвергался идеологической маргинализации в таких практиках, как проституция, а в наши дни он становится центральной формой проявления сексуальности).

Для сиблингов гендер не так обозначен в психике, как половые различия, являющиеся вертикальной производной. В таком случае не является ли жестокость, а не сексуальность фактором гендерного различия мужчин и женщин? У матери, которая дико вопит на своего довербального ребенка, мог быть сиблинг помоложе, для которого она была «маленькой мамой», прекрасной, идеальной, но отчасти притворной. Эта «маленькая мама» младшего сиблинга глубоко расщеплена, так как она хочет убить новорожденного. Здесь мы видим невозможность вынести такой уровень амбивалентности. Однажды я ужинала со своими друзьями и их десятилетней дочерью, она потчевала нас рассказами о том, как прошел ее день в школе, демонстрируя большую эмоциональную вовлеченность в отношения со своим младшим братом. Она была очаровательна, убедительна, забавна, приятно было смотреть на нее и слушать ее. Но как только всеобщее внимание переключилось на ее младшего брата, начавшего ползать, и все мы начали с восхищением смотреть на него, маленькая девочка встала и красиво покинула комнату. Пока она это делала, я заметила перемены, которые она, скорее всего, хотела бы скрыть: на ее лице застыло выражение угрюмой печали и злобы в тот момент, когда она прищемила дверью пальцы брата. В целом здесь нет ничего необычного и, будучи родителями, мы этого либо не замечаем, либо забываем об этом.

Лиментани считает, что Дон Жуан является примером «вагинального мужчины», который утверждает гетеросексуальную идентичность за счет идентификации с женщиной, а не посредством выбора объекта. Истерик Бренмана,

г-н X, представляется ему Дон Жуаном, который практикует промискуитет через идентификацию со множественными другими. (Кляйн определяла своего эвакуированного пациента Ричарда как Дон Жуана в фантазии.) Бренман считает, что гетеросексуальность истерика Дон Жуана мешает нам увидеть степень его нарциссизма. Пациент Бренмана испытывает такую интенсивную тревогу, что он опасается за свой рассудок. Не вызвана ли эта тревога бессознательной ревностью, от которой он пытается избавиться? Он, с одной стороны, использует катастрофическую ситуацию, а с другой стороны, отрицает ее. Он изменяет своей жене и впадает в ярость при мысли, что она может ограничить его свободу; он позволяет ей быть «свободной», зная, что она будет ему верна.

Когда любовница неверна ему, он хочет уничтожить ее как личность и как профессионала, поскольку считает, что она предала его и надругалась над всем, что он ей дал. Для тех из нас, чья молодость пришлась на 1960-е годы, этот сценарий настолько знаком, что кажется нормальным. Но за этим стоит тот факт, что Дон Жуан, мужчина или женщина, жаждет обожания, а не любви. Как метко заметил Бренман: «Я заставлю тебя любить меня, даже если мне придется сломать каждую косточку в твоем теле» (Brenman,1985, p. 427).

Два наблюдения относительно г-на X и вагинальных мужчин нуждаются в дальнейшем рассмотрении, если мы хотим лучше понять отношения между сиблингами, предполагающие парадигму автономности, лежащую в основе нормативных аспектов современной жизни. Что подразумевается под идентификацией и каковы последствия желания быть обожаемым, а не быть тем, кто предлагает любовь?

Идентификация, интроекция, интернализация, то, что я назвала «проглатыванием», представляют собой разные процессы, но нет единого мнения о том, какой из них и когда именно используется. Я сузила концепцию интернализации (или внутреннего объекта) до репрезентации чего-то, что было опознано как не являющееся частью самого себя (таким обра-

зом, признано «утраченным») – если это «другое», оно может быть принято как внутренний образ и представлено во внутреннем взоре. Интернализация в основном связана с процессом горевания; это имеет решающее значение для развития способности к ментализации, поскольку облегчает переход от телесного восприятия к мышлению. Боулби пишет, что и истерик, и ипохондрик, и психопат ошибочно поместили умершего человека в кого-то еще или в себя. Истерик, ипохондрик и психопат не смогли увидеть другого как отличного от себя; чтобы оплакать умершего, этого человека необходимо признать другим: чья-то жизнь продолжается, а его жизнь окончена. Если его оплакивают, то его можно воспринимать как «внутренний объект», помнить его и обращаться к нему. Человек, которому удалось интернализировать психологически отдельных «утраченных» других как «других», как тех, по ком скорбят, не испытывает чувства «ненаполненности собой», потому что эти объекты, которые могут быть как сценами, так и людьми, населяют его психику. Но они делают больше, чем это: для того чтобы быть принятыми внутрь таким образом, они должны были быть восприняты в своей инаковости, и, если они отличны от субъекта, субъект может принимать тот факт, что другие их тоже воспринимают. Винникотт и Балинт подчеркивают, что для развития ребенка важно, чтобы мать его признавала, так как это признание позволяет ребенку воспринимать самого себя как такового. Соглашаясь с этой формулировкой, я хочу подчеркнуть важность того процесса, суть которого я только что изложила. Я обнаружила, что разворачивание этого процесса знаменует собой один из наиболее переломных моментов в клинической работе. Важность этого процесса я могу проиллюстрировать на следующем примере.

Чтобы поразмышлять о сиблингах и психопатии, которая является психиатрическим, а не психоаналитическим диагнозом, я прочитала отчет психоаналитически ориентированного психолога о его случае «гипноанализа» психопатического заключенного Гарольда, своеобразного «Бунтаря

без причины»* (Lindner, 1945). Читая этот отчет, я была озадачена переменами моего настроения. Я не могла поймать перспективу, посмотреть на себя со стороны, чтобы понять, что я думаю. Когда Гарольд рассказал свою историю терапевту (а я ее прочла), я сначала почувствовала, что он стал жертвой острой депрессии и насилия, практикуемого у него дома, которое в норме абсолютно неприемлемо: речь идет об избиениях, которым он подвергался, жестоких издевательствах, насмешках над его физическими недостатками. Определение психопатии, данное Винникоттом, помогло мне найти себя на какое-то время: психопат – это антисоциальный ребенок, который сначала был депривированным ребенком. Мне было жаль Гарольда, возможного убийцу. Но затем мое настроение изменилось. Эта перемена не повлияла на мое понимание и не помогла мне увидеть что-то новое, но я обнаружила какой-то иной оттенок в своих чувствах: мне было жаль все объекты, которые он разрушал, людей, которых он обворовывал, обращаясь с ними как с грязью. Я чувствовала себя потерянной. Верила ли я хоть чему-то?

Гарольд, казалось, создавал проблемы для всех, включая терапевта. Большая часть его истории была, вероятно, на самом деле правдивой, но это не имело никакого значения для Гарольда, а только являлось для него средством достижения цели. Не было никакой разделительной линии между фантазией и реальностью, и это произвело такой эффект, что я вспомнила ранний комментарий Мелани Кляйн о ее технике игры с детьми. Кляйн в процессе лечения принимала участие в детской игре, исполняя те роли, которые ребенок назначал ей, с одним условием: когда человек, за которого она должна была себя выдавать, был ужасным, пугающим,

* Имеется в виду отсылка к американскому художественному фильму «Бунтарь без причины», который вышел на экраны в 1955 году. В центре сюжета – жизнь молодого человека Джими Старка, который пытается вписаться в образ тихого юноши из приличной семьи, но его бунтарская натура вовлекает его в цепь драматических событий. – *Прим. пер.*

грубым мучителем или кем-то подобным, она предваряла свою игру словами «я притворюсь, что я...», защищая, таким образом, как мне кажется, себя и своего пациента от «реальности» фантазии. Для ребенка в определенном возрасте, как и для Гарольда, фантазия реальна, а реальность – фантазийна; между ними нет разделительной черты, нет никаких «давайте притворимся». Это также верно, например, для пациента, описанного в книге Биона «Воображаемый близнец» (глава 9). Действительно, в разные моменты жизни все люди так или иначе с этим сталкиваются. Именно качество слияния реального с воображаемым имеет значение в психопатии. Это к вопросу о том, что делать с явной бессмыслицей; в большинстве случаев вымысел, кажется, не приносит никакой пользы, просто истина не вызывает ничего, кроме безразличия.

Понятно, что об этом можно долго говорить, но я представила случай Гарольда, чтобы проиллюстрировать важность процесса интернализации. Процесс интернализации заключается в том, что другой человек или объект, или место рассматриваются как другие, а затем «вбираются», обдумываются, запоминаются, «видятся» внутренним взором. Когда это будет достигнуто, этот объект, если он воспринимается как человеческий объект, будет рассматриваться как тот, кто может видеть субъекта. (В случае с деревьями и местами, животными и т. д. человек ощущает себя «частью пейзажа», чувствует, что его «любит собака»...) Гарольд в своей психопатии не может видеть другого и, следовательно, воспринимать себя видимым. Как я уже сказала, это важный поворотный момент, когда *субъект видит себя с точки зрения другого.* Это достижение самого субъекта, отличающееся от признания матери (или кого-либо еще); это главное измерение процесса интернализации. Пациент, чья мать умерла, когда он был ребенком, совершил прорыв, когда он внезапно понял, как ужасно было его матери оставить его, а не только переживал невыносимость для него смерти матери. Последняя точка зрения присуща неподвижной позиции жертвы.

Обычно дело обстоит сложнее. Кляйн в случае с Эрной, о котором я говорила, помогает своей пациентке отделить настоящую, добрую мать от приносящего мучения имаго ведьмы (которую я называю интроектом). Вместо того чтобы подчеркивать разделение на реальное (добрая мать) и фантастическое (ведьма), я хотела бы обратить внимание на то, что субъект, Гарольд или Эрна, должен увидеть, что, как это ни грустно для родителя, он (или она) не был тем человеком, который способен воспринять то, что было достойным любви в их ребенке. Это понимание почти противоположно опыту Сары, который заключался в том, что ее мать восприняла ее неправильно, считая ее счастливой, когда ей было плохо. Последнее было хорошо документировано и подробно описано —такой опыт ведет к формированию «дезорганизованной привязанности» у ребенка. Я подчеркиваю, что это влечет за собой (или может предварять) неспособность ребенка переживать себя с точки зрения другого или воспринимать другого *объективно*. Но остается еще один вопрос, который предстоит обсудить позже: почему мы верим злым фантазиям в той степени, что нам приходится защищать себя посредством «давайте притворимся», и почему мы отыгрываем эти фантазии, становясь мучителями, убийцами и т. д.?

Может быть, вещи «забираются внутрь», но не интернализируются в том смысле, в котором я это понимаю. Я называю это «интроектами». Сара (глава 3) была не только «не наполнена собой», ее голова была полна диких волков. Осужденный Гарольд всегда «гудел» от идей. Но, как и в случае с женщинами Дон Жуана, ни эти мысли, ни эти животные не связаны между собой. Мне кажется, что знаменитая «сообразительность» психопатического аспекта любой личности включает только интроекцию разрозненных единиц информации, часто энциклопедического характера, о которых невозможно думать или размышлять. Подобно донжуанскому списку из 903 женщин, эти единицы информации скорее дополняют друг друга, чем связаны между собой. Когда внешние объекты вбираются, будучи разрозненными и изолированными,

как на полотнах Фрэнсиса Бэкона, который изображал несвязанных между собой людей и вещи, они становятся интроектами. Таким образом, интроекты не являются ни «внутренними объектами», ни объектами идентификаций.

Идентификация – со временем мне пришлось использовать этот зачастую неоднозначный, на мой взгляд, термин – не подразумевает такого вбирания объекта, в результате которого он мог бы стать частью субъекта. Субъект частично состоит из того, что он интернализовал, он затоплен всем тем, что интроецирует; но хотя он может прибегнуть к идентификации в той степени, в которой он может ее исследовать, интроецированное содержание не становится его частью, напротив, он становится этим содержанием. Движение – это выход в направлении другого. Позиция «Я могу идентифицировать себя с этим аргументом, но могу быть не согласен с ним» означает, что вы способны понять позицию другого *с точки зрения его позиции.* Очень важно чувствовать себя на месте другого. Но, конечно, можно и потеряться, находясь на месте другого. Идентификация – это техника обученного наблюдателя: выйти, чтобы стать другим, вобрать то, что нужно, чтобы смотреть и пытаться понять, затем вернуть «идентификацию» объекту, а наблюдателю пройти дезидентификацию. Наблюдение невозможно, если наблюдатель сохраняет идентификацию или застревает в ней. Это одна из причин, по которой терапевт как наблюдатель не может присвоить себе «мотив» пациента или попросить пациента идентифицировать себя с «мотивом» аналитика.

Однако люди все время застревают в идентификациях. До Фрейда утверждалось, что истеричные пациенты, как, например, девушка, страдающая анорексией, идентифицирует себя с другой девушкой, поражающей своей худобой. Фрейд уточнил, что это идентификация с желанием другой девушки: у первой девушки есть парень, а девушка с анорексией тоже хочет, чтоб у нее был парень, поэтому она решает выглядеть как счастливица. По словам Лимантани и Бренмана, и в случае вагинального мужчины, и в случае г-на X основным способом

существования в мире является идентификация с женщиной, от которой они требуют любви. Бренман уточняет, что такая идентификация с «целым человеком» используется для предотвращения распада и фрагментации, которая в противном случае произошла бы с г-ном X. Но здесь есть проблема, которую иллюстрирует случай г-на X: это проблема *для* г-на X и для нас, которая заключается в том, чтобы мысленно выйти за рамки наблюдаемых идентификаций. Дело не только в том, что любви, которую дарит ему жена или любовница, недостаточно, но и в том, что как бы обе женщины ни любили его, они всегда будут делать это неправильно. Он готов сокрушить их, чтобы добиться любви, потому что любовь никогда не бывает правильной. Бренман понимает, что проблема г-на X связана с его идентификацией с матерью, в то время как он сам является идеальным ребенком: он не может решить, кем ему быть, матерью или ребенком.

> Некоторое время спустя, когда он пошел на поправку, он выстроил свои деловые отношения так, чтобы больше платить и отдать большую долю в бизнесе своим младшим партнерам. Он понял, что был атакован противоречивыми взглядами. С одной стороны, он чувствовал, что все должно быть отдано бизнесу, прибыль должна быть реинвестирована, а он и партнеры должны пожертвовать своей зарплатой. Он понял, что и сам был как бизнес: и ребенок, у которого было все, и мать, которая обеспечивала ему еду. В то же время он ненавидел бизнес, который предъявлял к нему такие требования, и думал, что он должен вывести все из бизнеса и вообще не заботиться о нем, и это должно было его полностью обеспечить.
>
> Он понял, что в конфликте он был и идеальной грудью, которая должна быть всем, и идеальным ребенком, который должен иметь все. Он был пойман в ловушку желания полностью удовлетворить и то, и другое, не имея возможности одновременно давать и брать. Он связал это с тем, что он считал характером своей матери... Эти осо-

> бенности показывают зависимость от насильственной жадности... (Brenman, 1985, p. 426).

В приведенном описании есть место для интерпретации переноса (и проблем контрпереноса) в контексте младших партнеров и сиблинговых связей. Г-н X эмоционально оскорблял свою жену. Не могла ли она быть и его сестрой, и матерью? Его самоуверенная неверность была, помимо прочего, способом гарантировать, чтобы ревновала именно она, а не он, – латеральный, а не вертикальный сценарий. Когда рождается новый ребенок, именно этот ребенок занимает место, с которым субъект идентифицирует себя. Можно помочь ему увидеть, что он не такой, как новый ребенок, или он может застрять в идентификации с новым ребенком, за которым он наблюдает.

Без учета идентификации с «сиблингом как ребенком» мы не сможем понять, почему для психопата или истерика никогда и ничего не бывает достаточным. Трактовка Бренмана не совсем отражает качество взаимоотношений г-на X, в которых «всегда все не так». Тем не менее любой маленький (или не очень маленький) ребенок, сталкивающийся с новыми (или не очень новыми) братьями и сестрами, попадает под этот случай: г-н X пытается поделиться с младшими братьями и сестрами («младшими партнерами»), но не может этого вынести; он самый старший и должен получить все. Многим людями хорошо удается получать любовь, но им трудно полюбить или понять, что это должно для них означать; любовь, которую они получают (а они ее получают), никогда не бывает правильной, поэтому они продолжают пытаться получить правильную любовь от кого-то другого. Или могут не пытаться вовсе. С появлением сиблинга все пошло не так, и может сложиться впечатление, что и не стоит пытаться это исправить, или это представляется совершенно невозможным; лучше просто все разрушить, как это начал делать Гарольд, у которого была младшая сестра, с которой он занимался сексом.

Что же представляет собой эта идентификация в месте, в котором, казалось бы, должна существовать объектная любовь, – гетеросексуальность г-на X и вагинального мужчины, гомосексуальность Гарольда в тюрьме:

> [Перри] все еще говорит мне... что он любит меня... Многие ребята спрашивают меня, как он, как мне это нравится... Не то чтобы мне это не нравилось: я не хочу делать этого в первую очередь потому, что мне это может понравиться. Знаете, если бы я сделал что-то подобное, я бы не мог... не мог смотреть на этого человека. Может быть, я бы сделал это, если бы мне не пришлось смотреть на этого человека. Я бы никогда так не сделал, если бы мне пришлось смотреть на этого человека... Мне очень весело с Перри. Он начинает ругаться: я, правда, подтруниваю над ним за то, что он перенял это у меня (Lindner, 1945, p. 139).

Из отчетов о Гарольде невозможно узнать, кто что сделал и кто есть кто. Один из его постоянных и наиболее проблемных симптомов (в связи с чем у него были операции) состоит в том, что он не может полностью открыть свои глаза; как бы подразумевается, что не только он не может четко видеть, но и мы тоже не можем. Эта неопределенность распространяется на его гендер и, вероятно, является одним из аспектов его сексуальных отношений с сестрой. Во время инцеста со своей сестрой в детстве он ласкает свой член, чтобы показать ей «и себе», как он говорит, что он лучше ее. Его отец издевался над ним, говоря, что это у его сестры должен был быть пенис.

Мне кажется, что конкретные объекты идентификации являются вторичными по отношению к самому процессу идентификации. Я считаю, что есть два аспекта этого процесса, которые по-разному сбалансированы в разных контекстах и для разных людей. Первая идентификация – это реакция на травму; она подобна хамелеону и уберегает, а также, как утверждают Лиментани и Бренман, защищает от «первичного страха» или распада субъекта. Эта идентификация с тем, что называется «целым объектом», целостным челове-

ком, но это не значит, что человек узнает самого себя, скорее, просто знакомое место. В этом идентификационном ответе на травму нет желания. Но желание присутствует во втором аспекте процесса – желании быть любимым правильным образом, что означает быть единственным, кто имеет значение. Именно поэтому эта идентификация никогда не работает. От этого нужно отказаться, потому что ребенок никогда не сможет снова стать Его Величеством Младенцем. Но более того, она никогда не работает, потому что субъект не является собой: для того, чтобы получить любовь, которую он требует, он стал своим «сиблингом-ребенком».

По словам Бренмана, истерик переключается между катастрофой (переживаемой в симптоме) и отрицанием (выраженным у явно здоровой личности). За этим описанием можно увидеть определенный социальный сценарий: ребенок отрицает, что сиблинг, который заменил его, является чем-то иным, чем просто восхитительным или милым малышом. Ребенок перестает есть, даже ходить или говорить, заболевает физически, испытывает ночные страхи и т.д. Бренман пишет о г-не X: «Притворяясь любящим и дружелюбным, он делает это *не для того, чтобы* построить любовные отношения, а для того, чтобы быть ложно обожаемым объектом любви и чтобы одерживать победу над так называемыми любящими объектами, которые затем презираются и уничтожаются» (Brenman, 1985, p. 425). Это, я полагаю, может быть конечным результатом ложной любви к сиблингу, а не к матери. Требуемая от матери любовь приводит к победе не над ней, а над сиблингом, который эту любовь украл.

Бренман разъясняет часто наблюдаемые лабильные, неразборчивые, поверхностные идентификации, которые истерики выстраивают не с реальными, а с идеальными объектами; для меня это мать до того, как она изменила форму, то есть родила *другого* ребенка. Он дает комментарий, что это всегда множественные идентификации, как, например, многие идеализированные женщины Дон Жуана. Комментируя один из снов г-на X, он отмечает, насколько сложно сказать, явля-

ется ли психоаналитик (он сам) немецким флотом, который захватывает российский флот (пациент г-н X), или наоборот. Эти процессы понимаются Бренманом в рамках вертикальной оси «мать–ребенок» или «отец–ребенок». Но, на мой взгляд, эти сбивающие с толку взаимозаменяемые российские и немецкие военно-морские силы больше соответствуют борьбе между братьями-соперниками.

Когда кто-то читает истории болезни или клинические отчеты, написанные с позиций психоанализа, или теоретические работы об устройстве психики, его не может не поразить их сложность. Статья Бренмана является образцом такого изложения материала. Точно так же, когда кто-то читает этнографические портреты, где социальный мир и его взаимоотношения запутаны и детализированы, непрофессионалу зачастую непросто понять их в полном объеме. Тем не менее с психоаналитической точки зрения связь между этими сложными психическими мирами и окружающим миром невероятно проста. Эдипов комплекс и доэдипальные отношения между матерью и младенцем представлены как единственные узы, которые связывают внутренний мир бессознательных мыслительных процессов и влияют на внешний социальный мир. Треугольная эдипальная модель и бинарные структуры Леви-Стросса и других (в психоанализе – доэдипальный период) могут развиваться в разных направлениях и обнаруживаться в самых разных местах. Существует много диад и много треугольников, но в этих базовых структурах нет ничего сложного. Эдипов комплекс представлен не столько как редуктивная концепция, сколько как остаточный, ядерный комплекс, который тянет все на себя или из которого все разворачивается.

Эдипов комплекс является ключевым феноменом из-за его инцестуозных желаний и запретов на эти желания. С другой стороны, этнография раскрывает множество желаний и запретов. Даже мимолетный взгляд на текущие английские правила брака даст нам пример такого многообразия; правила и положения относительно того, с кем можно, а с кем нельзя всту-

пать в брак, являются чрезвычайно сложными, предполагая учет не менее чем трех условий и ограничений.

Эдипов комплекс является метафорой для структуры взаимоотношений; признание комплекса кастрации открывает возможность для репрезентации как половых, так и поколенных различий. Латеральные отношения, такие как между Ремом и Ромулом, Каином и Авелем, близнецами, которые фигурируют в различных мифах о сотворении мира, образуют не звено, а последовательность. Признание того, что для следующего в очереди есть место, позволяет репрезентировать серийность и вместе с тем признать табу на сексуальность — гетеро- или гомосексуализм — и насилие, которое имеет место в отношениях между братьями и сестрами и их преемниками.

Объект так называемой «любви» г-на X, Гарольда, или «вагинального мужчины», строго говоря, является объектом, вызывающим безразличие. Все дело в идентификации с ним. Следовательно, «объект» может быть любого пола. Я полагаю, что принципиальная рефлексивная позиция психоаналитической теории и практики приводит тому, что психоанализ стремится найти внешнюю границу того, что он патологизирует[5], упуская при этом патологию в центре. В этом случае утверждение гетеросексуальности на практическом уровне может скрыть опасности, присущие некоторым аспектам гетеросексуальной практики. На теоретическом уровне это ведет к игнорированию сиблингов, что, в свою очередь, означает нехватку чего-то важного в анализе. Истерик или психопат является в своих идентификациях психическим бисексуалом, а не гетеросексуалом, как и сиблинг. Видя себя в отражении младшего или старшего брата, ребенок воспринимает этот объект как самого себя и может, по крайней мере изначально, относить себя к любому полу. Это раннее отражение становится очевидно в случае смерти сиблинга. Например, если брат умирает или погибает на войне, его сестра отодвигает момент осознания утраты, идентифицируя себя с ним (как будет делать и брат в случае смерти сестры). Когда Китс писал свои известные строки о том, что он как поэт стал пти-

Рис. Понимание того, что есть место для следующего в очереди. «Леди Чамли», Британская школа (ок. 1600–1610), галерея Тейт, Лондон

цей в полете, он не интересовался видовыми или гендерными границами. Он исследовал состояние, в котором, благодаря идентификации, он был *таким же*, как предметы вокруг него. Для субъекта безопасно стать таким же, как объект, если субъект при этом знает, что он другой. Быть объектом не обязательно хорошо – поэт может понять птицу, но, если стихотворение не было бы закончено, Китс был бы похож на г-на X, живущего жизнью своей жены (птицы).

Когда субъект становится объектом, он обращает вспять более раннюю угрозу, когда объект казался таким же, как субъект. Это означало, что субъект боялся быть уничтоженным. Я считаю, что эта субъект-объектная и объект-субъектная идентификация, выстроенная вдоль латеральной оси, присутствует на протяжении всей жизни. Именно она, являясь как источником понимания, так и защитой от опасностей, выступает основой для построения различий. Для маленького и для более взрослого ребенка, конечно, уже существуют различия, созданные другими людьми в окружающем его мире, поэтому он будет использовать их для построения своих собственных различий или реконструировать существующие в мире различия на индивидуальном уровне. Ген-

дер (как и раса) является одним из существенных «внешних» различий. Под влиянием гендерно нейтрального зеркального отражения или одинаковости, которые присущи сиблингам, гендер конструируется как защитное «другое», как различие, в которое вшито насилие, необходимое смещенному сиблингу для выживания.

Глава 9

Заключение: сиблинги и вопросы гендера

В другом месте и в другое время

На Тробрианских островах, по наблюдениям Малиновского, брат, сестра и сын сестры образуют первичные триангулярные отношения, причем брат сестры стоит на позиции власти, но, разумеется, не вступает в сексуальные отношения с матерью ребенка. Малиновский (Malinowski, 1927, 1929) утверждает, что это ставит под сомнение универсальность эдипова комплекса. Эрнест Джонс, тогдашний президент Британского психоаналитического общества, выступал против этого аргумента, защищая кредо психоанализа.

В этой дискуссии совсем не учитывалась возможность влияния независимых латеральных структур. Среди тробрианцев инцест между братом и сестрой подлежит строжайшему табу, а их зрелые отношения характеризуются почти полным избеганием: для передачи друг другу каких-либо предметов они привлекают посредников. Запрет на такой инцест является важной особенностью тробрианской мифологии: инцест ведет к смерти. Тробрианцы выказывают крайнюю тревожность, когда их спрашивают, мечтают ли они о сексуальной близости с сиблингом, и отрицают такого рода желания[1].

В Египте эпохи Птолемеев существовала противоположная установка: королевской семье было предписано заключать браки между братьями и сестрами и обзаводиться потомством. Подобная практика была, вероятно, довольно широко распространена среди населения в целом. Латеральная эндогамия

обеспечивает сохранение королевской крови и позволяет распределять имущество внутри семьи или клана (Goody, 1990).

Если рассматривать это с психосоциальной точки зрения, то становится очевидно, что латеральное табу и противоположное ему разрешение на вступление в подобную связь могут служить одной и той же цели – они делают мир более безопасным (Parsons, 1969). «Запретный» брат у тробрианцев предлагает поддержку и берет на себя ответственность за свою сестру; браки между родными или двоюродными братьями и сестрами обеспечивает такую же безопасность. Межпоколенческие браки не будут выполнять эту функцию, потому что мать или отец умирает. Распространенность инцеста между отцом и дочерью в некоторых общинах имеет целью заботу об отце в старости, но не служит развитию сообщества так, как латеральные запреты.

Если обратиться на этот раз не к поэтам и романистам, а к кинематографу, то важность братства замечательно показана в фильме Висконти «Рокко и его братья» (1960) (глава 1). В образе Рокко воплощаются последствия тотальной миграции.

«Рокко и его братья» «антропоморфизируют» (термин Висконти) точку перехода от общества, построенного на известных социальных кодексах, к такому, в котором ключевые правила общества или самой культуры индивидуализированы. Застрявшие между старым и новым, главные герои и сама история мелодраматичны, драматизм их положения в том, что они являются мигрантами на социальном уровне и истериками – на личном. Но мелодрама приводит к трагическим последствиям именно потому, что актеры стоят рядом с пропастью, которая разделяет невозможное прошлое и нежелательное будущее.

Прибытие семьи Паронди на центральный вокзал Милана чревато трагедией, особой трагедией, которая воплощает общую историческую трагедию, вызванную катастрофическими изменениями. Поезд остановился в Мекке прогресса, но для Паронди там ничего нет. Мало того, что они оставили

свое прошлое, их прошлое оставило их. Винченцо, старший сын, которому следовало взять ответственность за вырванную из привычной среды, оставшуюся без отца семью, не приходит на вокзал, чтобы встретить их. Но, когда они находят его, столкновение прошлого и будущего приводит к осознанию, что для большинства Паронди есть только неприемлемое настоящее. Настоящее время показывает им их место – они маргиналы и будут жить в подвале, пока их не выселят: Милан не любит наблюдать взлеты и падения, поэтому, если их выгонят на улицу, они будут переселены*. Работа – случайный неквалифицированный труд, спасением от которого является только порабощение полукриминальными «менеджерами» от бокса с его звериной жестокостью: у «будущего» боксера Симоне проверяют зубы и челюсть, как у животного, подобно тому как это делали на фермах юга, откуда он приехал.

Отсутствие Винченцо на вокзале указывает на разрыв связей прежнего братства. Члены семьи его невесты Джинетты (они тоже родом с юга) думают, что Паронди приехали, чтобы отпраздновать помолвку своего сына – старшего брата, а не для того, чтобы обратиться к нему за помощью. Это переход от центростремительного братства к паре, которая пойдет своим путем, формируя изолированную ядерную семью.

Прежний образ жизни для центральных персонажей заканчивается, а новый никак не может сложиться. С точки зрения своего прошлого и будущего эти герои и героини – просто никто. Без безопасного *места* в группе братьев с юга или *идентичности* в ядерных семьях северного индустриального города каждый персонаж испытывает массу разрозненных чувств. В воображении есть сообщество братьев, которые выражают почтение доминирующей матери, но события показывают, что это братство распадается, выбирая разные ценности и примыкая к разным структурам. Родственное братство противостоит возникающей ядерной семье, но теряет свой смысл и сходит на нет.

---

* В квартиру для должников. – *Прим. пер.*

В своем исследовании Неаполя Энн Парсонс (Parsons, 1969) пишет, что группа братьев-мигрантов превратилась в уличную банду, ведя «мужской» разгульный образ жизни; эта община так же сильна, как городская семья, если не сильнее. Парсонс отмечает важность улицы, но не предлагает модели, с помощью которой можно было бы рассматривать ее как структуру, основанную на родстве. Фильм Висконти показывает разрыв и столкновение культур; в более узком смысле братство раскрыто в нем через эмоции индивидуалистической культуры, к которой оно стремится. Ни психоаналитически ориентированный культурный антрополог Энн Парсонс, ни кинорежиссер Висконти не обращаются к сиблинговой психологии, хотя последний создает ее яркий образ. Это непонимание социальной психологии видно во многих контекстах. Например, уже во время Первой мировой войны стало понятно, что коллективные факторы гораздо важнее, чем индивидуальные реакции на травмирующие условия (Shepherd, 2002).

Уличная банда может быть не отрицанием, а альтернативой проповедуемой гегемонии ядерной семьи. Хотя тробрианцы с самого начала предписывают избегать взаимоотношений между братьями и сестрами, формальные запреты, обязанности и уважение возникают в период полового созревания, когда вместе с приходом фертильности инцест не только окрашивается сексуальностью, но и привносит возможность размножения. Можем ли мы предположить, что они признают инфантильность и латентное влечение сиблингов друг к другу? Как и в случае с единственной открыто декларируемой противоположностью этим запретам – разрешением на такие браки в эпоху Птолемеев, – эти практики и правила, по-видимому, указывают на то, как можно использовать силу сиблинговых чувств на благо общества, если направленность этой силы регулируется. Необходимость регулирования указывает на силу сиблинговых чувств. Не замечая и не анализируя латеральность, не воспринимая всерьез ни инцест, ни насилие, мы оставляем на волю случая то, будут ли пре-

валировать хорошие или плохие последствия применения этой силы. Нет сомнений в том, что другие культуры знают или более осведомлены об этом. Мы везде используем нашу вертикальную модель; но доступный исследовательский материал, как в случае тробрианских наблюдений Малиновского, значительно шире ее.

Сравнивая случаи шизофрении среди итальянских мигрантов в бостонской клинике и случаи с тем же диагнозом в неаполитанской больнице, Энн Парсонс обнаружила, что ни один конкретный прогноз, сделанный на основании ее модели, *не подтвердился:* «Ни один пациент не стал психотиком после смерти матери, и только один после смерти отца» (Parsons, 1969, p. 110). Считается, что психоз связан со смертью родителей, но, когда Парсонс обнаруживает, что это не так, она не ищет других причин.

Парсонс – необычайно осторожный и проницательный наблюдатель, но мне кажется, что в индивидуальной истории болезни «Джузеппины» она упускает из виду значение смерти брата, бывшего всего на десять месяцев старше ее, которая пришлась на начало психотического расстройства в ранней юности. На мой взгляд, в истории Джузеппины выделяются два случая смерти, которые, вероятно, были связаны с психозом. Во-первых, ее брат умирает от туберкулеза, которого в 1960-х годах так опасались в неаполитанском обществе, что существовали особые ритуалы, помогающие справиться со страхом. Во-вторых, женщина, которую Джузеппина считает своим другом (то есть латеральные отношения), умирает во время аборта (она забеременела вне брака). Нарушая строгие социальные нормы, сама Джузеппина вступила в добрачные сексуальные отношения со своим будущим мужем. В своем психотическом расстройстве она интерпретирует каждый жест своего новорожденного ребенка как акт агрессии против нее, и, по-видимому, это является проекцией ее собственной агрессии к младенцу. То, что подруга, которая сделала аборт, на самом деле является подругой матери, а не Джузеппины, как она утверждает, лишь подтверждает картину, которую

я рисую: став матерью, Джузеппина не может провести психических различий между собой, своей матерью и всеми другими матерями, что, вероятно, происходило с ней, еще когда она была ребенком, ожидающим появления родного брата. Новый сиблинг, которому она желала смерти, отождествлен с ее ненамного старшим братом, который умер. Его смерть, смерть ее подруги, смерть подруги матери заставляют ее бояться собственной смерти. Она перепутала их всех, и, вероятно, она путает своего ребенка с мертвым ребенком подруги. Вертикальные модели как психоанализа, так и культурной антропологии, которые использует Парсонс, не позволяют ей увидеть латеральное измерение, хотя материала для этого предостаточно.

В 1963 году антрополог Мейер Фортес вернулся со своей женой-психиатром Дорис Майер в Северную Гану к народу талленси, с которым он работал с 1934 по 1937 год. В работе «Психозы и социальные изменения» они описывают семейную жизнь талленси, опираясь на психоаналитическую модель (Fortes and Mayer, 1965). Социальный мир ребенка проиллюстрирован несколькими диаграммами. Развитие ребенка происходит рядом с матерью в комнате матери, затем он перемещается к отцу, где присутствуют его родные братья и сестры, сводные братья и сестры от других жен отца и, наконец, примерно в возрасте пяти лет ребенок оказывается в более широком клане дядей, тетей, кузенов и т.д. Эта социальная конфигурация точно соответствует внутренней схеме психоаналитического доэдипального (мать), эдипального (отец) и постэдипального этапа (более широкое общество). Но, помимо этой модели, работы Фортеса и Майер иллюстрируют нечто иное – структурирующую автономную область сиблинговых связей. Родители талленси еще в 1960-х годах воздерживались от сексуальных отношений друг с другом от момента зачатия ребенка до того времени, когда малыш мог передвигаться и питаться самостоятельно. Для матери интервал между рождением детей обычно составлял от трех до трех с половиной лет. Для ребенка, напротив, вполне вероятно, что бли-

жайший сиблинг хронологически будет «близнецом», так как одновременно с ним может появиться сводный сиблинг от другой матери. Тем не менее ожидалось, что новая беременность матери и ее ребенок (единоутробный сиблинг) вызовут значительное беспокойство у малыша и сильное соперничество.

К тому времени, когда у матери появляется новый ребенок, как прокомментировали Фортес и Майер, уже существует чрезвычайно сильная группа сиблингов и сверстников, так что часто можно было наблюдать, как дети в возрасте от двух до трех лет ходили вместе, нежно обнимая друг друга. Наряду с сильной родительской заботой и привязанностью, которые Фортес и Майер неоднократно отмечают, они как бы между строк интересуются, способствует ли эта латеральная связь психическому здоровью талленси. Работая в детском саду очень либерального кибуца возле Галилейского моря в Израиле в 1962 году, я заметила такую же близость в небольших группах сверстников в возрасте примерно двух лет. Я читала об опасностях их общинного воспитания, но я наблюдала также его сильные стороны: латеральные связи были широко признаны и считались важными. Совсем недавно, посещая в составе группы прекрасные церкви XVI века на юго-востоке Албании, мы внезапно переключили наше внимание с фресок на такую идиллию: двое маленьких детей трех-четырех лет, мальчик и девочка, несли вместе корзину, прыгая и пританцовывая по грунтовой дороге. Они смеялись, пели причудливые обрывки фраз, болтали, обнимали друг друга за шеи, насколько им хватало рук, и разлепляли объятия, чтобы танцевать. Когда они увидели, что мы смотрим на них очарованными глазами, они застенчиво отдалились друг от друга и убежали. А мы обратили свой взор на икону любви.

В истории сиблингов есть свои плюсы и минусы. Я больше размышляла по поводу последних, потому что считаю, что наша неспособность признать значимость сиблингов и, следовательно, создать латеральную парадигму отражает нашу неспособность взглянуть на последствия интра- и интерсиблинговой жестокости, которые проявляются в индиви-

дуальном и коллективном насилии, в войнах или психических заболеваниях.

В 1965 году Мейер Фортес отметил, что в 1934–1937 годах, во время его первого визита к талленси, был выявлен один случай помешательства; тридцать лет спустя в этой социальной группе было уже тринадцать подобных случаев (Fortes and Mayer, 1965). Увеличение рабочей миграции, казалось, объясняло этот рост. Талленси совершенно ясно понимали, что представляет собой «безумие», и отличали его от эксцентричности, умственной отсталости и просто странных поступков. Дорис Майер, жена Мейера Фортеса, изучала межкультурные различия в психических заболевания, но вместо различий она обнаружила, что «безумие» талленси плавно перешло в западный психоз. Наблюдались единичные случаи послеродовой депрессии, мании, меланхолии, а в остальных случаях – шизофрения. Сегодня, 40 лет спустя, мы, вероятно, назвали бы некоторые из этих случаев пограничными или нарциссическими расстройствами личности, хотя 70 лет назад они вполне могли считаться случаями истерических психозов. Случаев паранойи не было, и Майер сравнила свои данные с наблюдением М. Дж. Филда, который в 1960 году сообщил об исследовании 52 шизофреников народности акан в Гане: 26 из них были параноиками; 50% женщин были в депрессии. Возможная причина их склонности к паранойе и депрессии во взрослом возрасте объясняется тем фактом, что в детстве «обожаемый маленький ребенок переживает травму, превращаясь в объект презрения» (Field, 1960, p. 30). Поведение западноафриканских асанте и га сильно контрастирует с общественным устройством жизни у талленси. В то время как талленси помогают старшему ребенку справиться с ожидаемой интенсивной сиблинговой конкуренцией, другие семейные системы вытесняют старшего ребенка. Это явление описано английским врачом Сесили Уильямс (Williams, 1938), которая наблюдала в основном детей асанте и га в детской больнице города Аккра. Доктор Уильямс изучала распространенную детскую болезнь – квашиоркор.

В Африке к югу от Сахары квашиоркор, болезнь дефицита белка, которая все еще может быть смертельной, известна как «болезнь, которую ребенок получает, когда рождается следующий». Первая публикация Уильямс в журнале «Ланцет» начинается со следующих слов: «Название „квашиоркор“ указывает на болезнь, которой заболевает низложенный старший по возрасту ребенок при рождении следующего ребенка» (Williams, 1935, p. 1151). Если болезнь выявлена на ранней стадии, хорошее питание может спасти ребенка. Однако в дополненной статье о здоровье детей Золотого Берега* три года спустя Уильямс описывает идиллическую жизнь большинства маленьких детей на фоне отвержения старшего ребенка:

> Женщина располагает большим количеством времени, которое ей нравится проводить с ребенком. Сначала она его медленно моет и тратит на это много времени. Затем она очень аккуратно и с удовольствием меняет пеленки. Она припудривает его... Эта безграничная любовь к маленькому ребенку резко контрастирует с пренебрежением и безразличием, с которыми она может обращаться с детьми старшего возраста... До двух лет жизнь балует ребенка, но это существование грубо обрывается. У его матери есть либо еще один ребенок, либо она уходит с мужем и оставляет ребенка бабушке... Я наблюдала выражение сильного гнева и горечи у ребенка, который обнаружил, что место на спине его матери узурпировано новым ребенком... после периода *слепого страдания* ребенок привыкает к этому. Люди добры к нему (Williams, 1938, p. 99; курсив мой. – *Дж. М.*).

Доктор Уильямс открыто называет появление сиблинга травмирующим событием и даже высказывает предположение, что причину публикации едких, непродуманных статей в местных газетах Золотого Берега, написанных взрослыми людьми, стоит искать в травмирующем опыте детства.

---

* Ныне Гана. – *Прим. пер.*

Младенческая ревность отыгрывается в подковерной борьбе взрослых.

В 1962 году, еще раз подробно описывая квашиоркор, доктор Уильямс приводит сообщение А. П. Фармера из Восточной Африки: «28 изученных случаев квашиоркора соотносились с 48 возможными причинами. Четыре случая были связаны с плохим питанием, обусловленным бедностью, причиной 17 других являлись медицинские заболевания», но при этом «социальные и психологические факторы лежали в основе 19 случаев, [и] еще 8 были связаны с „внезапным отлучением от груди“» (Williams, 1962, p. 342). В слабой экономике питания может действительно не хватать с появлением нового ребенка, которому нужен единственный надежный источник – грудное молоко. То же самое относится к близнецам. В простых культурах то, что западные объяснения считают детской инфантильной завистью, вполне может быть детским голодом. Малышу есть что терять, когда появляется сиблинг. Некоторым народам к югу от Сахары, таким как талленси, удается весьма безболезненно осуществить процесс «смещения» старшего ребенка, тогда как другие не пытаются смягчить эту травму, но, похоже, что эта травма признается всеми участниками. В годы между мировыми войнами некоторые западные исследователи отмечали это, но не развивали свои размышления по поводу важности сиблингов. Типичное заболевание сиблинга в результате ревности широко признается в других культурах. Я считаю, что наша неспособность предоставить этой проблематике решающее место носит этноцентричный характер.

Психоанализ и сиблинги

Я сосредоточусь на трех аспектах понимания сиблинговой проблематики: психоаналитическое наблюдение, перенос/контрперенос, а также возможные механизмы и динамика, которые могут характеризовать психологию латеральности.

Все они направлены на то, чтобы дать сиблингам определение с психодинамической точки зрения. В то время, когда Сесили Уильямс, А. П. Фармер, Фортес и Майер проводили свои наблюдения, Дональд Винникотт, лондонский педиатр, который только начал практиковать в качестве психоаналитика, писал практически о том же – о «болезни, которая развивается у старшего ребенка, когда рождается другой ребенок». Лондонский уровень жизни фактически снимал вопрос о недоедании, однако существует другая напасть – западный ребенок часто отказывается от еды.

> Если измерить вес у большого количества детей, то легко определить, каков средний вес ребенка любого возраста. Таким же способом может быть найдено среднее значение для любого другого измеряемого показателя развития, а критерий нормальности определяется путем сравнения показателей ребенка со средним значением. Такие сравнения дают очень интересную информацию, но есть осложняющие обстоятельства, которые могут спутать весь расчет. Эти обстоятельства обычно не упоминаются в педиатрической литературе. Хотя с чисто математической точки зрения любое отклонение от среднего состояния здоровья может рассматриваться как выход за пределы нормы, из этого не следует, что снижение показателей здоровья вследствие эмоционального напряжения и стресса обязательно является аномалией. Эта довольно удивительная точка зрения требует разъяснения. Давайте возьмем достаточно грубый пример: ребенок 2–3 лет очень часто бывает расстроен при рождении младшего брата или сестры. По мере того как развивается беременность матери или когда появляется новый ребенок, старший ребенок, который до сих пор был вполне здоровым и не вызывал беспокойства, может стать несчастным, истощенным и бледным, а также начать демонстрировать другие симптомы, такие как энурез, недоброжелательность, немощность, запор и заложенность

> носа. Если в это время случается физическое заболевание, например, приступ пневмонии, коклюша, гастроэнтерита, то высока вероятность, что процесс выздоровления будет чрезмерно затянут (Winnicott, [1931], p. 3–4).

Вместо того чтобы делать акцент на травме, Винникотт указывает на нормальность дистресса. Однако проявленное Винникоттом внимание к этому явлению важно, потому что позволяет сопоставить это наблюдение с другими, чтобы посмотреть, сможем ли мы придать проблеме сиблингов психоаналитическую формулировку. Тот сибинговый шок, который он наблюдал, может быть прекрасным кандидатом для подтверждения его более позднего предположения о том, что катастрофа, которой всегда боится взрослый пациент, уже произошла в его детстве. Забавно, но на самом деле эта знаменитая идея Винникотта очень точно отражает неспособность аналитика увидеть проблему братьев и сестер – не только пациент не осознает, что его страх перед будущим на самом деле является забытой травмой прошлого, но и сам аналитик тоже не обращает внимания на влияние сиблингов, хотя они все время находятся у него перед глазами.

Хотя, как и Кляйн, Винникотт, похоже, забыл о своих ранних педиатрических наблюдениях, показывающих важность сиблинговых отношений, впоследствии эта тема и вовсе выпала из его теоретических размышлений. Это хорошо иллюстрируют такие его более поздние высказывания, взятые из отчета о происхождении психопатии:

> [Психопатия – это] состояние взрослых, которое является неизлеченной делинквентностью. Делинквентность – это неизлеченное антисоциальное поведение у мальчика или девочки. Антисоциальный мальчик или девочка – депривированный ребенок. Депривированный ребенок – это тот, у кого сначала было что-то достаточно хорошее, а потом этого не стало, *чем бы оно ни было,* и если *на момент депривации* пришлось становление личностных черт и характера индивида, то депривация могла быть воспри-

> нята как источник травмы (Winnicott, [1959–1964], p. 134; в первом случае курсив мой. – *Дж. М.*).

«Чем бы оно ни было» – несомненно, речь идет о родной матери; потеря матери становится травмирующей, когда ее крадет новый ребенок.

> ...Это была потеря чего-то хорошего, и я хочу предположить, что что-то произошло, *после чего все уже было не так, как прежде*. Таким образом, антисоциальная тенденция представляет собой навязчивое стремление ребенка сделать так, чтобы внешняя реальность исправила первоначальную травму, которая, разумеется, быстро забылась и, следовательно, стала недоступной для изменений в ходе простого возврата к старому. У психопата это навязчивое стремление заставить внешнюю реальность исправлять его неудачу продолжается... (Winnicott, 1965a, p. 50)

После появления сиблинга все уже не так, как прежде. То, что можно наблюдать у пациента или клиента, относится и к аналитику, сиблинговая травма быстро забывается.

В этих утверждениях Винникотт ссылается на мать как на причину неудачи, но мы можем использовать приводимые им иллюстрации, чтобы показать, что появление беспомощных брата или сестры приводит к такому же результату, хотя, конечно, как и дети народов га и асанте, западный ребенок может преодолеть то, что в этом контексте психопатии определено Винникоттом как травма. Давайте посмотрим на портрет больного мальчика, одержимого веревками. Винникотт считает травматичной разлуку с матерью, находившейся в тяжелой депрессии, но мы можем также посмотреть на это в контексте младшей сестры: «Мать заботилась о мальчике, пока, когда ему было три года и три месяца, не родилась сестра. Это была первая значительная разлука» (Winnicott, [1960], p. 153). За этим следует ряд других разлук, например, когда мать была госпитализирована. По мнению Винникотта, именно ряд последующих длительных периодов депривации делает пер-

воначальную депривацию необратимой. Испуганный разлукой со своей матерью, мальчик использует веревку, чтобы связать все воедино, пока однажды «увлечение мальчика веревкой постепенно не привело к развитию чего-то нового... Недавно он завязал веревку на шее своей сестры (сестры, рождение которой стало причиной первой разлуки этого мальчика с его матерью)» (ibid.).

Винникотт делает вывод, что использование веревки указывает на доброкачественные усилия мальчика по созданию связей между отдельными объектами. Отметим тот факт, что связывание необходимо, потому что первоначальная травма рождения сиблинга была усилена разрывами связей. Таким образом, веревка не совсем доброкачественная. Та же самая веревка, которая объединила бы его с матерью, душит его младшую сестру.

Или возьмем девушку шестнадцати лет, которая пришла на прием к Винникотту и сказала: «Я думаю, что приходила к вам, когда мне было два года, потому что мне не нравилось, что родился мой брат». В возрасте шестнадцати лет она начинает кричать, кричать и кричать так же, как она делала это в возрасте двадцати месяцев, когда ее мать была на третьем месяце беременности. (Тождественны ли эти крики крикам детей из Бомбея и детей военного времени или крику Рахель из «Бога мелочей» (Roy, 1997), когда случалось что-то слишком ужасное?)

Винникотт дает комментарий, что именно в этот момент девочка заболевает. Неконтролируемые крики шестнадцатилетней девчонки, повторяющие ее детский опыт, позволяют предположить, что с тем первоначальным негативным опытом так и не удалось справиться. Мальчик, одержимый веревкой, использовал ее, чтобы связать вещи, как будто это в буквальном смысле могло предотвратить его отделение от матери. На этом делает акцент Винникотт. Но наверняка, когда он завязывает веревку на шее сестры, мы переходим в царство безумия. Психоз угрожает, когда травма наступает слишком рано; психопатия наступает позже, после того как ребенок

уже увидел что-то хорошее в своей жизни. Психоз проявляется как отрицание реальности; психопатия – как дикое навязчивое требование измениться, предъявленное реальности. Психотики говорят «конкретно», слова – это сами вещи; психопаты (например, истерики) соответствуют тому периоду детского развития, когда слова еще не передают символического значения, они используются буквально. Это тот возраст, когда ребенок способен понять существование реального или возможного сиблинга, который свергнет или уже сверг его самого с престола, как в случае мальчика с веревкой. Неужели мальчик с веревкой буквально воспринял насмешку, которую он услышал: «Он привязан к переднику своей матери веревкой», – а затем, погружаясь в безумие, он думает о том, чтобы «вздернуть на веревке свою сестру»?

Андре Грин утверждал, что нам нужно восстановить в правах безумие и не путать его с психозом, – именно здесь, в этом полном вытеснении другим, лежит источник реакции безумием. Для талленси различные западные психотические категории объединены в один термин, который переводится как безумие. Человек также может чувствовать безумие. В пьесе Шекспира «Укрощение строптивой» спектакль разыгрывают для опустившегося Слая. Когда он просыпается дворянином, он хочет вернуть свою прежнюю идентичность. Изменение, приведшее к тому, что ему надо быть кем-то другим, заставляет его чувствовать себя абсолютно сумасшедшим. Такое безумие отсутствует в наших изощренных категориях психозов – это безумие маленького ребенка, смещенного сиблингом.

Это момент безумия; момент, когда все воспринимается буквально и отсутствует понимание, где находится и кем является ребенок; ребенок, над которым смеются взрослые, исчезает в небытии; мы находимся в сфере полного непонимания и ложных идентичностей. Король Лир на грани безумия спрашивает: «Может кто-нибудь сказать мне, кто я?». «Тень Лира», – отвечает Шут. Пигля Винникотта была «тенью своего прежнего я». Быть безумным – значит быть вне того, что по-

нимается как социальное. Талленси, проявляющие доброту к свергнутому ребенку, считают безумца и ребенка, не пережившего появление сиблинга, асоциальными. Мигрант потерял свое место в обществе, которое он покинул, и не имеет идентичности в том обществе, в которое он вступил. Асоциальный или антиобщественный человек не может воспринимать других *в качестве* других, которые нуждаются в уважении как таковом, и не воспринимает себя в качестве другого *по отношению к* другим.

Я завершаю пересказ наблюдений о сиблингах, которые я нашла в работах Винникотта, двумя последними случаями, подтверждающими картину сиблинговой травмы, которая может или не может быть разрешена. Первый случай – Джоан – иллюстрирует педиатрический комментарий Винникотта 1931 года; второй – маленькой девочки, которая называет себя Пиглей, описан в 1978 году.

> Джоан до возраста двух лет пяти месяцев была единственным ребенком, а 13 месяцев назад родился ее брат. Джоан была в полном здравии до этого события. Затем она стала очень ревнивой, потеряла аппетит и, конечно, похудела. Когда в течение недели ее не заставляли есть, она практически ничего не ела и худела. Она такой и осталась, очень раздражительной, и ее мать не может отойти от нее, чтобы не вызвать приступ тревоги. Она ни с кем не разговаривает, а ночью просыпается с криком, до четырех раз за ночь. Фактический материал сна не очень ясен... Она сжимает и даже кусает ребенка и не позволяет ему играть с чем-либо. Она не позволяет никому говорить о ребенке, хмурится и в конечном итоге вмешивается [в разговор] (Winnicott, [1931], p. 4).

То, что этот ребенок не употребляет пищу, соответствует квашиоркор – новый ребенок забрал пищу прежнего ребенка. То же и с криком. Помимо этих симптомов, каковы последствия такой травмы? Вот что пишет Винникотт, уже будучи психоаналитиком, в 1978 году:

> Мать сказала, что в последнее время здоровье Пигли резко ухудшилось. Она не капризничала и хорошо относилась к маленькому ребенку. То, что произошло, трудно описать словами. Но она *не была сама собой. Фактически она отказывалась быть самой собой и так и говорила: «Я мама. Я малыш»*. К ней нельзя было обращаться как к ней самой. Она начала болтать несвойственным ей высоким голосом (Winnicott, 1978, p. 13; курсив мой. – *Дж. М.*).

Как и в случае с психотической Джузеппиной, здесь имеет место потеря идентичности и необходимость быть кем-то другим. Пигля берет идентичность своей матери, которую она не хочет терять, и ребенка, которым она все еще должна быть, чтобы оставаться самой собой. Ее голос переходит на чревовещание, чтобы в дальнейшем превратиться в навязчивую, бессмысленную, безудержную болтовню. Произошла утрата предыдущей матери, но еще важнее *утрата предыдущей идентичности*. Когда (или если) ребенок вновь обретает себя, он должен приобрести новый взгляд на себя и на мир; в концепции талленси он становится социальным существом, его самосознание будет выражаться в способности видеть себя с точки зрения другого, каков он есть, где находится по отношению к другим.

Я полагаю, что эта новая перспектива – начало самооценки, которая включает утрату нарциссической самости. Проживание сиблингового опыта переводит нарциссизм в самооценку через принятие утраты – через процесс скорби по грандиозному Я и «смерти» Его Величества Младенца. Это необходимое признание того, что человек оценивается как обычный, но это не значит, что он не уникален, просто все остальные братья и сестры тоже обычные и уникальные. Без этой постепенной и никогда полностью не завершенной трансформации самости имеют место дистресс и внутренняя разорванность антисоциального ребенка или психическая патология.

Шок от сиблинговой травмы будет также повторяться и должен быть отработан в любом будущем событии, которое

предполагает вытеснение и смещение человека с какой-то позиции, находясь в которой он считал себя кем-то значимым. Если первое или последующие потрясения слишком велики, тогда травма интроецируется и образует ядро насилия внутри человека. Поэтому не только ревность, но и жестокость — веревка на шее сестры — входит в круг внутренних возможностей. Таким образом, насилие всегда находится в арсенале всех родственных связей, а также сексуальной близости и инцеста.

Нарциссическая любовь, которая распространяется на сиблинга или сверстника, когда он воспринимается таким же, как субъект, может трансформироваться одновременно с отказом от грандиозного нарциссизма субъекта; самооценка и «объектная любовь» братьев и сестер находятся на одном уровне: себя и других любят и ненавидят «объективно». Но нарциссическая любовь также может быть сохранена, так что сиблинг или сверстник будут любимы сами по себе, и насилие разразится в тот момент, когда он будет воспринят как незначительно другой, — это реальная вероятность в инцестуозных отношениях. Этот процесс также окажет значительное влияние на более широкое социальное функционирование. Взрослый психопат, такой как Гарольд, держит палец на спусковом крючке жестокости и постоянной ревности; истерик переживает каждую неудачу, как если бы это была его первая катастрофа: оба они передают последствия травмы другим. В основе обоих случаев лежит возможность паранойи: это было сделано в отношении меня, и я могу заставить других сочувствовать этому. Психопат пытается заставить мир исправить неисправимое — потребовать, чтобы нового ребенка отправили обратно; если это не удается, он делится этим опытом и распространяет его среди других, проецируя паранойю на сиблинга и стимулируя ее развитие у него (все думают, что ты противный ребенок). Это может стать продуктивной социальной техникой, заставляющей вашего оппонента поверить, что все его ненавидят. Поскольку эта сцена разворачивается в оставшемся в прошлом детстве, фантазии имеют качество реальности, в них присутствует

внутренняя убежденность субъекта. Истерический или психопатический субъект, как и находящийся под давлением ребенок, выглядит довольно хорошо — это хаос вокруг него отвечает за проблему.

Сиблинги вызывают ревность, ответом на которую является желание убить. У ребенка это желание вполне сознательно, оно становится бессознательным, когда он понимает, что это запрещено. Со временем ребенок понимает также, что если не убьет он, то скорее всего, не убьют и его. Это осознание достигается в латеральной игре, и игра также создает и вводит в действие правила, которые гарантируют, что убийство либо станет бессознательным, либо будет направлено в законные каналы — «право на убийство». Интроецированное насилие травмы само по себе не становится бессознательным: травму, по определению, нельзя репрезентировать, ее можно воспринимать только как дыру внутри или насилие над собой или другим, пока ее последствия не будут смягчены. Поскольку травма не может быть репрезентирована, нет репрезентации того, что она может быть интернализирована как бессознательный процесс, поэтому и нет способа извлечь ее из бессознательного, поскольку она не является бессознательной. Таким образом, «дыра», или травма, технически является гипотезой, выведенной из поведения или симптомов. Это означает, что необходим комплексный взгляд на психосоциальное взаимодействие. Например, младший ребенок также может интроецировать насилие старшего сиблинга, а затем ему потребуется экстернализировать его в других; так что можно ошибиться в выборе того ребенка, которому необходимо лечение.

Ричард, эвакуированный ребенок, которого Мелани Кляйн лечила в 1941 году (глава 5), на своем рисунке зачеркнул биплан, обозначив этим факт того, что он был сбит. Он сказал миссис Кляйн, что нарисовал самолет в качестве репрезентации своего брата Пола. После этого сразу же он испытал тревогу по поводу своей враждебности и начал противоречить сам себе: он объяснил, что его старший брат был солдатом

и мог действительно быть убитым, но самолет, который он нарисовал, был его дядей Тони, которого он не любил. Мелани Кляйн пояснила, что дядя Тони был его плохим папой. Может быть, и так, но что случилось с Полом? Анализ повторил, а не интерпретировал желаемое и страшное уничтожение Пола; если усилия Ричарда по экстернализации его страха быть убитым старшим братом останутся незамеченными и он захочет его смерти, эти усилия продолжатся на фоне сохраняющегося страха смерти. И в любом случае зачем, как обычно поступают, давать вертикальные объяснения латеральным переживаниям, когда в них достаточно сексуальности и проявлений влечения к смерти, чтобы не переносить их в вертикальное измерение, где они соответствовали бы требованиям бессознательных репрезентаций родителей или их заместителей. Конечно, Ричард вполне осознает, что он ревнует, но он не знает ни глубины своей паранойи, ни одного из ее вероятных, достаточно очевидных источников. Если травма возможного уничтожения может стать сознательной благодаря осознанию идей, репрезентированных вызванными ею эмоциями, то это значит, что ее можно преодолеть, по крайней мере, в настоящее время.

Нельзя сказать, что никто из психоаналитиков или психоаналитических терапевтов никогда не пытался интерпретировать перенос или контрперенос в терапевтическом сеттинге так, как если бы участники этот процесса приходились друг другу сиблингами. Когда я спросила коллег о том, как сиблинги проявляют себя в их работе, я получила разнообразные, но в целом довольно схожие ответы, за некоторыми редкими исключениями: одна коллега сказала мне, что осознание упущенной важности ее старшего брата заставило ее вернуться в учебный анализ. В основном брат или сестра появляются в терапевтических отношениях как другие пациенты, как воображаемые или известные дети терапевта, и, таким образом, поскольку перенос рассматривается как детско-родительское взаимодействие, это подтверждает исключительность вертикального вектора понимания. Иногда все же даются латераль-

ные интерпретации. В случае с одной из моих пациенток было совершенно очевидно, что я выступала в роли ее старшей сестры; это не только было почти осознанным, иногда я чувствовала, что начинала выглядеть как эта сестра, и, поскольку мы жили в одном районе, я поняла, что это не просто восприятие пациента. Оглядываясь назад на миссис X (чей случай описан в главе 4), на пациентку, актерами во внутреннем мире которой были ее младший брат и сводный брат, я понимаю, что пропустила важные моменты, когда была одним из них. Это означало, что я не осознавала природу своего контрпереноса – не как сестра своего собственного брата (это было легко), а как мой младший брат, должно быть, ощущал меня. Если бы это было так и я действительно упустила опыт переживания меня моим братом, я не могла бы помочь миссис X увидеть, как ее видят ее братья. Каким бы болезненным и трудным это ни было (потому что на самом деле это больно и трудно), это является критической стадией посттравматического стресса, связанной с обретением самосознания.

Не так давно меня пригласили прокомментировать презентацию истерического пациента, чтобы продемонстрировать, как мое предложение о создании автономного латерального места для сиблингов влияет на этот случай истерии. Пациент был единственным ребенком. Терапевт делала акцент на том, что в начале и в конце лечения она отметила контрпереносную реакцию, которая, по ее мнению, была важной, но не полностью завершенной.

Терапевт отметила, что после окончания этого успешного анализа она обнаружила, что ее мысли заняты шекспировской пьесой «Укрощение строптивой». Хотя очевидная связь с этой пьесой заключалась в битве со строптивой пациенткой, оставалось нечто, что продолжало беспокоить терапевта. И хотя к тому моменту «уже прошла целая вечность» с тех пор, как я читала или смотрела эту пьесу, которая никогда не относилась к числу моих любимых, я вспомнила следующие факты. В центре пьесы находятся две сестры. Строптивая Катарина не переносит свою младшую сестру Бьянку и применяет

к ней физическое и словесное насилие. Бьянка – милая девушка, уступчивая и обожаемая своим отцом. И пока женихи стоят в очереди за рукой Бьянки, ни один не хочет брать в жены жестокую Катарину. Тем не менее есть проблема, потому что в конце концов укрощенная строптивая становится более благородным персонажем, чем Бьянка, чье обаяние основано на обмане и манипулятивности. Где в контрпереносе находилась терапевт, когда столкнулась с истерической женщиной? Была ли она укротительницей, женихом и мужем Катарины – Петручио или, возможно, она бессознательно беспокоилась о том, что триумф все еще принадлежал пациентке, которая на протяжении всего лечения считала аналитическое искусство дешевым обманом и манипуляцией? Выступала ли в данном случае терапевт в роли Бьянки в этой сыгранной на новый лад пьесе, в которой строптивая женщина (после ее перевоспитания) на самом деле одерживает победу над сиблингом и, возможно, над мужем?

Была ли терапевт или пациентка забытой Бьянкой? Перечитав пьесу после этого обсуждения, я поняла, что в этой пьесе, как ни в какой другой, Шекспир отвел сестринским отношениям центральную роль. Забытая Бьянка оказалась решающей фигурой. Хочу добавить, что терапевт *как бы* является сиблингом. Поскольку наши собственные аналитики в целом не исследовали это измерение вместе с нами, оно неизбежно станет незнакомой частью нашего контрпереноса. Без размышлений о сиблингах, я полагаю, никто не может знать об этих измерениях. В отсутствие сиблинговой парадигмы вряд ли можно думать о братьях и сестрах, которых нет в реальной истории, а только в бессознательном и в социальных проявлениях. Как эти настоящие или воображаемые братья и сестры, сверстники или «замещающие» дети, такие как Хитклифф, мой брат, брат миссис Х, мы как сестры нашего брата, Катарина и Бьянка общаемся друг с другом? В чем наша проблема?

Чтобы рассмотреть это, я собираюсь взглянуть на сиблинговую крайность, которую представляют собой близнецы.

Близнецы повсюду являются предметом особого внимания – в Африке к югу от Сахары, где они встречаются чаще, чем где-либо еще в мире, они могут быть знаками зла или удачи. Феномен «близнячество» может быть обозначен как «метафорические» отношения, когда двое детей разного возраста и происхождения назначаются друг другу в «близнецы»[2].Как и в случае с квашиоркором, африканский контекст дает нам реальную основу для ревности и страданий, вызванных тем, что обеспечить полноценное питание близнецам гораздо труднее, чем одному ребенку. Но переходы между злом и добром представляют особый интерес и находят отражение в психоаналитических концепциях: с положительной стороны так называемое «удвоение» становится защитой от угрозы кастрации, которая, в свою очередь, является репрезентацией смерти; с другой стороны, присутствие субъекта как своего собственного двойника является чем-то «сверхъестественным». Я привожу этот пример не в качестве символа, а по причине того, что близнецы демонстрируют крайнюю степень родства и могут помочь изучить психодинамику латеральных отношений. Я всегда находила клиническую работу с близнецом или с родителем близнеца особенно интересной, вероятно, это является отголоском того восторга, который я испытывала по отношению к близнецам в детстве[3].

Я помню шутку, которая вызвала отвращение, но вместе с тем и заинтриговала меня, когда я была молодой. Сильно беременная женщина так и не смогла родить. После ее смерти раздутый живот разрезали, а внутри сидели два одинаковых высохших старика, каждый из которых говорил: «После тебя». У Уилфреда Биона был похожий на эту шутку опыт с пациентом, у которого был «воображаемый близнец». После определенной работы с этим мужчиной Бион сказал ему, что он заставляет его, Биона, чувствовать себя родителем, который дает неэффективные предостережения невосприимчивому ребенку. Он отмечает, что после этого комментария произошли «трудно передаваемые» изменения:

> Казалось, два варианта преподнесения его материала сосуществовали совершенно отдельно. Один из них передавал всепоглощающее чувство скуки и депрессии; другой, когда он делал регулярные равные паузы в потоке своих ассоциаций, производил почти шутливый эффект, как будто он говорил: «Продолжайте, теперь ваша очередь» (Bion, [1950], p. 5).

Более того, даже когда пациент говорил о реальных людях, Бион постепенно понял, что эти люди могут быть разными версиями самого пациента. Важно отметить, что Бион интерпретировал поведение своего пациента, помещая себя на место родителя, который пытается в чем-то убедить пациента, а тот выступает непокорным ребенком. Пациенту приснился сон, в котором Бион, согласно такой интерпретации, прямо и недвусмысленно выступает воображаемым близнецом. Во сне в машине сидят два человека, каждый мешает другому выйти. Как и в шутке, которую я вспомнила, Бион понимает автомобиль как матку, и пациент реагирует на эту интерпретацию, принимая позу эмбриона на аналитической кушетке. Бион объясняет, что, если бы он «вышел» из матки, пациент был бы охвачен ненавистью; однако, если бы он сформировал отношения с Бионом как со своим воображаемым близнецом, они были бы охвачены взаимной ненавистью. После этой латеральной интерпретации следует другой сон: отец просит пациента отправить свою дочь ко второму глазному специалисту. Осмысляя материал, Бион достаточно прямолинейно объясняет, что первый Я (глазной) специалист* – это пассивная мать, а второй Я (глазной) специалист – более активный отец. После этой интерпретации начинает выступать эдипальный материал. Дело не в том, что это неправильно, а в том, что здесь, кажется, упускается огромная возможность – возможность сиблингов, которой Бион чуть было не дал про-

* Игра слов: в английском тексте словосочетание «I specialist» (то есть «специалист по Я») используется вместо созвучного ему «eye specialist» (глазной специалист). – *Прим. пер.*

явиться, когда понял, что он воображаемый близнец пациента. Во втором сне ребенок, который нуждается во внимании к своему Я, – девочка, но Бион никак не включает этот аспект трансгендерности в свою интерпретацию. Во сне Я, или Эго, пациента мужского пола оказывается женским.

Бион также никак не комментирует тот факт, который он сообщает нам: когда его пациенту исполнился год, умерла его старшая сестра. Ребенок этого возраста был бы отражен своим сиблингом: он не только видел себя в ней, но и начинал видеть себя с ее точки зрения. Разве эта мертвая сестра не является основным источником для появления воображаемого близнеца? В детстве идентичные близнецы считают, что отражение каждого из них в зеркале является отражением другого близнеца. Близнецы настолько близки, что им трудно обрести сиблинговую точку зрения на себя. В известном исследовании близнецов в детском саду военного времени Дороти Берлингем (Burlingham, 1952) описывает зеркальное поведение двух пар близнецов. Примерно в два с половиной года Билл назвал Берта «другим Биллом», и, увидев свое собственное отражение в зеркале в ванной, он также назвал его «другим Биллом». Когда он был младше (в возрасте семнадцати месяцев), его близнец Берт заболел и потерял аппетит, отказываясь от всякой пищи. Медсестра начала кормить Берта перед зеркалом, обращаясь только к отражению. Обрадованный, Берт начал есть, как его здоровый близнец Билл; наблюдая за своим отражением, будто больной Берт был здоров, как Билл, он тоже радостно ел свою еду. Когда Бесси находилась в приюте для больных, ее сестра-близнец Джесси, которой не разрешили ее навещать, поставила все свои игрушки перед зеркалом и играла со своим отражением/близнецом, как они делали это до того, как их разлучили.

Пациент Биона не воображает старшую сестру; вместо этого у него есть «близнец», потому что со смертью сестры он потерял возможность использовать ее в качестве зеркала или для демонстрации ей себя. Когда ему был один год, он думал, что его сестра была отражением его самого, следователь-

но, его возникающее Я, или Эго, которое нуждается в лечении у второго глазного специалиста, как я полагаю, является его мертвой старшей сестрой и воспринимается как воображаемый близнец, который не был оплакан. Единственный человек, о котором Бион упоминает во всех подробностях и который переживается пациентом как версия его самого, – это его гомосексуальный шурин, который, по мнению Биона, мог иметь инцестуозные отношения с женой пациента. Этот шурин – безусловно, еще один близнец того же пола (мальчик здесь, девочка во сне). Являются ли два специалиста по Я не только родителями пациента или двумя будущими терапевтами, но также и двумя Я брата и сестры, брата и гомосексуального шурина, отражением близнецов в зеркале, воображаемыми близнецами, пациентом и Бионом как зеркальными близнецами друг друга?[4]

Комментируя много лет спустя этот случай, Бион полагал, что ошибался, испытывая восторг относительно концепции психологического близняшества (я с этим не согласна):

> Сейчас паттерн «воображаемого близнеца» не представляется мне очень важным, хотя я обнаружил, что он освещает некоторые аспекты психоанализа единственного ребенка. Очень часто этот частный факт относится к более общему паттерну расщепления. Пациент, о котором я писал, не был единственным ребенком, но обстоятельства заставили его так себя чувствовать (Bion, 1967, p. 127).

Поскольку близняшество для Биона – это всего лишь частный вариант общей параноидно-шизоидной фазы, когда ребенок расщепляет объект и, следовательно, себя на хороший и плохой, а затем боится, что плохое, на которое были спроецированы все его собственные негативные чувства, вернется, чтобы атаковать его. Тем не менее преследующие состояния, которые подразумевает такое расщепление, кажется, не развиты у пациента Биона; вместо этого происходит расщепление воображаемого близнеца. Позже Бион считал, что это имеет значение только для детей. Единственный ребенок в семье,

пациентка, которая заставила терапевта взять ее в лечение и напомнила об «Укрощении строптивой», сумела получить признание в качестве любимого ребенка по сравнению с квазисиблингами в семье соседа и в ее терапевтическом лечении. Мелани Кляйн подробно описала пациентку Эрну, которая была единственным ребенком и жила в воображаемом мире убийств, пыток, смерти и уничтожения своей матери и детей. Однако мы ничего не знаем о том, почему Эрна была единственным ребенком. Был ли это сознательный выбор, были ли выкидыши, аборты, смерти, как это происходит у большинства людей? Сравнение Эрны со взрослым пациентом Биона кажется уместным, поскольку шестнадцатилетняя Эрна почти целиком живет в мире фантазий. Мне кажется, что оба пациента используют фантазию, потому что физическая реальность слишком травматична: с реальностью мертвого сиблинга придется иметь дело посредством неразрешенных фантазий, если это происходит в определенном возрасте и в определенном времени, а ребенку или младенцу не помогают пройти процесс горевания. Эрна проживает свою жизнь в мире псевдологики, в состоянии сна.

Примечательно, что даже, когда такие аналитики, как Боулби или Берлингем, подчеркивают важность горевания, они не считают, что смерть брата или сестры имеет большое значение. Когда Бион замечает, что его пациент превратил его в убеждающего родителя и что это привело к изменению стиля общения пациента на «вы следующий», Бион начинает понимать, что сообщения пациента о его беседах с друзьями и семьей могут быть реальными или полностью выдуманными; фантазия, я полагаю, защищает от реальности мертвой сестры. Женское Я пациента основано на идентификации с мертвой сестрой. Поскольку Бион не видит этого, идентификация заставляет пациента обратиться к другому специалисту по Я, который ему поможет.

Бион не видит в воображаемом близнеце решение проблемы, представленной смертью его сестры: «Близнец был воображаемым, потому что мой пациент предотвратил рождение

Рис. 12. Даффи Аэрс. «Идентичные близнецы»

близнеца, – на самом деле близнеца не было. Поэтому использование близнеца в качестве средства снижения тревоги было нелегитимным» (Bion, [1950], p. 8). Я же считаю, что создание близнеца в ситуации, когда ваш аналитик, вероятно, как и все остальные, не верит, что смерть вашей сестры имеет важное значение, напротив, представляется очень возможной, полностью «легитимной» психической защитой.

Известно, что Мелани Кляйн была убеждена в том, что детская игра имеет решающее значение для понимания бессознательных процессов; на самом деле игра имеет решающее значение сама по себе, потому что она может выполнять функцию снов: увлеченно играющий ребенок переживает нечто схожее с тем, что оставляет после себя сновидение у взрослого – ощущение, что было раскрыто и решено что-то важное. Когда играешь и видишь сны, чувствуешь себя лучше[5]. Важно отметить, что сны и игры в одинаковой степени персонифицируют аспекты самого себя: одни играют в других и видят во сне других как себя, а себя как других; в обоих случаях персонификация имеет отношение и к другому, и ко мне: кукла – это чей-то ребенок или младший сиблинг, или одноклассник, каждый из которых будет одновременно и тем, кем он воспринимает этих реальных или воображаемых людей, и теми аспектами себя, которые он использовал для их понимания, для идентификации с ними. Пациент Эрика Бренмана (Brenman, 1985), мистер X, «фрагментирует» себя, как это делают все дети в игре, как и пациент Биона со своим воображаемым близнецом. Пациент Биона, как и ребенок Эрна, застрял в персонифицированной игре и, будучи таким ребенком, большую часть времени не знает, что кукла также является куклой. Иногда человеку надо на время перестать играть.

После сна о двух Я пациент Биона просыпается, переполненный гневом и ужасом. В фильме Сиодмака «Темное зеркало» (1946) Оливия де Хэвилленд играет Рут и Терри, однояйцевых сестер-близняшек. Рут красивая, добрая и любимая, а Терри ревнивая убийца. Психолог в фильме рассказывает нам о взрослых близнецах, одна росла на западе, а другая на восточном побережье Соединенных Штатов, и у них в один и тот же день вырвали зуб. Одна сестра – профессор университета, другая отбывает тюремный срок. Хотя в детстве близнецы могут идти по пути дифференциации, на самом деле нет никаких доказательств того, что в итоге один становится хорошим, а другой плохим. Я считаю, что, когда кто-то слишком похож на другого, мы, зрители, преодолеваем дилемму, вы-

скивая грубые различия. Когда умирает тот, с кем была идентификация, реальность затрудняет понимание того, что мы работаем с проблемой через фантазию: проблема, действительная или воображаемая, становится смертью; темное зеркало, в котором нет отражения, означает смерть.

Если есть два Я, как может быть одно, – нет ли шутки в страшном сне: у нас ведь есть два глаза? На лакановской «стадии зеркала» мать направляет ребенка к зеркалу, в котором его дезорганизованному Я предлагается целостный гештальт. Мать, согласно Винникотту, отражает истинного ребенка для него самого. Оба игнорируют активную роль другого ребенка, на которого смотрят, который похож на меня, но, если посмотреть со стороны, и отличается от меня. Когда малыш ожидает рождения ребенка, он ждет повторения самого себя; когда ребенок рождается, он во всех отношениях *превышает* ожидания, это превышение и есть травма. Но если это превышение преодолевается, то малыш, увидев нового ребенка как ребенка, создает условия, в которых этот ребенок сможет видеть себя: для обоих детей два Я станут Ты и Я. Близнецам или в случае смерти сиблинга достичь этого сложнее.

Обсуждая это разделение на два Я, слишком легко сделать одно Я хорошим, а другое плохим; позже Я станет хорошим Я, а Ты – плохим, и это будет картина войны. Бион отмечает, что его пациент проявляет жестокость в тех случаях, когда он должен был быть сексуальным. Я бы сказала, что для сиблингов условием сексуальности является жестокость, связанная с преодолением себя и другого, и наоборот. Я люблю себя, я буду любить сиблинга как самого себя, мой сиблинг – это не я, я должен любить моего сиблинга как другого, который похож на меня. Таким образом, я подвергаю риску свое уникальное, грандиозное Я: если повезет, я могу увидеть себя со стороны моего сиблинга. Гнев и насилие связаны с преодолением травмы, которая требует перехода от нарциссизма к объектной любви, от собственной значимости к самооценке, от выбора между тем, чтоб убить и чтобы быть уничтоженным, с одной стороны, и терпимостью к себе и другим, чувством

собственного достоинства и уважения к другому, с другой стороны. Когда субъект становится объектом внимания другого, и я, и другой оказываются доступны пониманию. Однако жестокость по отношению друг к другу и инцест порождают одни и те же проблемы.

Происхождение гендера

Вот маленькая девочка, которую пациент Биона во сне отправляет к глазному специалисту/специалисту по Я. Он смущен и, вероятно, делит свою жену со своим гомосексуальным (наверняка бисексуальным) шурином. Как сиблинговые Я и Ты становятся гендерными? Когда появившийся на свет новорожденный начинает противостоять старшему сиблингу, эти различия будут видны всем вокруг и ситуация становится трудно переносимой. Именно старшие и младшие сестры (не братья) запустили определенные процессы в детстве мужчины-вагоновожатого, а затем вызвали истерию во взрослом возрасте. Ревность связана с положением – он находится там, где я хочу находиться. Но это связано с ненасытностью желания: даже сытый ребенок хочет все молоко, поэтому ревность перемежается с завистью к тому, что кто-то имеет или чего не имеет; у него есть то, чего нет у меня, а я хочу это; или с презрением – я не хочу того, что он/она получил, или они не получили того, что я получил. Здесь мы должны понять, как «нарциссизм незначительных различий» выбирает небольшие различия, которые становятся большими – гениталии, цвет кожи или что-то еще. В отношении пола в большинстве случаев анализа предполагается, что именно его последующее подчинение репродуктивности способствует угнетению женщины как будущей матери, идеализированной и опороченной. Я хочу предложить совершенно другую точку зрения. Я полагаю, что сиблинговая травма стимулирует построение гендерных различий. Пол возникает в сиблинговых (или эквивалентных им) отношениях.

На первый взгляд, организация общества в теории и на практике подтверждает широко распространенное мнение о взаимосвязи способности к деторождению и статуса женщины как представителя второго пола. Чтобы оспорить это объяснения, я хочу предложить в качестве контраргумента темы половых различий, размножения и безумия в контексте западного мира. Почему безумие? Первая часть моего аргумента уводит нас от сиблингов, к которым я потом вернусь. Взаимосвязь между социальными изменениями и психическими структурами означает, что всегда существуют скрытые психические структуры, которые выходят на поверхность, с одной стороны, чтобы ознаменовать социальные изменения, а с другой – как реакция на них: между психическим и социальным нет однозначной корреляции, но существует несомненная и необходимая взаимозависимость. С психоаналитической точки зрения психические заболевания равны нормальным психическим процессам в широком смысле: так называемые здравомыслие и безумие – это не отдельные психические процессы, а непрерывный процесс. Поэтому психопатология предлагает некоторые преувеличения, которые могут дать нам ключ не только к индивидуальной психике, но и к социальному миру, который ее производит.

В западном мире существует мнение, что в тюрьмах число отбывающих заключение мужчин превышает число женщин примерно в той же пропорции, в какой число женщин с диагностированным психическим расстройством превышает число психически больных мужчин. Такое соотношение подталкивает к выводу о существовании естественных предпосылок для гендерной структуры преступлений и безумия, то есть что мужчины более склонны нарушать гражданский порядок (совершать преступления), а женщины в силу того, что они женщины, вносят беспорядок и неразумность (безумие) в человеческий порядок. Мужчины могут быть против общества; женщины – за пределами человечности. Я полагаю, что понятия психического заболевания и преступности уже

имеют гендерный окрас. Речь идет не о непропорциональном количестве женщин, которые становятся психически больными в мире мужчин, именно *потому что* это мир мужчин, как часто (и, вероятно, справедливо) утверждают некоторые авторы (Chesler, 1997; Porter, 1987; Ussher, 1997; и др.), а о том, что «женщины» и «психические заболевания» являются родственными терминами. Это общее размышление имеет специфическую историю, и именно на аспекты этой специфичности я хочу обратить внимание.

Если женщины как женщины занимают место вне государственных структур и, следовательно, обитают на территории безумия, мужчины как мужчины будут выступать против государственных структур и законов, следовательно, они будут преступниками. Однако, по крайней мере, в настоящее время в Англии наблюдается резкое увеличение числа преступлений, совершаемых женщинами, одновременно возникает обеспокоенность тем, что очень многие преступники весьма серьезно психически больны. Можем ли мы говорить о том, что безумие и преступления выходят за пределы гендерных границ? Недавние отчеты о заключенных, мужчинах и женщинах, в Соединенном Королевстве показывают, что большинство из них психически больны, что, таким образом, сближает гендеры.

Начиная с древних времен во многих культурах и мифах существовало представление, что женщины занимают маргинальную позицию относительно социального порядка. Безумие – крайняя степень психического заболевания – имеет аналогичную позицию: оно составляет характерную черту для гениальности, божественности и/или для ужасов ада и дьявола. Оно иррационально и в случае возникновения должно быть изгнано, даже если его потребности, как в премодернистской идиллии Фуко, все еще удовлетворяются в пределах сообщества, подобно потребностям женщин; тем не менее оно находится вне общественного закона и порядка. На протяжении большей части человеческой истории ни сумасшедшие, ни женщины не являлись полноправными граждана-

ми. И все же безумие и женщины не идентичны; скорее они занимают различные части одного и того же внешнего пространства. Мы должны также помнить, что для талленси ребенок до появления его единоутробного сиблинга также является асоциальным, хотя, конечно, в общине о нем заботятся как о человеке. Я предполагаю, что в этом приравнивании женщин, сумасшедших и детей, у которых еще не появился сиблинг, есть определенный смысл.

В 1989 году Кэрол Пейтман утверждала, что термин «патриархат» должен включать как братские, так и отцовские формы мужского доминирования. Я не согласна с таким объединением, но нахожу ее противоречивую оценку «братства» как патриархального угнетения интересной и полезной. Кэрол Пейтман утверждает, что построение современной политической теории зависит от подчинения женщин; но это подчинение братству, а не отцовскому патриархату. Подъем современного государства в XVII веке с последующим акцентом на «договор» гарантировал, что братья будут равны в своих правах и одинаково уверены в своем отце. «Пожалуй, самая поразительная особенность истории договоров — это отсутствие внимания к братству, в то время как основное обсуждение строится вокруг свободы и равенства...» «Только *мужчины* рождаются свободными и равными. Теоретики договоров понимали половое различие как политическое различие, различие между естественной свободой мужчин и естественным подчинением женщин» (Pateman, 1989, p. 4–5). Долг женщины — родить; а долг мужчины — умереть за государство. Теоретики договоров, которые узаконили эти положения, которые у нас все еще доминируют, в XVII веке противостояли «патриархистам». Теория договоров опровергала естественные права королей и отцов, а также модель патриархальной семьи как основы государства, настаивая вместо этого на правах индивидов и прокладывая тем самым дорогу ко всеобщему равенству. Но для женщин этот путь был закрыт ввиду их природной роли, которая находилась вне социального контекста:

> Братский общественный договор создает новый, современный патриархальный порядок, который представлен как разделенный на две сферы: гражданское общество, или универсальная сфера свободы, равенства, индивидуализма, разума, договора и беспристрастного права — царства людей или «индивидуумов», и частный мир особенностей, естественного подчинения, кровных связей, эмоций, любви и сексуальной страсти — мир женщин, в котором также правят мужчины (ibid., p. 43).

Хотя общественно-политический мир разделен таким образом, этот факт скрыт ввиду наличия у людей индивидуальных прав. В свою очередь, существование «абстрактного» индивида с абстрактными правами означает, что мы не видим за этим братства. Братский субъект мужского пола маскируется под бестелесное, бесполое частное лицо. Можно расширить это в нескольких направлениях: экономика, которая зависит не от потребительной стоимости труда человека, а от прибавочной стоимости, которую он производит, таким образом, также становится абстрактной и теоретически бесполой. Не попадает ли и понятие безумия под влияние нейтрального индивида (процесс, который реализуется только сегодня)? Работа и гражданство абстрактны, но принадлежат сфере мужского, а безумие, отмеченное как женское, становится абстрактным. В пространстве абстрактного положение гендеров может измениться.

В «Короле Лире» мы видим, как старого короля и отца патриархального порядка охватывает истерия: «Я чувствую, как во мне пробуждается мать». Отец считался единственным родителем, поэтому Лир может переживать истерику; истерия была болезнью женщины, «матери»; но так как Лир является и отцом, и матерью, он может страдать от «удушения матерью». Диагноз истерии претерпел изменения в XVII веке и был связан с мозгом; даже если «истерические припадки» были обусловлены маткой, «болезни нервов» в значительной степени вытеснили их. Это означало, что мужчины могут стра-

дать истерией, но их при этом не считают истериками, равно как и женщин не считают политиками. Если новая политическая теория привела к появлению нейтрального политического индивида, а новые социально-экономические условия – к появлению нейтрального работника, то отношение к психическим заболеваниям, я полагаю, последовало этому примеру. Психиатрия и фармакология все в большей степени реагировали на гендерно нейтрального пациента. Но если в политике и экономике нейтральность по-прежнему является мужской, то в безумии эта нейтральность по-прежнему женская. Тем не менее появилась возможность потребовать то, что было заявлено, – истинный нейтралитет в политике. Могут ли, таким образом, истерия и безумие в равной степени принадлежать мужчинам в дегендеризованном мире?

Если женщины, как в рассуждениях Пейтман, были подчинены братству, которое лишало их полного равенства и свободы из-за их репродуктивной роли, то к насколько серьезным последствиям может привести растущее преодоление этого разделения, происходящее вследствие изменений его актуальности и самой концепции воспроизводства? Чем выше социально-экономический уровень, тем меньше вероятность того, что женщина будет иметь детей; в таких странах, как Швеция, мальчики воспитываются вместе с девочками в гендерно-нейтральной среде. Возможно, изменение отношения к размножению сигнализирует о начале конца половых различий. Это будет означать, что «гендер» одержит победу и моделью будут не родители, а сиблинги. Но произойдет ли смена целевых показателей и наступит ли конец гендерным различиям? Думаю, что нет. Хотя признание отцовства является основным фактором, ограничивающим свободу жен-матерей, я считаю, что это еще не все.

Когда ребенок переполнен травмой из-за того, что тот, кто мыслился таким же, как он, неизбежно оказывается другим, он находит или получает возможность отметить эти различия: различие в возрасте, гендерное различие. Затем это понимание должно снизить силу травматичного переживания,

однако насилие, присущее первоначальному опыту, остается возможным. Травма гарантирует, что насилие всегда скрыто, и даже если оно преодолевается в отношениях между родными сиблингами, оно доступно в отношениях с их заместителями в более широком мире. Колыбелью гендерных различий являются как нарциссическая любовь, так и насилие, сопровождающее травмирующий момент смещения. Гендерное различие возникает, когда применяются физическая сила и недоброжелательность, чтобы обозначить сестру как младшую. Пейтман не стала дальше развивать свое наблюдение относительно того, что мужчины должны умереть за свою страну, а женщины должны родить. Солдат происходит от брата, который дал отпор злоумышленнику, а мужчина – от мальчика, который унизил свою младшую сестру.

Здесь и сейчас

Термин «патриархат» широко использовался с конца XIX века, но стал предметом оживленного обсуждения после появления феминизма второй волны. Мы можем рассматривать один аспект концепции патриархата как аналогию понятия бинарности, о котором шла речь в главе 6. Критика Хаммелем (1972) универсального характера принципа бинарности, открытого Леви-Строссом, опиралась на двойное утверждение: либо бинарность должна встречаться повсеместно, и в этом случае о ней особо нечего сказать, либо это специальный способ мышления, и в этом случае важно исследовать отношения между способами мышления у наблюдателя и у наблюдаемого: все люди или только некоторые люди, или только некоторые люди в определенное время, или все люди время от времени думают, используя внутреннюю бинарную модель?

Аналогия с патриархатом – слабое, но актуальное сравнение. Окин (Okin, 1989), Терборн (Therborn, 2002) и многие другие утверждают, что «патриархат» является универсальным. Если это так, то его нельзя использовать в качестве пе-

ременной, так что же нам с ним делать? Как универсальная категория он не представляет особого интереса с аналитической точки зрения. Однако, если мы считаем, что «гендер» является категорией анализа, то должны быть сформулированы условия для его применения. Я полагаю, что так же, как бинарность – не единственный способ мышления, так и сам по себе патриархат – не единственный способ господства мужчин. В рамках мужского доминирования – самого по себе «универсального» – существуют различные типы патриархального и непатриархального, но все же доминирующего мужского правления.

Феминизм второй волны также принял, развил и популяризировал термин «угнетение», позаимствовав его главным образом у борьбы против колониализма и расизма; угнетение рассматривалось как общая категория, в которой «эксплуатация» была особой подкатегорией, связанной с захватом прибавочной стоимости, произведенной за счет труда другого. Постмодернизм критиковал понятие угнетения. Тем не менее я считаю, что у этого термина все еще есть пространство для применения в качестве оборотной стороны доминирования. Я полагаю, что угнетение женщин и доминирование мужчин – это два аспекта универсальности, которые гендерный анализ должен включить в поле своего рассмотрения. Это вовсе не означает, что они универсально присутствуют везде и всегда проявляются в каждом отдельном случае. Совсем наоборот. С аналитической точки зрения они тоже неинтересны как таковые; именно их переменные и изменяющиеся отношения должны быть объектом исследования[6].

Тем не менее, предлагая разграничивать «гендер» и «половые различия» на оси нерепродуктивного и репродуктивного, я предлагаю подкатегорию общих терминов: женское угнетение/мужское доминирование. По отношению к размножению мужчины и женщины психически поляризованы (половые различия); они рассматриваются в бинарных терминах, которые натурализуются как два родителя. В нерепродуктивных отношениях термин «гендер» не является бинар-

ным. Гендер – не бинарная конструкция. Другими словами, половые различия являются признаком полярности, а гендер является континуумом, который в своем крайнем значении может указывать на исчезновение или начало исчезновения этих терминов.

Половые различия в классической психоаналитической теории, вновь подчеркнутые Лаканом, устанавливаются вместе с травматическим подчинением мальчика и девочки кастрационному комплексу («закон отца»). Я добавлю, что есть также подчинение болезненному осознанию того, что дети не могут иметь или рожать детей (моя гипотеза о «законе матери»). Независимо от того, является ли последнее травмой или нет, это, безусловно, накладывает ограничение на всемогущество. Ребенок должен преодолеть тот факт, что, будучи ребенком, он бесплоден, и ему не разрешается продолжать воображать иное. «Половые различия» – это культурно обусловленное представление о двух «противоположных» полах в целях размножения. Каждый будет подвержен этой дифференциации или должен будет найти способ избежать или отрицать ее. Именно травма провоцирует на сопротивление: никто не хочет знать, что он или она «неполны»; таково, однако, состояние человеческой психики. Двойной аспект эдипова комплекса, когда ребенок подобен матери и подобен отцу, но в то же время, будучи ребенком, занимает иное положение по сравнению с ними, означает, что сексуальное влечение каждого человека подвержено фантазиям о деторождении, каждый человек является психически «репродуктивным» независимо от своего выбора, отрицания или вытеснения.

Эти травмы или монументальные ограничения являются намеками на неизбежность смерти, и переживание штормов, которые они вызывают, имеет важное значение для становления социальным существом.

Однако решающим ударом по уникальному субъекту является присутствие другого, представленного уже существующим или будущим сиблингом, у которого, по крайней мере, та же мать и материнская линия. Ребенок хочет контролиро-

вать все аспекты этой опасной ситуации. Недавно я услышала фразу четырехлетней девочки, которую она произнесла, когда ей сказали, что сестра, которую она с нетерпением ждет, может оказаться братом: «Я не буду иметь брата, если я не хочу его». У каждого есть потенциальные братья и сестры – родители, которые зачали одного ребенка в прошлом, в будущем могут зачать других: единственный ребенок не более уникален в своей человечности, чем сын вождя, у которого было более ста братьев и сестер благодаря полигинному отцу (Goody, 2002), или ребенок королевы Виктории, матери девяти детей.

После 30 лет активных кампаний и дискуссий Бразилия в январе 2003 года приняла закон о равенстве полов: женщины имеют такие же гражданские права, что и мужчины; мужчина как «глава семьи» был упразднен. Во Франции движение за достижение полного паритета имеет определенные успехи в продвижении буквального значения условного равенства: женщины и мужчины должны быть представлены одинаково, каждый гражданин должен иметь равные с другими права. В то же время Бразилия учредила сотню управляемых женщинами полицейских участков для обеспечения соблюдения права женщин на равное уважение: не должно быть изнасилований, побоев и инцестов. Законодательство указывает на практики, которые требуют исправления, – секс и насилие. Что меняется?

Половая основа гендерных различий процветает в мировой преступной культуре в условиях городской бедности. Но есть некоторые признаки стирания гендерных различий. Лос-Анджелес депортирует членов преступных группировок, а они, в свою очередь, экспортируют американскую идеологию равноправия полов. Пятнадцать-двадцать лет назад сальвадорцы бежали от своих войн как нелегальные иммигранты в Калифорнию. В то время как родители работали уборщиками или строителями, их дети, мальчики и какая-то часть девочек, образовывали уличные банды: грабили, насиловали, убивали – в основном друг друга. Осужденные преступники были депортированы в Сальвадор, страну, которую они

покинули, когда были маленькими детьми. Там и девочки, и мальчики образовали преступные шайки, совершающие насильственные преступления. Как и везде, предлагаются два «решения»: тюрьма или религия. Как тюрьма, так и религиозные общины структурно повторяют социальную природу банды, но они помещают банду под контроль внешней власти.

Когда я росла, мы формировали стихийные шайки, и одной из любимых группировок для военных действий была «девочки против мальчиков» или «мальчики против девочек»; в то время это казалось, да и сейчас кажется таким разделением на категории, которое было легче запомнить, чем то, кто был на чьей стороне в тот день. Наше насилие происходило на улице и в школе, но именно школа установила правила: палки не длиннее руки; не бить по голове плотно завязанным футбольным носком, закрученным, как булава. Правила, однако, не могли сравниться с воображением: быть брошенным в специально вырытую яму с высокими вертикальными грязевыми стенами, быть связанным и повешенным на ветке дерева, осмелиться долго оставаться в огне и дыме, который мы разводили в бомбоубежищах в заброшенных домах, куда проникали незаконно... Страшное веселье почти волшебным образом прекратилось в период полового созревания. Посредством адаптации к представлениям об образе тела, к вторичным половым признакам, менструации, волосам на теле, тембру голоса, молочным железам, сперматозоидам, половым различиям, к повторению эдипальных вопросов, которые возникали в возрасте четырех или пяти лет, «гендер» получил новую формулировку как то, что указывает на бинарные половые противоположности. Подростковые половые различия пересматривают гендерные различия как повторение эдипальных фантазий о половых различиях, но они также подразумевают сиблинговые гендерные различия; различие в детстве, юности и взрослом возрасте связано со всеми проявлениями латеральных отношений.

Сиблинговая ситуация порождает угрозу одинаковости: чем четче обрисована разница, тем безопаснее доминирующий

человек; основное же различие заключается в различии полов. Используя тело для репрезентации большого/маленького, белого/черного, мужского/женского пола, насилие становится социальным средством для противопоставления себя отличному по определенным признакам другому. Энн Парсонс отметила, что, когда сельские семьи переехали в трущобы Неаполя, патриархат пришел в упадок. Женщины зарабатывали, матери находили деньги на еду для детей и сигареты для своих мужчин. «Как душа в Чистилище, он ждет меня с открытым ртом, совсем как дети, когда они плачут и просят хлеба» (слова собеседника – Parsons, 1969, p. 97). Энн Парсонс, попавшая в ловушку знаменитой межпоколенческой парадигмы своего отца Толкотта*, чьи наблюдения выходят за рамки этой парадигмы, отмечает, что семьи стали более разносторонними и, не имея патриархальной модели, мужчины заимствовали определение маскулинности у мужских банд. Тема «кризиса мужественности» указывает на обратную сторону бинарной модели доминирования/угнетения, вызывая неизбежный ответный удар против феминизма.

Сиблинговая модель показывает нам, что всегда существует скрытый кризис в гендерных отношениях с его предсказуемым разрешением в форме превосходства большого/белого/мужского. Такое превосходство культурно кодифицируется как индивидуальное или коллективное всемогущество, которое стремится либо к уничтожению, либо к ограничению до состояния бессилия. Печальная ирония заключается в том, что, несмотря на свои пугающе жестокие эгалитарные препубертатные нравы, сальвадорские девочки из Лос-Анджелеса, формирующие шайки, испытывают ностальгию по прошлой семье как наиболее конвенциональные девушки преступного мира, пытаясь спасти своих мужчин. Эта семья из прошлого

---

* Тэлкотт Парсонс – американский социолог, глава школы структурного функционализма, один из создателей современной теоретической социологии. Его дочь Энн покончила с собой в 1964 году в возрасте 33 лет. – *Прим. пер.*

живет в воображаемом ядерном сообществе на сельской ферме. Однако это типично для Бразилии: бразильские фермы были рабовладельческими сахарными плантациями, и именно в сельской местности мужское насилие над женщинами было закреплено как неотъемлемое мужское право. Там, где пожилые мужчины вступают в брак с молодыми женщинами, согласно патриархальным законам, они могут избивать своих жен, следуя логике отцовской дисциплины, и применять неконтролируемое насилие в рамках латеральной самодифференциации в отношении тех женщин, которые не рассматриваются как возможные матери их детей. Но иногда младшие, более слабые, образованные другие, такие как Бьянка, находят способы взять реванш, прибегая к заменителям насилия.

В статье о «смерти близнеца» психоаналитик Джордж Энгель (Engel, 1975) описал, как в годовщину неожиданной смерти своего брата-близнеца он вновь испытал крайнюю растерянность и спутанность своего Я, которая была знакома им с братом, была очевидна для других людей и которой они оба боялись и эксплуатировали в детстве. Не только во сне, но и в состоянии бодрствования он откликался на имя своего брата, видел своего брата в зеркале, и примерно через год после его смерти у него был, по его собственному заключению, истерический конверсионный симптом «такого же», как у брата, сердечного приступа, после которого он, в отличие от брата, выздоровел.

Близнецы демонстрируют также изменчивость психических позиций, игру сходства и различия. Уже с рождения даже между монозиготными близнецами есть отличия; жизненный опыт будет способствовать дальнейшей дифференциации. Однако тяга к противоположным направлениям – это движущая сила идентификационных процессов. По мере того как близнецы становятся все более разными, они становятся также все более похожими. Роли (зависимые/независимые, более сильные/более слабые и т. д.) будут в определенной степени урегулированы, но при каждом жизненном кризисе ребенка они пересматриваются. Таким образом, нет ничего за-

фиксированного на все времена и для любой ситуации. Эти латеральные отношения указывают на то, что гендерное различие также является гибким маркером. Иногда гендеры будут далеко друг от друга, а иногда близко друг к другу; как и близнецы, они могут обмениваться характерными чертами. Это указывает на возможность трансформации того, что кажется, но не является бинарной ригидностью, требуемой для гендера. Близнецы – не столько исключение, как считают некоторые авторы, сколько пример некоего крайнего случая, который освещает проблемы, великолепие и ужасы сиблинговой нормы. С близнецами, братьями и сестрами, друзьями в банде, в религиозной общине, в браке, в повторении себя вы получаете – хорошо это или плохо – больше, чем рассчитывали.

Есть общая тенденция, согласно которой экономический успех связан с количеством детей на государственном и индивидуальном уровне. Вскоре мы, возможно, будем задаваться вопросом: куда делись все братья и сестры? Тем не менее в психологическом смысле братья и сестры имеют решающее значение и для единственного ребенка, который ожидает их рождения и боится того, что могло бы с ним случиться. Реальный сиблинг играет важную роль в том, чтобы открыть доступ к ненависти таким способом, который позволит справиться с этим для последующего развития социальности. Братья и сестры дают возможность научиться любить и ненавидеть одного и того же человека. Братья и сестры имеют значение сами по себе и в то же время находятся в центре любой родственной группы. В некоторой степени их могут заменить друзья и враги из группы сверстников – каждый должен понимать, что он не уникален и не всемогущ. Потеря грандиозного Я и принятие других, похожих на меня, являются решающими. Человек должен научиться выживать в мире других людей. Самоуважение и уважение других – это две стороны одной медали.

Между тем в мире, где братья и сестры все еще рождаются, они играют важную роль не только друг для друга, но и для всех латеральных отношений. Психические средст-

ва, с помощью которых устанавливаются сиблинговые отношения, имеют решающее значение. Расщепление Эго и объекта, идентификация и проекция, а также обращение любви в ненависть и наоборот — за всем этим, стоит надеяться, последует трансформация нарциссизма в объектную любовь, желания убить — в ненависть к тому, что неправильно или злокачественно в себе и в другом: все это строительные блоки латеральной, а не вертикальной парадигмы. Проблема сиблингов указывает также на важность латеральности для понимания взаимосвязанности насилия, власти и нерепродуктивной сексуальности, для появления гендера как различий, выкованных из матрицы одинаковости.

Примечания

Глава 1

1 В последнее время Франция исключена из этой тенденции. В течение почти двух столетий озабоченная исключительно низким уровнем рождаемости, Франция всегда была в авангарде пронаталистской политики; недавно она принесла свои плоды, и коэффициент воспроизводства населения стал равен 2,2 по сравнению, скажем, с коэффициентом 1,7 в Италии.

2 Эдипов комплекс назван в честь мифического греческого царя Эдипа, его жизнь, смерть и последующая история семьи ярко изображены в трилогии Софокла: «Царь Эдип», «Эдип в Колоне» и «Антигона». Родители Эдипа, чтобы избежать пророчества о том, что их сын убьет своего отца, оставили его на склоне горы. Пастух, однако, спас ребенка, и он был воспитан в королевской семье в Коринфе как сын. Эдип не знает, что его усыновили. Невольно он убивает своего биологического отца Лая и женится на биологической матери Иокасте, от которой у него рождается четверо детей. Эдипов комплекс – это совокупность бессознательных идей, сосредоточенных на желании овладеть матерью и убить отца (желание девочки по отношению к отцу и ненависть к матери – это ее эдипов комплекс, а не комплекс Электры, как часто утверждают).

3 Эта работа наиболее полно отражена в книге – Mitchell, 2000a.

4 Я имею в виду психопатию (и другие подобные состояния) в психоаналитическом, а не в психиатрическом понима-

нии, то есть как динамический набор симптомов, связанных с бессознательными процессами, а не как расстройство личности (переименованное в асоциальное расстройство личности в DSM-IV-TR).

5 Проблема возникла отчасти потому, что в тюдоровской Англии люди могли уже читать Библию и узнавать, что Бог разрешил определенные отношения, которые, как они ранее считали, были запрещены.

6 Эрнест Джонс использовал термин «афаназис» в своих клинических наблюдениях этого явления, которое, конечно, не имеет отношения к сиблингам.

Глава 2

1 Œdipus the King // Sophocles. The Three Theban Plays / Transl. by R. Fagles. London: Allen Lane, 1982. P. 66–67 (курсив мой. – *Дж. М.*).

2 Юлия Кристева (1982) объясняет эту ненависть, возникновение которой связано с самой ситуацией рождения. Она использует понятие «отторжение», чтобы описать реакцию матери на роды. У ненависти нет психической истории. Та же самая проблема психических реакций, возникающая впервые с появлением материнства (в том смысле, что у материнства нет детской/младенческой истории), присуща также работе Мэри Келли «Послеродовое свидетельство» (Post-partum Document – Kelly, 1983). Описание Кристевой, как и объяснение Винникотта, порождает вопрос: откуда в младенчестве матери возникает ненависть? Я полагаю, что ненавистный ребенок реплицирует сиблинга, которого мать ненавидела в детстве. В качестве случайного наблюдения отмечу заметный (или незаметный!) для окружающих факт, как много матерей случайно обращаются к своим детям по имени своего сиблинга.

3 Андре Грин (Green, 1995) считает, что большинство современных психоневрозов характеризуются неспособностью горевать. Соглашаясь с наблюдением, я также хочу предло-

жить другое объяснение: эта неспособность скорбеть является проявлением истерического осадка во всех так называемых «пограничных» случаях.

4 Здесь я использую некоторые наблюдения Д. Винникотта и Анны Фрейд, а не Мелани Кляйн.

5 Я думаю о работе, проделанной с матерями и недоношенными детьми в трущобах Лимы, Перу, о которой мне сообщил Э. Пьяццон.

6 Когда такие критики, как Элейн Шоуолтер, пересматривают эти болезни и их современные аналоги, такие как синдром войны в Персидском заливе, и утверждают, что в конце концов они являются проявлениями истерии, они переосмысливают истерию как реакцию бессилия на тягостные условия. Это исключает из рассмотрения важные сексуальные и компульсивные проявления истерии. Что еще более важно, это не объясняет, почему симптомы истерии выражают бессознательные процессы. Почему протест не может быть сознательным?

7 Их родители делали и делают все, чтобы улучшить ситуацию. Возможно, что неполноценность старшего ребенка, выявленная уже в раннем возрасте, и очень тяжелое протекание беременности при рождении младшего ребенка сделали двух девочек особенно уязвимыми перед угрозой, которую они представляют друг для друга.

8 После написания вышеизложенного я слышала, как Майкл Раттер выступил с восьмой лекцией памяти Джона Боулби (Лондонская школа для девочек, март 2000 года), в которой он описал некоторые результаты своих исследований детей из румынских детских домов, усыновленных в Англии. Эти травмированные дети пережили ужасные ситуации, находясь в воспитательных учреждениях; им нравится быть с детьми, как будто эти дети возвращают им их потерянное детское «я». Чрезмерная забота Эмми о детях может быть аналогичного характера: желания сирот указывают на важность травмы в раннем детстве и на то, как ее можно решить. Эмми присматривает за «собой» так, как ей хотелось бы, чтобы делала ее сестра.

9 Я была поражена, перечитав работу Хелен Дойч (Deutsch, 1947) о материнстве, которая показывает, как часто образ яиц проявляется в сексуальном любопытстве. Яйца – это простые образы анального рождения и партеногенетичности. Я полагаю, что идея Дойч о «как будто» личности – это уточнение и спецификация истерии. Яйца занимают также видное место в исследовании Эйслера (Eisler, 1921) об истерической беременности у мужчин (см. главу 6).

10 Два года спустя (2002) Эмми неохотно идет в школу. Однако там она решительно отказывается говорить – и с учителем, и с другими детьми. Она кивает или качает головой. В отличие от своей старшей сестры Эмми научилась говорить необычайно рано – в девять месяцев. Она говорит очень бегло, у нее большой словарный запас и имеется необычный ответ абсолютно на все. Марион теперь часто приглашает ее поиграть; она почти всегда отказывается, играя вместо этого с куклами (никогда их так не называя), которые уже не младенцы, а ее маленькие братья и сестры, а каждой из кукол тщательно подобрано имя.

11 Блок подчеркивает, что насилие имеет место, когда различия не могут быть сохранены – моя точка зрения, но с другим акцентом, потому что в ней все наоборот. Блок отмечает количество конфликтов, которые называются братоубийством.

12 'It's a girl' – Это девочка (World Service of the BBC, 29 Jan 2002).

Глава 3

1 Король Лир надеялся, что в старости за ним будет ухаживать его дочь Корделия (У. Шекспир. «Король Лир»).

2 Я думаю, что есть еще одна история об инцесте между братьями и сестрами с точки зрения мальчика (см. главу 9). Как и девочка, мальчик также должен понимать, что он нефертилен в детстве.

3 В недавнем докладе Национального общества по предупреждению жестокого обращения с детьми (Cawson et al., 2000)

отмечено, что инцест и жестокое обращение в сиблинговых отношениях достаточно распространены, и указано на то, что они повсеместно игнорируются.

4 Джон Донн. «Проповедь», 24 февраля 1625 г.

5 К сожалению, Энид Балинт умерла в 1996 году, поэтому я не смогла продолжить обсуждение с ней истории болезни.

6 Я благодарна доктору Эстеле Уэлдон, автору книги «Мать. Мадонна. Блудница» (Weldon, 1988) и старшему психиатрическому консультанту в отставке клиники Портман, Лондон, за психиатрическое подтверждение этого психоаналитического наблюдения и прогнозов.

7 Карен Хорни и Мелани Кляйн признают первичное понимание матки у девочек; Роберт Столлер, помимо прочего, настаивает на первичной женственности обоих полов. Я указываю на то, что отсутствует в этих наблюдениях, – на саморепрезентацию тела-Эго, матки как Я. Эссе Эрика Эриксона о «внутреннем пространстве» (Erikson, 1964), в котором изучалась детская игра и предлагались гендерные различия с точки зрения внутренней и внешней направленности, представляет собой хорошее изложение репрезентаций гендерного тела-эго.

8 И Вольфсманн Фрейда, и истерический мужчина Эйслера представляют в воображении свой кишечник как чрево.

9 «Мать. Мадонна. Блудница» Эстелы Уэлдон, за которой последовала книга «Женская извращенность» Луизы Каплан (Kaplan, 1991), раз и навсегда установили наличие женских перверсий. Следует отметить, что эссе Фрейда «Ребенка бьют» 1919 года (см. главу 4) посвящено пониманию извращения у женщин.

Глава 4

1 В эссе «Ребенка бьют» Фрейд настаивает на исключительной важности воспоминаний, доступ к которым открывается во время анализа.

2 Интересно, было ли понимание этой интеграции в потенциальный истерический невроз вместе с осознанием того, что братья и сестры были исключены из объяснения, учтено в наблюдении, которое Анна Фрейд сделала к концу своей жизни, утверждая, что психоанализ еще не понял истерии (см.: Mitchell, 2000a). Анна Фрейд, как известно, соперничала со своими пятью старшими братьями и сестрами, одна из которых, любимая дочь Фрейда Софи, умерла незадолго до того, как было написано эссе «Ребенка бьют».

3 Об этой трудности более подробно пишет Дойч (Deutsch, 1947).

4 Фрау Сесили в «Исследовании истерии» Фрейда (1895) рассказывает о сходной детской травме. Это, несомненно, очень распространено.

5 Это может быть связано с частым наблюдением, что девушкам/женщинам труднее достичь полного оргазма. Я очень сомневаюсь по этому поводу. Однако, если это так, возможно, что проблемы с оргазмом испытывают не женщины, а истерики – и мужчины, и женщины.

6 В недавно вышедшей книге «Истерия» (Bollas, 2000) Кристофер Боллас счиатет, что неспособность матери (обусловленная ее собственной психосексуальной патологией) принять и развивать сексуальность своего ребенка является детерминантой будущей истерии ребенка. Здесь мы можем увидеть линию преемственности, которая идет от Абрахама (возможно, через Кляйн) до сегодняшнего дня. Это еще раз подчеркивает роль истерогенной матери. Кто-то может спросить: откуда аналитики это знают? Чувствовали ли они себя подобно анально-эротичным матерям? Возможно, они не разрешили свои кастрационные комплексы и не могут признать сексуальность своих пациентов и т. д.?

7 Очень часто в работах психоаналитиков, которые пишут о женском кастрационном комплексе, содержится тезис, который совпадает с популярными представлениями о том, что женщина осуществляет кастрацию. По-видимому, в этом было намерение Абрахама. Собственно говоря, «комплекс»

не может включать ряд противоречивых бессознательных желаний, комплексом будет только единичное отыгрывание, совершенное из зависти к пенису, направленное на разрушение объекта зависти.

Глава 5

1 Я несколько раз прочитала все опубликованные и некоторые в свое время не опубликованные работы Кляйн, которые вышли в особом издании (Klein, 2000). Во время моего психоаналитического обучения я выбирала курсы по ее работам и проходила супервизию у кляйнианцев. Я упоминаю об этом, потому что меня поразил масштаб моих собственных упущений темы сиблингов в материалах ее первых работ, когда я искала упоминания о них.

2 В исследовании (Mauthner, 2003) утверждается, что опыт сестричества оказывает влияние на женскую психологию так же, как опыт материнства на дочерний опыт. Это подтверждает мой аргумент, что пренебрежение сиблинговыми отношениями обуславливает нашу неспособность увидеть этот социальный сдвиг. О большем взаимодействии общества и психики можно подробнее узнать из моей работы (Mitchell, 1984, ch. 3); с самого начала новорожденный воспринимает как социальные, так и собственные телесные переживания.

Глава 6

1 Прочь/тут (fort/da) – игра, заключающаяся в бросании и притягивании назад катушки, обвитой ниткой. Фрейд наблюдал, как его восемнадцатимесячный внук играет в эту игру, и использовал ее, чтобы проиллюстрировать идею «принуждения к повторению» (Freud, [1920], p. 14–17]. Лакан использовал это название для фонематического обозначения отсутствия и присутствия.

2 Эта фраза взята из книги Р.Д. Лэйнга «Серии и связи в семье» (Laing, 1962). Лэйнг модифицирует концепцию Сартра о серии, а я использую ее в несколько ином смысле, чем другие авторы.

3 Если бы этот ребенок умер, как это произошло с шестью сиблингами, то очевидная реализация смертоносных фантазий мужчины-вагоновожатого способствовала бы патологизации всей ситуации. См. отсылку на похожую историю Фрейда о мертвом брате (Mitchell, 2000a).

4 Эйслер отмечает, что фантазии о самовоспроизводстве характерны для психозов и редко встречаются при неврозах, но признает при этом, что они присущи внутреннему миру этого невротического пациента. О распространенности этих фантазий при шизофрении можно прочитать в работе Конрана (Conran, 1975). Я утверждаю, что такие фантазии очень распространены при истерии (Mitchell, 2000a).

5 Разве это не может быть элементом кувады: мужчина боится потерять свою жену, когда она становится матерью, и потому сохраняет привязанность через идентификацию с ней?

6 Понимая, что необходимо, чтобы определяющий психоаналитический момент имел место задолго до начала кастрационного комплекса, Лакан (Lacan, 1993) указывает, что перед этим, должно быть, произошел более ранний случай, но он все равно не развивает тему сиблингов.

Глава 7

Эта глава в несколько иной версии была впервые представлена на Мемориальной конференции, посвященной Боулби, в Лондоне в марте 2000 года. Я очень благодарна Джереми Холмсу, участнику дискуссии, за его согласие на включение в эту главу некоторых из его комментариев.

1 Цит. по: Riley, 1983, p. 101.

2 В январе, когда бомбардировок городов прекратились, 87% из группы матерей и 93% школьников возвратились домой, но многие из них потом вернулись назад.

3 То, что Боулби, который проделал такую новаторскую работу, выступая за необходимость помогать маленьким детям горевать, упустил из виду эссе Фрейда «Печаль и меланхолия» 1914 года или роль утраты для Анны О в «Исследованиях истерии» 1895 года, мягко говоря, озадачивает.

4 Я полагаю, что это работа отмечена также вопросами, возникшими в результате войны с ее потребностью в знании групповой психологии. Именно в этой работе Фрейд переосмысливает проблему истерии и снова отступает от нее.

5 В дискуссии, последовавшей за первым представлением этой статьи, Джульет Хопкинс, психоаналитик и племянница Джона Боулби, отметила, что статья представила новый взгляд на ее дядю. Как рассказала Джульет Хопкинс, ее дядя был «лишен матери», а воспитание его братьев и сестер было почти полностью поручено няням «на чердаке». Только одну из этих нянь дети любили и конкурировали друг с другом из-за нее. Это была очень молодая девушка, своего рода старшая сестра. Затем Джульет Хопкинс сказала, что она, кажется, поняла, почему ее дядя так прекрасно сходился с коллегами и группами, то есть поддерживал латеральные отношения.

Глава 8

1 Интересно, что голливудская версия истории Дон Жуана объясняет его характер влиянием супружеских измен его матери.

2 Дон Жуан, вымышленный символ сексуальной распущенности, убил Командора, отца одной из дворянок, которую он соблазнил. При встрече с каменным изображением убитого человека Дон Жуан приглашает его на торжество, на которое каменная статуя приходит и низвергает Дон Жуана, высокомерно бросающего вызов смерти, в ад. Фигуре Дон Жуана, которую в других случаях рассматривают с точки зрения феномена лжи, посвящена половины главы в «Безумцах и медузах» (Mitchell, 2000a).

3 Я говорила о Дон Жуане как об истерике мужского пола на Международном симпозиуме по мифологии в Куско, Перу, в 1989 году (см.: Mitos: Sociedad Peruana de Psicoancilisis Simposio Internacional, p. 20). Я использовала случай «вагинального мужчины» Лиментани, но, пройдя психоаналитический тренинг в качестве аналитика независимой школы объектных отношений, я, к своему стыду, не знала о существовании статьи Эрика Бренмана. Этот опыт, однако, только укрепляет мое ощущение, что мы (хотя и по-разному) видим в нашей клинической практике одно и то же явление.

4 Я обсуждала этот вопрос в связи с истерией; здесь я должна повторно исследовать это в контексте сиблингов.

5 Превосходное краткое описание «гомосексуализма» в контексте психоаналитической теории изложено в статье Богдана Лесника, написанной им для «Энциклопедии психоанализа» под редакцией Р. Скелтона.

Глава 9

1 Еще одной версией этого является понимание Гегелем отношений между сестрой и братом как идеальных из-за их близости без сексуальности.

2 Личное сообщение профессора Мюррея Ласта из Университетского колледжа Лондона о практике в Северной Нигерии.

3 Я всегда была очарована и интеллектуально подавлена, когда думала о близнецах, одновременно желая понять и не зная, как размышлять о них. Я могу проследить это до четко запомнившегося инцидента в детстве, но это только указывает на то, что моя проблема существовала еще раньше. Мне, должно быть, было около семи лет, и я сидела с группой школьных друзей на бревнах на краю школьного игрового поля. Идентичные девочки-близнецы, которые учились классом старше, были частью группы. Меня давно тянуло к ним (или, скорее, к тому, что они собой представляли), и у меня возник вопрос: «Каково это – быть близнецами?»

Мое бессознательное любопытство, несмотря на вероятность унижения и насмешки над младшим ребенком, было удовлетворено, когда одна из них (я всегда думала, что это была «старшая», но в моей памяти они сливаются) ответила: «Что за глупый вопрос! Как мы можем знать, что это такое, когда мы никогда не были чем-то другим?»

Может быть, именно этот ответ привел меня в психоанализ – не только получить возможность узнать другого человека, но и постичь, как человек может узнать самого себя. Теперь мне кажется, что основной вопрос лежит в плоскости братьев и сестер. Когда мне было десять или одиннадцать, я решила стать врачом и приставала ко всем со своей медицинской аптечкой. В то время уже можно было уловить мой едва видимый интерес к тому, чтобы стать психоаналитиком. У меня был друг, его отец был психоаналитиком, но он смущал нас всех. Позитивное вдохновение пришло, когда в возрасте одиннадцати лет я по субботам присматривала за маленькими близнецами и их младшей сестрой, чья мать проходила психоаналитическое обучение. Когда я пишу это, я думаю, что серия книг об известных близнецах, которую мы обожали читать, повлияла на мою любовь к разным странам. Но, вероятно, в основе этих очень ярких воспоминаний школьных дней лежит «универсальное» близняшество, которое относится к расщеплению Эго на параноидно-шизоидной фазе маленького ребенка.

4 «Воображаемый близнец» – очень интересная статья, однако кажется, что Бион в некотором смысле потерял основной сюжет: маскировка пациента под учителя не кажется подходящей; комментарии о том, что защита является «незаконной», подразумевают несостоятельное различие между законной и незаконной защитой; инцестуозный шурин должен быть бисексуальным, а не гомосексуальным, как говорит Бион. Возможно, этот пациент, как и терапевтическая группа, столкнулся с трудностью создания только первичного родителя и эдипальной парадигмы? Бион наверняка понял бы Дж. К. Роулинг, которая поместила Гарри Поттера в интернат: дети интересны вдали от родителей. Отправ-

ленный из Индии в английскую школу-интернат в возрасте восьми лет, Бион был успешным учеником и получил крест Виктории в Первой мировой войне. Неужели аналитическое понимание его важного латерального опыта как вертикального привело его сначала к ранним, «до того, как он был», отношениям младенца с матерью, а затем к абстрактным решеткам и к «Воспоминаниям о будущем» (1975)? «Дискурсивный» анализ «воображаемого близнеца», я думаю, укажет на огромные трудности, с которыми сталкивается аналитик в моменты, когда есть «два я», а он является одним из них.

5 Мать одной из моих первых пациенток умерла от аборта, когда этой пациентке было шесть месяцев. Конечно, она не помнила ее. Однако однажды она пришла очень оживленная, ей впервые приснилась ее мать: «Это был всего лишь телефонный звонок от нее, кажется, я долго ждала этого телефонного звонка [моя пациентка была средних лет], но было приятно услышать ее». Она добавила: «Должно быть, она знала, что я была там». Это позволило пациентке подумать о чувствах матери, когда она оставляла свою маленькую дочь, и от этого мы смогли перейти к началу самовосприятия. Я утверждаю, что такая перспектива имеет отношение к травме сиблинговых отношений. Конечно, здесь задействованы и другие аспекты, такие как признание матери (см. главу 3).

6 Феминизм (сам по себе являющийся следствием сближения женских и мужских отношений) характеризуется приоритетом социальных целей, достижение которых ведет к его исчезновению. Каждый раз, когда феминистская работа возрождается в более спокойных формах, в том числе и моя работа, она неизбежно пытается объяснить универсальное кросс-культурное, трансисторическое, все еще сохраняющееся гендерное неравенство.

Литература

Abraham K. [1913]. Mental after-effects produced in a nine-year-old child by the observation of sexual intercourse between its parents // Abraham, 1942. P. 164–168.

Abraham K. (1922). Manifestations of the female castration complex // International Journal of Psycho-Analysis. V. 3. P. 1–29.

Abraham K. (1942). Selected Papers on Psychoanalysis. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis.

Agger E. M. (1988). Psychoanalytic perspectives on sibling relationships // Psychoanalytic Enquiry. V. 8. № 1. P. 3–30.

Alexander F. (1923). The castration complex in the formation of character // International Journal of Psycho-Analysis. V. 4. P. 11–42.

Anzieu D. (1986). Freud's Self-Analysis. London: Hogarth.

Aries P. (1962). Centuries of Childhood: A Social History of Family Life. New York: Vintage Books.

Bainham A., Day Sclater S., Richards M. (Eds) (1999). What is a Parent? A Socio-Legal Analysis. Oxford: Hart.

Balint E. [1963]. On being empty of oneself // Mitchell and Parsons, 1993. P. 37–55.

Balint E., Courteny M., Elder A., Hull S., Julian P. (1993). The Doctor, the Patient and the Group. London: Routledge.

Balint M. (1952). Primary Love and Psycho-Analytic Technique. London: Tavistock.

Balint M. (1968). The Basic Fault: Therapeutic Aspects of Regression. London: Tavistock.

Bank S., Kahn M. D. (1982). The Sibling Bond. New York: Basic Books.

Barker P. (1996). Regeneration. London: Viking.

Bion W. R. [1948]. Experiences in groups // Bion, 1961.

Bion W. R. [1950]. The imaginary twin // Bion, 1967.
Bion W. R. (1961). Experiences in Groups and Other Papers. London: Tavistock.
Bion W. R. (1967). Second Thoughts: Selected Papers on Psychoanalysis. London: Heinemann Medical.
Blok A. (2001). Honour and Violence. Cambridge: Polity.
Boer F., Dunn J. (Eds) (1992). Children's Sibling Relationships: Developmental and Clinical Issues. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum.
Bollas C. (2000). Hysteria. London: Routledge.
Bowlby J. (1951). Maternal Care and Mental Health. Geneva: World Health Organization.
Bowlby J. (1969). Attachment and Loss. Vol. 1: Attachment. London: Hogarth and Institute of Psycho-Analysis.
Bowlby J. [1973]. Attachment and Loss. Vol. 2: Separation, Anxiety and Anger. New edn, London: Pimlico, 1998.
Bowlby J. [1980]. Attachment and Loss. Vol. 3: Loss: Sadness and Depression. New ed. London: Pimlico, 1998.
Breen D. (Ed.) (1993). The Gender Conundrum: Contemporary Psycho-analytic Perspectives on Femininity and Masculinity. London: Routledge.
Brenman E. (1985). Hysteria // International Journal of Psycho-Analysis. V. 66. P. 423–432.
Brunori L. (1996). Gruppo di Fratelli I Fratelli di Gruppo. Rome: Borla.
Bronte E. [1847]. Wuthering Heights. Reprint London, 1949.
Brown D. (1998). Fair shares and mutual concern: the role of sibling relationships // Group Analysis. V. 31. P. 315–326.
Burlingham D. (1952). Twins: A Stud y of Three Pairs of Identical Twins. London: Imago.
Butler J. (1999). Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity, 10th anniversary edn. London: Routledge.
Byatt A. S. (1992). Angels and Insects. London: Chatto and Windus.
Carveth D. L., Carveth J. H. (2003). Fugitives from guilt: postmodern de-moralization and the new hysterias. URL: http://www.yorku.ca/dcarveth.
Cary J. (1947). Charley is my Darling. London: Michael Joseph.
Cawson P., Wattam C., Brooker S., Kelly G. (2000). Child Maltreatment in the United Kingdom: A Study of the Prevalence of Child

Abuse and Neglect. London: National Society for the Prevention of Cruelty to Children (NSPCC).
Charles M. (1999). Sibling mysteries: enactments of unconscious fears and fantasies // Psychoanalytic Review. V. 86. № 6. P. 877–901.
Chen X., Rubin K. H. (1994). Only children and sibling children in urban China: a re-examination // International Journal of Behavioral Development. V. 17. № 3. P. 413–421.
Chesler P. (1997). Women and Madness. New York: Four Walls Eight Windows.
Cixious H. (1981). Castration or decapitation // Signs. V. 7. № 1. P. 36–55.
Clement C. (1987). The Weary Sons of Freud. London: Verso.
Coles P. (1998). 'The children in the apple tree': some thoughts on sibling attachment // Australian Journal of Psychotherapy. V. 1–2. P. 10–33.
Colonna A. B., Newman L. M. (1983). The psychoanalytic literature on siblings // Psychoanalytic Study of the Child. V. 83. P. 285–309.
Conran M. (1975). Schizophrenia as incestuous failing. Paper to the International Symposium on the Psychotherapy of Schizophrenia, Oslo, Aug.
Coren V. (2002). Why I need to beat up my brother. Evening Standard, 29 Oct.
David-Menard M. (1989). Hysteria from Freud to Lacan: Body and Language in Psychoanalysis. Ithaca: Cornell University Press.
Davidoff L. (1995). Worlds Between: Historical Perspectives on Gender and Class. Cambridge: Polity.
Davidoff L. (2000). Sisters and brothers – brothers and sisters: intimate relations and the question of 'incest'. Paper for workshop, European University Institute, Florence.
Davin A. (1978). Imperialism and motherhood // History Workshop Journal. V. 5. P. 9–65.
de Beauvoir S. (1972). The Second Sex. Harmondsworth: Penguin. Originally published in French, 1947.
Deutsch H. (1947). The Psychology of Women: A Psychoanalytic Interpretation. Vol. 2: Motherhood. London: Research Books.
Dunn J. (1985). Sisters and Brothers. London: Fontana Paperbacks.
Dunn J., Kendrick C. (1982). Siblings: Love, Envy and Understanding. London: McIntyre.

Eisler M. J. (1921). A man's unconscious phantasy of pregnancy in the guise of traumatic hysteria // International Journal of Psycho-Analysis. V. 2. P. 255–286.
Engel G. (1975). The death of a twin // International Journal of Psycho-Analysis. V. 56. P. 23–40.
Erikson E. [1964]. The inner and the outer space: reflections on womanhood. In Erikson, 1975.
Erikson E. (1975). Life Histor y and the Historical Moment. New York: Norton.
Farmer P. (Ed.) (1999). Sisters: An Anthology. London: Allen Lane.
Fenichel O. (1945). The Psychoanalytic Theory of Neurosis. New York: Norton.
Field M. J. (1960). Search for Security: An Ethno-Psychiatric Study of Rural Ghana. London: Faber.
Fortes M., Mayer D. Y. (1965). Psychoses and social change among the Tallensi of Northern Ghana. Etudes et Essais (Revue du Centre National de la Recherche Scientifique). P. 5–40.
Freud A. (1923). The relation of beating-phantasies to a day-dream // International Journal of Psycho-Analysis. V. 4. P. 89–102.
Freud S. [1895]. Studies on Hysteria // Freud, 1953–1974, vol. 2.
Freud S. [1900–1901]. The Interpretation of Dreams // Freud, 1953–1974, vols 4–5.
Freud S. [1905a]. Fragments of an analysis of a case of hysteria // Freud, 1953–1974, vol. 7.
Freud S. [1905b]. The Three Essays on Sexuality // Freud, 1953–1974, vol. 7.
Freud S. [1907]. On the sexual enlightenment of children // Freud, 1953–1974, vol. 9.
Freud S. [1909]. Analysis of a phobia in a five year old boy // Freud, 1953–1974, vol. 10.
Freud S. [1913]. Totem and Taboo // Freud, 1953–1974, vol. 12.
Freud S. [1918]. From the history of an infantile neurosis // Freud, 1953–1974, vol. 17.
Freud S. [1919]. 'A child is being beaten': a contribution to the study of the origin of sexual perversions // Freud, 1953–1974, vol. 17.
Freud S. [1920]. Beyond the Pleasure Principle // Freud, 1953–1974, vol. 18.

Freud S. [1921]. Group Psychology and the Analysis of the Ego // Freud, 1953–1974, vol. 18.

Freud S. [1922]. Some neurotic mechanisms in jealousy, paranoia and homosexuality // Freud, 1953–1974, vol. 18.

Freud S. [1923]. The Ego and the Id // Freud, 1953–1974, vol. 19.

Freud S. [1925]. An autobiographical study // Freud, 1953–1974, vol. 20.

Freud S. [1926]. Inhibitions, Symptoms and Anxiety // Freud, 1953–1974, vol. 20.

Freud S. [1928]. Dostoevsky and parricide // Freud, 1953–1974, vol. 21.

Freud S. [1933]. Femininity // Freud, 1953–1974, vol. 22.

Freud S. (1953–1974). The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud / Ed. J. Strachey. 24 vols. London: Hogarth and Institute of Psycho-Analysis.

Friedan B. (1963). The Feminine Mystique. London: Gollancz.

Gallop J. (1982). Feminism and Psychoanalysis: The Daughter's Seduction. London: Macmillan.

Girard R. (1978). Narcissism: the Freudian myth demythified by Proust // A. Roland (Ed.). Psychoanalysis, Creativity and Literature. New York: Columbia University Press. P. 293–311.

Golding W. (1954). Lord of the Flies. London: Faber.

Goody J. (1990). The Oriental, the Ancient and the Primitive: Systems of Marriage and the Family in the Pre-industrial Societies of Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press.

Goody J. (2002). The African family: yesterday, today and tomorrow. Paper to seminar Gendered Family Dynamics and Health: African Family Studies in a Globalizing World, Legon, Ghana, Oct.

Green A. (1995). Has sexuality anything to do with psychoanalysis // International Journal of Psychoanalysis. V. 76. № 5. P. 871–883.

Hacking I. (1995). Rewriting the Soul: Multiple Personality and the Sciences of Memory. Princeton: Princeton University Press.

Hammel E.A. (1972). The Myth of Structural Analysis: Levi-Strauss and The Three Bears. Addison-Wesley.

Herman J.L. (1992). Trauma and Recovery: From Domestic Abuse to Political Terror. London: Pandora.

Hobson P. (2002). The Cradle of Thought. London: Macmillan.

Hollway W. (2000). Psychological and psychoanalytic discourses on partnering and parenting: the post-war period. Paper, University of Leeds. URL: http://www.leeds.ac.uk/cava.

Holmes J. (1980). The sibling and psychotherapy: a review with clinical examples // British Journal of Medical Psychology. V. 53. P. 297–305.

Holmes J. (2000). Reply to Juliet Mitchell. John Bowlby Memorial Conference, London, Mar.

Hopkins K. (1980). Brother-sister marriage in Roman Egypt // Comparative Studies in Society and History. V. 22. P. 303–354.

Hopper E. (2000). Sibling relationships in groups, organisations and society. Lecture and workshop for International Association of Group Psychotherapy (IAGP). Project, Professional Exchange for Further Education (PEFE), Istanbul, May.

Hufton O. (1995). The Prospect Before Her: A History of Women in Western Europe. Vol. 1: 1500–1800. London: Harper–Collins.

Hunter D. (1983). Hysteria, psychoanalysis and feminism: the case of Anna O // Feminist Studies. V. 9. № 3. P. 464–488.

Isaacs S. (Ed.). (1941). The Cambridge Evacuation Survey: A Wartime Stud y in Social Welfare and Education. London: Methuen.

Jacobs J. [1890]. The story of the three bears // English Fairy Tales. London: Everyman Library, 1993.

Jacobus M. (1995). First Things: The Maternal Imaginary in Literature, Art and Psychoanalysis. London: Routledge.

Jones E. (1922). Notes on Dr Abraham's article on the female castration complex // International Journal of Psycho-Analysis. V. 3. P. 327–328.

Kaplan L. (1991). Female Perversions. London: Pandora Press.

Kelly M. (1983). Post-partum Document. London: Routledge–Kegan Paul.

King H. (1993). Once upon a text: hysteria from Hippocrates // S. L. Gilman, H. King, R. Porter, G. S. Rousseau, E. Showalter (Eds). Hysteria beyond Freud. Berkeley: University of California Press.

Klein M. [1923]. The role of the school in the libidinal development of the child // Klein, 1975, vol. 1.

Klein M. [1932]. The sexual activities of children // Klein, 1975, vol. 2.

Klein M. [1952]. On observing the behaviour of young infants // Klein, 1975, vol. 3.

Klein M. [1957]. Envy and gratitude // Klein, 1975, vol. 3.
Klein M. [1961]. Narrative of a Child Analysis // Klein, 1975, vol. 4.
Klein M. (1975). The Writings of Melanie Klein. Vols 1–4. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis.
Klein M. (2000). The Selected Melanie Klein / Ed. J. Mitchell. London: Penguin.
Kristeva J. (1982). Powers of Horror: An Essay on Abjection. New York: Columbia University Press.
Lacan J. (1982a). Intervention on transference // Mitchell, Rose, 1982. P. 61–73.
Lacan J. (1982b). The meaning of the phallus // Mitchell, Rose, 1982. P. 74–85.
Lacan J. (1993). The Seminar of Jacques Lacan: Book III, The Psychoses (1955–1956) / Ed. J.-A. Miller. London: Norton.
Laing R. D. (1962). Series and nexus in the family // New Left Review. V. 15. P. 7–14.
Laplanche J., Pontalis J.-B. (1973). The Language of Psycho-Analysis. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis.
Laufer M. E. (1989). Adolescent sexuality: a body/mind continuum // Psychoanalytic Study of the Child. V. 44. P. 281–294.
Lechartier-Atlan C. (1997). Un traumatisme si banal. Quelques reflexions sur la jalousie fraternelle // Revue Franfaise de Psychanalyse. V. 1. P. 57–66.
Levi-Strauss C. (1963). Structural Anthropology. New York: Basic Books.
Levi-Strauss C. (1994). The Raw and the Cooked: Introduction to a Science of Mythology. London: Pimlico.
Libbrecht K. (1995). Hysterical Psychosis. New Brunswick, N. J.: Transaction.
Limentani A. (1989). To the limits of male heterosexuality: the vagina-man // Between Freud and Klein: The Psychoanalytic Quest for Knowledge and Truth. London: Free Association Books.
Lindner R. M. (1945). Rebel without a Cause: The Hypno-analysis of a Criminal Psychopath. London: Research Books.
Malinowski B. (1927). Sex and Repression in Savage Society. London: Routledge–Kegan Paul.
Malinowski B. (1929). The Sexual life of Savages. London: Routledge–Kegan Paul.

Mannoni O. (1968). Freud and the Unconscious. New York: Pantheon.
Mauthner M. (2003). Sistering: Powers of Change in Female Relationships. London: Palgrave Macmillan.
Mitchell J. (1966). Women: the longest revolution // New Left Review. V. 40. P. 11–37.
Mitchell J. (1984). Women: The Longest Revolution: Essays on Feminism, Literature and Psychoanalysis. London: Virago.
Mitchell J. (2000a). Mad Men and Medusas: Reclaiming Hysteria and the Effects of Sibling Relationships on the Human Condition. London: Penguin.
Mitchell J. (2000b). Psychoanalysis and Feminism (with a new introduction). London: Penguin Press. First published, 1974.
Mitchell J. (2003). Natasha and Helene in Tolstoy's War and Peace: gender conventions and creativity // F. Moretti (Ed.). II Romano. Vol. 3. Rome: Einaudi.
Mitchell J., Goody J. (1999). Family or familiarity? // Bainham et al., 1999. P. 107–117.
Mitchell J., Parsons M. (Eds) (1993). Before I was I: Psychoanalysis and the Imagination by Enid Balint. London: Free Association Books.
Mitchell J., Rose J. (Eds) (1982). Feminine Sexuality and the Ecole Freudienne. London: Norton.
Mitscherlich A. (1963). Society without the Father. London: Tavistock.
Oakley A. (1972). Sex, Gender and Society. London: Temple Smith.
Oberndorf C. P. (1928). Psychoanalysis of siblings. Paper to the 84th annual meeting of the American Psychiatric Association, Minneapolis, June.
Okin S. (1989). Justice, Gender and the Family. New York: Basic Books.
Parsons A. (1969). Belief, Magic and Anomie: Essays in Psychosocial Anthropology. New York: Free Press.
Pateman C. (1989). The Disorder of Women: Democracy, Feminism and Political Theory. Cambridge: Polity.
Pontalis J.-B. (1981). On death-work // J.-B. Pontalis. Frontiers in Psychoanalysis: Between the Dream and Psychic Pain. London: Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis. P. 184–193.
Porter R. (1987). A Social History of Madness: Stories of the Insane. London: Weidenfeld and Nicolson.
Rank O. [1924]. The Trauma of Birth. London: Routledge, 1999.

Riley D. (1983). War in the Nursery: Theories of the Child and Mother. London: Virago.

Riviere J. (1929). Womanliness as masquerade // International Journal of Psychoanalysis. P. 303–313.

Riviere J. [1932]. On jealousy as a mechanism of defence // Riviere. 1991.

Riviere J. (1991). The Inner World of Joan Riviere: Collected Papers: 1920–1958 / Ed. A. Hughes. London: Karnac.

Roheim G. (1934). The Riddle of the Sphinx. London: Hogarth and Institute of Psycho-Analysis.

Roy A. (1997). The God of Small Things. London: Flamingo.

Rubin G. [1975]. The traffic in women: notes on the political economy of sex // Scott, 1996b. P. 105–151.

Rutter M. (2000). Eighth John Bowlby Memorial Lecture. City of London School for Girls, Mar.

Saadawi Nawal El (2002). Walking through Fire: A Life of Nawal El Saadawi. New York: Zed Books.

Sabbadini A. (1988). The replacement child: an instance of being someone else // Contemporary Psychoanalysis. V. 24. № 4. P. 528–247.

Sabean D. W. (1993). Fanny and Felix Mendelssohn-Bartholdy and the question of incest // Musical Quarterly. V. 77. № 4. P. 709–717.

Sayers J. (1991). Mothering Psychoanalysis. London: Hamish Hamilton.

Scott J. W. (1996a). Gender: a useful category of historical analysis // Scott, 1996b. P. 152–180.

Scott J. W. (Ed.) (1996b). Feminism and History. Oxford: Oxford University Press.

Seccombe W. (1993). Weathering the Storm: Working-Class Families from the Industrial Revolution to the Fertility Decline. London: Verso.

Segal H. (1986). The Work of Hanna Segal: A Kleinian Approach to Clinical Practice. London: Free Association Books.

Sexton A. [1962]. All my pretty ones // Sexton, 1991.

Sexton A. (1991). The Selected Poems of Anne Sexton / Ed. D. W. Middlebrook, D. H. George. London: Virago.

Shechter R. A. (1999). The meaning and interpretation of sibling-transference in the clinical situation // Issues in Psychoanalytic Psychology. V. 21. № 1–2. P. 1–10.

Shepherd B. (2002). A War of Nerves: Soldiers and Psychiatrists 1914–1918. London: Pimlico.

Showalter E. (1987). The Female Malady: Women, Madness and English Culture, 1830–1980. London: Virago.

Showalter E. (1997). Hystories: Hysterical Epidemics and Modern Culture. London: Picador.

Steiner R. (1999). Some notes on the 'heroic self' and the meaning and importance of its reparation for the creative process and the creative personality // International journal of Psychoanalysis. V. 80 (Aug.). Part 4. P. 685–718.

Stoller R. (1968). Sex and Gender. London: Hogarth.

Sulloway R. (1996). Born to Rebel: Birth Order, Family Dynamics and Creative Lives. London: Little, Brown.

Szreter S. (1996). Fertility, Class and Gender in Britain, 1860–1940. Cambridge: Cambridge University Press.

Therborn G. (2002). Between sex and power: the family in the world of the twentieth century. Paper presented at the Yale Colloquium on Comparative Social Research, 24 Oct.

Ussher J. (Ed.) (1997). Bod y Talk: The Material and Discursive Regulation of Sexuality, Madness and Reproduction. London: Routledge.

Volkan V. D., Ast G. A. (1997). Siblings in the Unconscious and Psychopathology. Madison: International Universities Press.

Walby S. (1986). Patriarchy at Work: Patriarchal and Capitalist Relations in Employment. Cambridge: Polity.

Weldon E. V. (1988). Mother, Madonna, Whore: The Idealization and Denigration of Motherhood. London: Free Association Books.

Williams C. D. (1935). Kwashiorkor // Lancet. 16 Nov. P. 1151.

Williams C. D. (1938). Child health in the Gold Coast // Lancet. 8 Jan. P. 97–102.

Williams C. D. (1962). Malnutrition // Lancet. 18 Aug. P. 342–344.

Winnicott D. W. [1931]. A note on normality and anxiety // Winnicott, 1975.

Winnicott D. W. [1945]. The only child // Winnicott, 1957.

Winnicott D. W. (1957). The Child and the Family: First Relationships (broadcast talks). London: Tavistock.

Winnicott D. W. (1958). The Anti-social Tendency: Through Paediatrics to Psycho-Analysis. London: Tavistock.

Winnicott D. W. (1964). The Child, the Family and the Outside World. London: Pelican.

Winnicott D. W. [1959–1964]. Classification: is there a psycho-analytic contribution to psychiatric classification? // Winnicott, 1965b. P. 124–139.

Winnicott D. W. [1960]. String: a technique of communication // Winnicott, 1965b.

Winnicott D. W. (1965a). The Family and Individual Development. London: Tavistock.

Winnicott D. W. (1965b). Maturational Processes and the Facilitating Environment. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis.

Winnicott D. W. (1971). Playing and Reality. London: Tavistock.

Winnicott D. W. (1975). Through Pædiatrics to Psycho-Analysis. London: Hogarth.

Winnicott D. W. (1978). The Piggie: An Account of the Psychoanalytic Treatment of a Little Girl. London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis.

Wolf K. M. (1945). Evacuation of children in wartime: a survey of the literature, with bibliography // Psychoanalytic Study of the Child. V. 1. P. 389–404.

Young-Bruehl E. (1988). Anna Freud: A Biography. London: Macmillan.

Научное издание

Джулиет Митчелл

СКРЫТАЯ ЖИЗНЬ БРАТЬЕВ И СЕСТЕР

Угрозы и травмы

Редактор – *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет, обложка и верстка – *В. П. Ересько*

Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1
Тел.: +7 (495) 540-57-27
E-mail: cogito@bk.ru
www.cogito-shop.com

Сдано в набор 14.08.20. Подписано в печать 23.08.20
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать цифровая
Гарнитура NewtonC. Усл. печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 15,5
Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6